

Карина Шаинян

Че Гевара²

Книга вторая
НЕВЕСТЫ ЧИМОРТЕ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

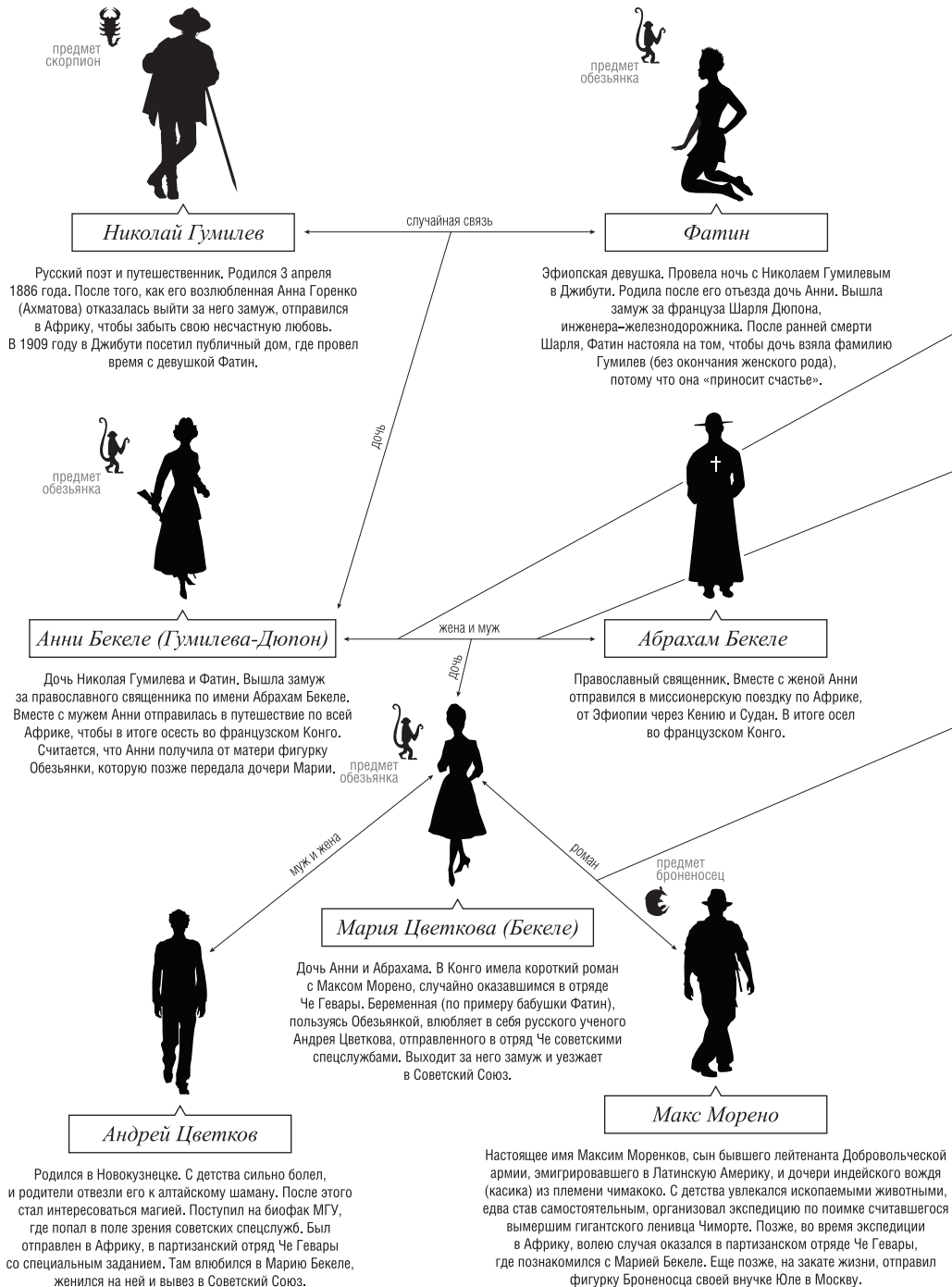
Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2011

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ООО
«Популярная литература»
Москва, 2011

СХЕМА ОТНОШЕНИЙ

ГЕРОЕВ РОМАНА

Габриэль Бекеле

Православный священник в Конго (Заир). Во время кампании «подлинного заирского национализма», проводимой диктатором Мобуту, Габриэль продолжил крестить детей христианскими именами, что являлось тогда преступлением (имена должны быть только африканскими). Попал в тюрьму, вышел через два года. По пути домой исчез. Более о нем ничего не известно. Считается пропавшим без вести.

Текле Бекеле

Родился в 1945 году. В 80-х годах перебрался в Египет, открыл ювелирную лавку. Через несколько лет у него была целая сеть магазинчиков, торгующих одеждой. В 1993 году перебрался с семьей в США. Перед отъездом у него родилась дочь Аттика.

Аттика Шибанова

Американская супермодель африканского происхождения, дочь Текле Бекеле. Родилась в 1992 году в Египте. Одна из самых востребованных моделей в мире, «ангел» Victoria's Secret. В результате событий, связанных с эпидемией вируса в США, оказалась на зараженной территории. Там познакомилась с внуком Александра Шибанова Ростиславом Шибановым, известным хоккеистом, и вышла за него замуж (подробнее смотри серию «Армагеддон»).

дочь

Екатерина Цветкова (Степанова)

Врач, специалист по тропической медицине. Дочь Марии и Макса Морено. Фамилию взяла от отца, Андрея Цветкова, вопреки настоянию матери. Разозлившись, Мария не отдала ей фигурку Обезьянки. Екатерина некоторое время была замужем за Игорем Степановым, ученым-ядерщиком. От этого брака родилась дочь Юлия.

жена и муж

Игорь Степанов

Ученый-ядерщик. Некоторое время был женат на Екатерине Цветковой. Отец Юлии Гумилевой-Морено.

предмет
броненосец

дочь

Юлия Игоревна Гумилева-Морено (Степанова)

Родилась 15 сентября 1985 года. Когда получала паспорт, по собственному желанию взяла двойную фамилию и стала Гумилева-Морено. В подарок от родного деда Макса Морено получила по почте из Боливии фигурку Броненосца, вследствие чего испортила жизнь себе и художнику Сергею Тихонову.

Сергей Тихонов

Талантливый художник, набирающий популярность. Случайно столкнувшись на рынке в гостинице «Севастополь» с Юлией Гумилевой-Морено, уговорил ее позировать для картины. Совместная работа переросла в любовный роман, вроде бы оказавшийся скоротечным. Однако события, закрутившиеся вокруг фигурки Броненосца, затянули и Сергея, вследствие чего он оказался в Боливии и познакомился с Максом Морено.

роман

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш81

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Шаинян, К.

Ш81 Че Гевара 2. Книга вторая: Невесты Чиморте / Карина Шаинян — М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2011. — 256 с.

События, развернувшиеся вокруг таинственной металлической фигурки Броненосца, неудержимо раскручиваются не только в пространстве, но и во времени.

Герои переносятся из здания биофака МГУ в конголезский партизанский отряд под командованием Че Гевары; верхом на лошади попадают из середины XX века в начало XXI-го... Юлька Гумилева совершает побег с тайной базы ЦРУ, чтобы вновь потерять свободу, но уже в таинственном монастыре, затерянном в джунглях Боливии, где монахини поклоняются неведомому и зловещему Святому Чиморте; а молодой зверолов русского происхождения получает странную книгу советского фантаста, чтобы через много десятков лет разгадать ее тайну.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш81

ISBN 978-5-904454-54-8

© Рыков К., 2011
© Шаинян К., 2011
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2011

ПРОЛОГ

Конго, июнь 1965 года

«Май-май, — кричат симба и отчаянно размахивают пальмовыми ветвями. — Май-май! Вода-вода!» Сверкают на потных черных лицах белки бешено вращающихся глаз, сверкают оскаленные зубы, и пули солдат превращаются в воду, послушные заклинаниям. А если кто упал, крича от обжигающей боли или — молчаливый, мертвый, — так это от недостатка веры, от нехватки силы, от того, что неправильно повторил заклинания. Изумрудная и сажа — для джунглей. Коричневый марс и глубокий черный — для тел. Охра — для пальмовых листьев, для защиты от пуль, для колдовства. Алая, чистая, беспримесная алая — для крови...

Май-май! Вода-вода! Много чистой прохладной воды для племени, и много мяса, и женщин, и денег, отобранных у богачей, и у белых, и у чужих племен. Колдунов надо слушать! Колдуны идут за повстанцами, непостижимые и жуткие под своими масками, — ультрамарин, и желтый, и красный украшает их пояса, а на масках — белые узоры. И симба знают о том, что колдуны рядом, и солдаты правительства тоже знают, и им страшно. А за колдунами идут гиены, вечно

голодные, терпеливые, идут и смеются: так много еды! Драки не будет — мяса врагов хватит на всех.

И чья-то гигантская тень, нависающая над бойней, чудится во тьме джунглей...

Че Гевара сидит у огня; вокруг его африканские товарищи празднуют победу. Рокочут барабаны, и голые лоснящиеся тела бьются в воинственном танце. Колдуны трясут пышными юбками, маски черного дерева угрожающе пучат глаза. Иссиня-черный, кармин, кадмий, марс. Это — соратники-партизаны, марксисты, надежда и опора революции, которая вскоре охватит весь континент. Это ради них Че покинул Кубу, чтобы им помочь обрести свободу и добиться справедливости. Это они будут строить новую жизнь, когда герилья перейдет во всеобщее восстание и марксизм в Конго победит.

Всю ночь празднуют люди, которые не боятся стрелять. Отблески пламени мечутся в густой тьме. У дыма костров тошный, сладковатый привкус. Че Гевара не хочет присматриваться к тому, что там готовят.

Слава богу, на том, у которого остановился команданте, жарится всего лишь свинина...

Ятаки, Боливия, ноябрь 2011 года

— Я не люблю слушать про чужие сны, — сказал Макс Морено. — А еще я не люблю вспоминать Конго. Никто не любит.

Сергей пожал плечами и лениво потянулся. Тонкий спальник отсырел; над головой нависали торчащие из потолка клочья какой-то травы, а бамбуковый пол опасно прогибался под тяжестью тела. С улицы доносился унылый запах

запеченной в листьях рыбы, от которой уже тошнило. В общем, вся обстановка настолько напоминала галлюцинации, которые наводила на художника Юлька, что иногда он пугался: а вдруг девчонка продолжает развлекаться и вся его поездка в Боливию — всего лишь замысловатый, затянувшийся морок?

С тех пор как Сергей в сентябре познакомился с Юлей Гумилевой-Морено, вся жизнь художника пошла вразнос. Роман с идеальной моделью длился недолго и закончился как-то по-дурацки: Сергей заработался, Юлька обиделась... После этого нелепого расставания жизнь художника превратилась в кошмар наяву — его внезапно начали одолевать галлюцинации, в которых он участвовал в последнем походе Че Гевары, причем в какой-то альтернативной версии: Сергей был давним поклонником команданте и прекрасно знал, что боливийская герилья оборвалась в начале октября шестьдесят седьмого года. В кошмарах же он с отрядом Че смог скрыться из рокового ущелья и отправился вглубь сельвы к старому монастырю на болотах, обителищу то ли ископаемого животного, то ли древнего индейского бога по имени Чиморте, которого совершенно необходимо освободить. Каким-то образом это должно было помочь Че Геваре добиться победы...

Напуганный бредовыми видениями, Сергей бросился к врачам, потом — к целительнице-шарлатанке, но напрасно. В конце концов в попытке излечиться он согласился на индейский мистический обряд аяваски, но столкнулся во время путешествия в Нижний Мир с шаманом по имени Ильич... и на следующий же день обнаружил, что за ним охотятся индейцы. Безумная драка на Арбате с ансамблем боливийских музыкантов показалась бы комичной, если б не была настолько странной. За ним следили; квартиру обыскивали;

а внезапно прорезавшаяся Юлька дала понять, что галлюцинации — ее рук дело...

Зато с работой все было прекрасно: последняя выставка оказалась настолько успешной, что Сергей решил позволить себе путешествие. Правда, основные деньги принесла картина, которую он продавать не собирался: «Каракас-Майами», из-за которого и вышла ссора с Юлькой, так нравилась художнику, что он хотел оставить ее себе. Однако продал, и продал не ценителю, а какому-то невнятному типу по имени Алекс Сорокин... Сергей сам не понял, почему согласился расстаться с летящим над Карибами самолетом, в котором молодой Че Гевара перевозил лошадей своего родственника. Сергей решил, что ему пора отдохнуть; хотел уехать в глушь, чтобы порисовать индейцев и вообще развеяться... Развеялся! Спонтанная поездка в Боливию с самого начала пошла не так. Стоило ему добраться до Камири, и он в собственном номере наткнулся на истерзанный труп учителя-волонтера. Дневник Дитера, найденный там же, напугал Сергея. Он понял, что монастырь, который он видел в галлюцинациях, существует на самом деле, что Чиморте — это нечто реальное и что именно он, скорее всего, и стал каким-то мистическим образом причиной кошмарной смерти учителя.

Сергей хотел сбежать, но внезапно на него напали со всех сторон: добродушный американец Сирил Ли, вытащивший его из каталажки, оказался представителем ЦРУ; инспектор полиции мечтал повесить на художника нераскрытое убийство немца; да еще объявились двое, один из которых — оказался тем самым шаманом, а другой — дедушкой Юльки. Стоило им познакомиться, и Сергей понял, что манера втягивать людей в неприятности — дело семейное: старик Макс Морено, с которым девушка даже не была знакома, обладал

таким же невыносимо-непоседливым характером, буйным воображением и талантом находить приключения на свою и чужие головы. Совершенно обалдевшему от нагромождения событий Сергею объяснили, что он — тот самый человек, который способен совладать с Чиморте, что за контроль над древним зверобогом со времен Че Гевары борется ЦРУ, а его освобождение приведет к кровавой кутерьме во всей Южной Америке... а может, и во всем мире — кто знает, какие запутанные нити связывают события, происходящие на противоположных сторонах земли? Правда, для контакта с Чиморте нужен еще и броненосец, которого Макс, напуганный суетой вокруг фигурки, отправил внучке. Надеялся, что у нее предмет будет в безопасности. Нашел на кого надеяться, мог бы просто посмотреть в зеркало... Юлька, следуя семейной манере вляпываться во все, что подворачивается под руки, оказалась в Боливии, на базе ЦРУ. Американцы требовали, чтобы Сергей принял их сторону; Ильич и Макс Морено требовали свое; совесть (а заодно и любящий, но легкомысленный дедушка) требовала, чтобы он отправился выручать Юльку. И все они требовали, чтобы Сергей отправился в Ятаки, деревню, через которую лежал единственный путь к загадочному монастырю. А инстинкт самосохранения вопил, плакал, упрашивал, чтобы Сергей послал все требования к черту и срочно ехал домой, в Москву, в свою привычную и родную квартиру, чтоб залез под одеяло, и желательно с головой, и не высовывался...

— И что, ты теперь бросишься это рисовать? — ворчливо спросил Макс, прервав размышления Сергея. Художник снова пожал плечами. — Это тебе не «Каракас-Майами», — не унимался старик.

— «Каракас-Майами» я уже нарисовал, — медленно ответил Сергей.

«Что за огромная тень ворочалась там, на самом краю сознания? — подумал он. — Что за тень, так похожая на Чиморте — не видом, не было там никакого вида, — а смыслом, сутью своей? Или это индейский зверобог проник в африканский сон? Как было бы просто объяснить все шутками перегруженного мозга. Просто и успокоительно». Сергей покачал головой и нахмурился, пытаясь уловить какую-то смутную мысль.

— Он так близко, — проговорил художник.

— Чиморте? — откликнулся Макс. — Еще бы.

Не рыбой уже пахли предрассветные сумерки — а тиной и тухлым мясом, и туман поднимался от земли, как пар от горячей косматой шкуры.

— Он так близко, — повторил Сергей.

ГЛАВА 1

ПОБЕГ

База ЦРУ в дельте Парапети, Боливия, ноябрь 2010 года

Над сельвой шел дождь. Вода шуршала по пальмовой крыше, проступала каплями на бамбуковых стенах комнаты, и даже запах дыма, доносящийся с кухни, казалось, был пропитан водой. Лежа на спине, Юлька спросонья мрачно рассматривала москитную сетку. Верх отяжелевшего от влаги полога провис, и было видно, что всю ночь над ним ели. Ели долго и обильно, и теперь прозрачная ткань была усыпана обломками хитина, страшненькими колючими ногами и прочими остатками ночного пиршества, устроенного гекконами, пауками, мышами и черт знает кем еще.

Юлька двумя пальцами брезгливо отодвинула сетку, стараясь, чтоб с нее не посыпалось, накинула отсыревшее пончо и вышла на веранду. Хижина на высоких сваях стояла у самого берега, и река была как на ладони. На той стороне едва виднелись покрытые джунглями холмы, расплывчатые, будто пятна гуаши на мокрой бумаге. Высокая вода распухшей от ливней Парапети напоминала ненавистное детсадовское какао — такая же густая светло-коричневая, с розоватым

оттенком жидкость, а ветки, листья и прочий мусор плыли по ней хлебными крошками. Путь по реке оказался перекрыт — нечего было и думать о том, чтобы соваться в такой поток на утлом каноэ. Может, это знак, намек на то, что побег будет не лучшим выходом? Юлька вздохнула и прислушалась.

Из столовой доносились мирно бубнящие голоса и позвякивание посуды. Обитатели лагеря собрались на завтрак, но Юлька и не думала спускаться. Она не могла как ни в чем ни бывало сесть за один стол с людьми, которые собирались ее убить. Вчерашние ярость и отчаяние за ночь переплавились в ледяную злость, и она была сильнее любого голода.

На счастье Юльки, в доме нашлась гроздь мелких пахучих бананов. Юлька отламывала их один за другим и поедала, со злорадным удовольствием бросая скользкую кожуру на дорожку, ведущую мимо хижины. Голоса стали громче, за скрипел под ногами гравий, и под верандой появился Алекс. Перегнувшись через перила, Юлька с затаенной надеждой следила, как он приближается к банановой кожуре. Но вскоре она выпрямилась с разочарованным вздохом и отступила в глубь веранды: вместо того чтобы поскользнуться и рухнуть, как в самой низкопробной комедии, цэрэушник аккуратно собрал шкурки и забросил их в кусты.

Хлопнула дверь в хижину, и Юлька испуганно вздрогнула. Зачем пришел Алекс? Уговаривать? Запугивать? А может, просто придушить ее — и дело с концом? И с трупом возиться не надо — бросил в реку, на радость пираньям, и никакой возни... Нет. Такого не может быть, так просто не бывает. Опять будет нудить, чтобы отдала Броненосца... Юлька упрямо выдвинула челюсть и закурила.

— Я добился, чтобы шеф отменил приказ о твоей ликвидации, — сказал Алекс, выходя на веранду. Юлька фыркнула

и отвернулась. — Понимаешь? Как только ты передашь предмет, я лично посажу тебя в самолет. Никто тебя и пальцем не тронет.

— И что, вы не уже боитесь, что я все расскажу? — раздраженно спросила Юлька.

Алекс весело ухмыльнулся.

— Что ты расскажешь? — спросил он. — Что дедушка из Боливии прислал тебе волшебный предмет, за которым охотятся агенты ЦРУ? — Алекс рассмеялся. — Да пожалуйста, рассказывай. Кто тебе поверит? Ты сама себе толком не веришь до сих пор.

— Журналисты...

— В желтейшей из желтых газет! Да пусть пишут, сколько влезет. На фоне крокодилов в канализации прокатит и не такое. За крокодилов, пожалуй, гонорар даже получше будет...

— Кстати, — оживилась Юлька, — почему ты не попытаться просто купить предмет? Просто предложить мне деньги и не затевать всю эту историю? Еще месяц назад я думала, что это всего лишь красивый кусок железа.

Алекс вздохнул.

— Да потому что мы не знаем! — воскликнул он. — Не знаем, будет ли работать предмет после продажи! Рисковать и экспериментировать нам запрещено — слишком большие ставки. Только добровольный дар. Ну и как работать в таких условиях?!

— Ты что, жалуешься? Мне?! — Юлька удивленно рассмеялась. — Слушай, а ты точно цэрэушник? Что-то ты разоткровенничался. Не слишком ли ты болтлив для агента?

— Ну хочешь, надену черные очки и костюм. Любой агент знает, когда пора болтать. Заметь — я рассказал тебе правду, и ты уже колеблешься. Так ведь? Ты уже думаешь,

не отдать ли мне предмет. И правильно. Это ведь самый простой выход для тебя, Юлька. И, в общем-то, единственный.

— Н-да... Но откуда мне знать, что ты сейчас не врешь? И вообще, ты меня убить собирался! А может, и сейчас собираешься...

— Да нет же. Пойми — ситуация слишком фантастическая, чтобы ее кто-то воспринял всерьез. Все равно что слухи о телах инопланетян в Зоне 51.

— Так они там все-таки есть?

Алекс улыбнулся и пожал плечами.

— Что ты знаешь о Южной Америке? — неожиданно спросил он.

— Ну... — Юлька, сбита с толку, потерла виски. — Здесь индейцы, Анды и тапиры... и...

— Понятно, — хмыкнул Алекс. — В общем, ничего. Не имеешь представления ни о здешних проблемах, ни о политических раскладах...

— Да меня от политики всю жизнь тошнило, — буркнула Юлька.

— Так зачем ты в нее лезешь? Броненосец может решить судьбу целого континента. В наших руках он многое изменит к лучшему. В твоих — бесполезен и даже опасен. Ты ничего не понимаешь, не представляешь, что здесь творится.

— Тогда объясни мне!

— Впихнуть в тебя курс истории и экономики за полчаса? Юлька, ну смешно же. Тут люди поумнее тебя ломают головы.

Юлька яростно отшвырнула окурок. Все шло как-то наперекосяк. Еще немного — и окажется, что она — безмозглая упертая дура, а Алекс — славный парень, который всего лишь делает свою работу... Стоп. Что это за работа такая, на которой нужно живых людей убивать?!

— То есть твои намерения чисты, а цель оправдывает средства? — ядовито уточнила Юлька. Алекс пожал плечами.

— Ты не поверишь, но — да, — проворчал он.

— Не поверю, конечно.

— Ты же сказала, что тебе плевать на политику.

— Ну да.

— Так какая тебе, черт побери, разница?! — заорал Алекс. — Какое тебе дело до того, кто станет следующим президентом? Ты все равно ни черта не знаешь! Как же тебе объяснить... Пойми, Юлька, мы не в сказке живем. Что ты тут — сидишь и пытаешься на лету определить, кто здесь хороший, а кто плохой? Не выйдет! Никто не будет строить рай на земле, и морить детей голодом тоже никто не будет! Какое тебе дело, у кого контроль — у нас или у местных? Вопрос только в том, в чей карман пойдут деньги. Тебе какая разница?

— Подожди-подожди, — подобралась Юлька и озадаченно нахмурилась. — Ты что, готов меня убить ради того, чтобы какой-то старый нефтяной хрыч не упустил лишний миллиончик?!

Раскрыв рот, Юлька потрясенно уставилась на агента. Алекс начал было говорить и осекся. Беспощадная простота формулировки не оставляла места для маневра. Вопрос оказался настолько глуп, что вдаваться в объяснения и выкручиваться было невозможно. Молчание же подразумевало только один ответ.

— Ты что, совсем сдурел? — тихо спросила Юлька.

Алекс растерянно хохотнул и застыл. Уже много лет он жертвовал чужими жизнями и рисковал своей. Это его работа, его жизнь... Передряги, из которых и не надеялся выбраться живым, погибшие на глазах друзья. Женщины, которые ему нравились, которым нравился он, и которых

приходилось бросать одну за другой, бросать без объяснений и прощаний, а то и отправлять в тюрьму. Одиночество, ложь, роли, сдавливающие железными тисками. Черные ночи, когда хотелось выть от жалости к себе, и другие ночи, еще чернее, когда вокруг роились тени тех, кого он предал. Все ради дела. Израненное тело, скрученные узлом нервы — ради дела. Искореженная, извращенная постоянной игрой психика — ради дела. И эта курица смеет говорить про лишний миллиончик для старого хрыча? Да это не он сдурел...

— Идиотка, — процедил Алекс. — Ты думаешь, твоя жизнь драгоценна? Да она гроша ломаного не стоит! Кем ты себя возомнила? Президентом галактики?!

Юлька смотрела на него как на неведомого неприятного зверька и сама была для него таким же зверьком — непостижимым и невыносимо раздражающим. Раздавить, размазать, чтоб мокрого места не осталось, ничего, напоминающего этот взгляд. Алекса захлестывал гнев. Вбитые годами тренировок навыки разведчика, способность управлять собой растворились в нем без остатка, как в горячей болотной жиже.

— Тебя здесь пришьют, и никто не заметит, — проговорил он.

— Броненосец заметит, — ответила Юлька.

Алекс развернулся и вышел из хижины, грохнув дверью.

Юлька обессиленно опустилась в кресло, тупо глядя на бурлящую реку. От пережитого страха руки тряслись так, что она не сразу смогла прикурить. Несколько ужасно долгих секунд Юлька была уверена, что ее действительно убьют, причем — прямо сейчас. О том, как такое может быть, она подумает позже. Пора принять хоть какое-то решение. До сих пор Юльке казалось, что она в безопасности, но теперь стало понятно,

что это всего лишь иллюзия. Тянуть дальше невозможно, еще немного — и у Алекса окончательно сдадут нервы.

Серый столбик пепла упал на колени, и Юлька рассеянно смахнула его ладонью. На ноге остался грязный след. Ей нужна помощь, совет... Мобильник почему-то не работал с тех пор, как они приехали в лагерь, — впрочем, теперь понятно почему. Юлька повертела бесполезный телефон в руках, сдвинула крышку — аккумуляторы и симка на месте, но мало ли что могли с ним сделать... Позвонить не получится — да и кому звонить? Бабушке, маме, подругам? Они не помогут, только напугаются зря. Вот Сергей, наверное, смог бы что-нибудь придумать. Тем более что он как-то замешан в эту историю, а судя по оговоркам Алекса — и вовсе может оказаться в Боливии. Только вот непонятно, как с ним связаться...

А ведь способ есть, внезапно сообразила Юлька. С помощью Броненосца она может навести галлюцинацию на кого угодно. Так, может, наслать на Сергея видение, в котором он спасает ее? Юлька достала фигурку; металл по-прежнему слегка холодил пальцы и был настолько чист и гладок, что, казалось, отбрасывал на бамбуковые стены серебристые отсветы. Она сжала Броненосца в ладони и сосредоточилась.

(...прорвался через ворота и, разбрасывая ударами кулаков каких-то невнятных типов, замаскированных под туристов, бросился к домику, в котором заперли Юльку. Она не стала дожидаться, пока художник сломает дверь, — свай, поддерживающие веранду, соединяли прочные перекладины, и Юлька легко сумела спуститься по ним и кинуться навстречу. Почему-то в Сергея не стреляли — она успела подбежать к нему, у него были большие, теплые руки, и пахло, как раньше, — растворителем для красок, кофе, табачным дымом, — и на мгновение Юлька поверила, что спасена и все теперь

будет хорошо. Но тут небо заполнил гул, и на них посыпались крепкие парни в камуфляже. На Сергея навалились. Какое-то время он отбивался, но вес мускулистых тел был слишком велик, а потом Юлька услышала влажный хруст, глаза художника закатились, и...

... — нужен нам живым, — сказал Алекс, насмешливо поглядывая на обмотанного скотчем художника, лежащего в углу хижины безвольной грудой. — Отлично получилось, не придется теперь уговаривать...

...а где-то в болотах к северо-востоку от лагеря стenal, ворочался, выл в отчаянии огромный зверь, и медленные круги расходились по трясине...)

Юлька выпустила Броненосца и затрясла головой. Видно, не судьба. Она попыталась еще раз сосредоточиться, передать — образ лагеря, населяющих его людей, шлагбаум на въезде. Мелькнуло хохочущее, злобно-счастливое лицо Алекса, и Юлька отдернула руку от фигурки. Нет уж, такое спасение не нужно ни ей, ни Сергею. Кажется, Броненосец не так уж прост; а она-то думала, что может управлять предметом, как хочет... Ладно, придется думать самой. Юлька спрятала фигурку под футболку, раскрыла блокнот и задумчиво прикусила кончик ручки.

«1. Почему предмет дает контроль над Южной Америкой? Кого они собираются заморочить? — записала она. — Что вообще на самом деле делает Броненосец?

2. Как с этой историей связан Сергей?»

Она мрачно оглядела куций список. Чернила расплывались по отсыревшей бумаге, и из-за этого буквы казались вялыми и неуверенными. Вообще-то правильный вопрос был один — как ей выпутаться из этой истории живой и невредимой. Рискнуть, поверить Алексу и отдать предмет? Она уже

один раз рискнула, из чистого любопытства и любви к приключениям, когда практически призналась, что Броненосец у нее, и согласилась ехать в Боливию. И что из этого вышло?

Юлька зажмурилась от ужаса, вспомнив покрывшееся бурыми пятнами лицо озверевшего Алекса. Надо же было так вляпаться. Не будь предмета — сидела бы сейчас над каким-нибудь переводом или клепала талисманчики и горя не знала бы. За каким чертом дед вообще осчастливил ее Броненосцем? Юлька прерывисто вздохнула и неуверенно вывела цифру три.

«3. Зачем дед прислал предмет? Почему именно сейчас, а не, например, пятью годами раньше или позже?»

Юлька остановилась и хлопнула себя по лбу. Зачем гадать, когда можно было просто спросить? Они же проезжали через Камири. Надо было упираться, надо было кричать о своих родственных чувствах на весь город, требовать, чтобы ей помогли найти сеньора Морено... Возможно, тогда Юлька не оказалась бы запертой в лагере посреди джунглей вместе с кучкой шпионов-психопатов. Наверное, дед смог бы ее защитить или хотя бы предупредить об опасности, дать совет... Он не отказал бы ей в помощи, раз уж втянул ее в эту безумную историю; да если бы и отказал — Юлька не оставила бы старика в покое, пока не добилась бы своего.

С нее все и началось, с фигурки Броненосца, которую внезапно прислал боливийский дедушка. С волшебной фигурки, которая позволяла наводить галлюцинации. Морок. Видения — называй как хочешь... Именно из-за нее девушка, единственным талантом и интересом которой было делать приносящие счастья украшения, оказалась в этой дыре пленницей агентов ЦРУ. Юлька не впервые видела фигурку из неизвестного серебристого металла, дававшую своему

владельцу необычные способности: ее бабушка Мария, африканская ведьма, бережно хранила Обезьянку, которая усиливала сексуальную привлекательность настолько, что никто не мог устоять... Самой Марии он помог очаровать советского ученого и попасть в Москву — правда, жених, Андрей Цветков, был не прост, и счастья это Марии не принесло. Этот предмет передавался в ее семье по женской линии, и Юлька с детства слышала истории о том, как злая старуха по имени Мириам пыталась отобрать фигурку.

Теперь Юлька удивлялась, как же до нее не дошло, что внезапно присланный дедом Броненосец может доставить ей массу проблем. Однако поначалу она только радовалась ему — после расставания с Сергеем волшебный предмет принес ей немало мрачного веселья, когда она раз за разом заставляла художника бессмысленно метаться по боливийской сельве.

Однако вскоре начались неприятности. На Сергея напали индейцы — и Юлька быстро сообразила, что они ищут Броненосца. А новый поклонник, мелкий московский бизнесмен по имени Алекс Сорокин, подозрительно интересовался Юлькиной семейной историей и ее украшениями... особенно теми, которые достались по наследству. И она еще поехала с ним в Боливию! Сама, добровольно, отправилась, черт возьми, в романтическое путешествие! Она не могла объяснить себе теперь, — то ли она не поверила тогда своей интуиции, то ли бессознательно захотела добавить жизни перца... Добавила! Мелкий бизнесмен, ха!

Итак: надо добраться до Камири, найти деда и поговорить с ним. А там уже — либо отдать Броненосца, либо... Наверняка дед знает, как надо поступить. В конце концов, он здесь живет, ему и решать. Юлька с облегчением откинулась на

спинку кресла и улыбнулась. Пусть ее положение по-прежнему незавидно — но теперь хотя бы понятно, что делать. План есть, осталось придумать, как его выполнить. Пообещать Алексу отдать предмет сразу после разговора с дедом? Юлька покачала головой. Вряд ли он согласится — глупо ждать такой доверчивости от агента ЦРУ. Придется выбираться самой.

Дальше Юлька думать не стала. Шорты сменить на штаны с кучей карманов, сандалии — на удобные старые кроссовки. Рассовать по карманам нож, компас, зажигалку, деньги и паспорт. Туда же — несколько кусков лейкопластыря и пачку анальгина. В рюкзак — легкий спальник, две большие бутылки воды, пакетик орехов и шоколадку. Подумав, она бросила туда же пару носков и тонкий дождевик. Вот и все.

Юлька вышла на веранду и огляделась. Дождь кончился, оставив в неподвижном воздухе легкую дымку, сквозь которую едва виднелись смазанные контуры шлагбаума на въезде. Охраны рядом с ним почему-то не было. Лагерь казался нежилым. Даже индеец, вечно подметающий дорожки между хижинами, куда-то исчез. «Совещаются, сволочи», — пробормотала Юлька под нос. Стараясь не скрипеть ступенями, она спустилась с веранды, закинула рюкзак на спину и, пригибаясь, побежала к ограде.

Как ни соблазнительно было выйти из лагеря через ворота, Юлька не стала к ним соваться — а вдруг охранников просто не видно? Протиснуться сквозь живую изгородь оказалось на удивление легко. Холодные, чуть липкие капли посыпались с веток, заставив Юльку вздрогнуть и поежиться.

Перед ней стояли джунгли — бесконечный ряд древесных колонн сливался впереди в зыбкую, коричнево-зеленую массу. Кроны терялись в сером туманном небе. Ноги тонули в палой листве, мягкой и пахучей, как свежий кекс. Юлька

сделала шаг, ожидая в глубине души окрика, собачьего лая, может быть, даже выстрела. Но сельва молчала, и лишь удары капель нарушали ватную тишину.

Юлька растерянно хмыкнула, поправила лямку рюкзака и бодро зашагала на юго-запад.

Орнитолог опустил бинокль и криво ухмыльнулся.

— Прекрасно, — пробормотал он.

Беседку, построенную на вершине небольшого холма, было трудно заметить со стороны, зато из нее отлично просматривался весь периметр лагеря. Даже без бинокля можно было увидеть мелькающее среди деревьев светлое пятно Юлькиной футболки. Алекс следил за ним взглядом, пока не заслезилась от напряжения глаза, — и только после этого повернулся к коллегам. Он выглядел спокойным и сосредоточенным, и лишь очень внимательный наблюдатель мог бы заметить следы нехорошего возбуждения, охватившего Орнитолога.

— Именно на это я и рассчитывал, — сказал он.

— И что теперь? — мрачно спросил один из «американских туристов». — Девчонка ушла, и предмет вместе с ней.

— А ты подумай — далеко она уйдет? До Ятаки — десять километров по джунглям. Но она туда не пошла, она ломанулась напрямик в Камири. Сто пятьдесят километров сквозь сельву. Как ты думаешь, дойдет?

«Турист», помолчав пару секунд, кивнул.

— Это может сработать, — сказал он. — Однако по плану...

— План развалился.

— Наверняка идет сейчас по компасу и считает себя гением, а нас — идиотами, — вмешался второй «турист» и сухо хохотнул. — А что, мне нравится...

— А если дойдет?

— Если увидим, что у девчонки появились шансы, — успеем перехватить.

— Собирайтесь, — сказал Алекс. — Завтра, в худшем случае — послезавтра мы ну совершенно случайно снимем предмет с ее симпатичного, но слегка попорченного насекомыми трупа.

— Ну, через пару дней — это ты погорячился. Думаю, неделю продержится.

— Пара дней, неделя — не важно. Подождем. Помните, что говорил Родригес? Добровольный дар или находка. С даром ничего не вышло. А вот найти предмет нам ничего не помешает. Не должно помешать.

— Мутишь ты что-то, Орнитолог, — проговорил первый «турист». Алекс покачал головой и широко усмехнулся в ответ, но его улыбка походила на оскал.

ГЛАВА 2

ЧЕРНЫЙ ПЕТУХ

Гавана, Куба, март 1965 года

Конь был тощий и невероятно старый. Костлявый круп, глубокие провалы над глазами, белая клочковатая шерсть — изломанные, хаотичные линии, будто этот Росинант только что сошел с картины Дали. Конь едва тащил тяжело груженую тростником повозку. Такой же старый, как конь, возница покачивался, когда колеса подпрыгивали на выбоинах мостовой. Душераздирающий скрип разносился по улице. Стебли тростника походили на бледно-зеленые копья, не пригодные ни для чего, кроме войны с ветряными мельницами.

Было видно, что повозку так просто не повернуть, и водитель прижал открытую машину к обочине. Разглядев пассажира, старик медленно поднял руку в приветствии — вива, команданте! — и тут же астматически раскашлялся. Че Гевара кивнул в ответ и сочувственно вздохнул.

Иногда он жалел, что не остался врачом. Когда-то казалось, что стоит революции победить — и счастье наступит само собой. Однако власть каким-то образом уплыла в руки бюрократов — оттого, что все они были марксистами, суть

не менялась. Революционный дух угас, оставшись только в многочасовых речах Фиделя. Шесть лет государственной деятельности полностью разочаровали Эрнесто. Он почти радовался диверсиям против Кубы — они позволяли ему ненадолго вернуться к единственной роли, в которой он чувствовал себя естественно: роли солдата, защищающего свободу с оружием в руках.

В последнее время Че Гевара смотрел на мир с обострившимся, почти болезненным вниманием. С министерскими постами покончено. Че собирался снова заняться тем, что умел и любил: делать революцию. Наверное, даже возвращаться в Гавану после дипломатической поездки по Африке было не обязательно. Но он хотел попрощаться с мирной жизнью, к которой почти привык за несколько лет, попрощаться с островом, ставшим ему родным. Вряд ли ему суждено будет вернуться.

Че Гевара медленно пересек двор. Над каменными плитами поднимался дрожащий от зноя воздух, розовый, какой бывает только на Кубе. На бетонной стене, окружавшей резиденцию, сидели две ящерицы-сцинки, неподвижные, как крошечные бронзовые статуэтки. Поджарая оса зависла над бледным бурым пятном, оставшимся на месте упавшего с апельсинового дерева плода.

Старуха, вышедшая из дома, походила на мумию, на хрупкую куклу, скроенную из высохших до черноты, обугленных солнцем листьев. Пергаментная кожа свисала с тонких рук, будто крылья летучей мыши. Белоснежное платье выглядело на ней как саван. Старуха прижимала к отвислому животу полотняный мешок, на котором проступали пятна крови. К рукам прилипли мелкие черные перья. Присмотревшись, Че Гевара различил под тканью мешка контуры петуха. Старуха сердито зыркнула на команданте и прошмыгнула в сторону кухни.

— Ритуалы сантерии в доме первого секретаря компартии? — ехидно спросил Че, входя в прохладный кабинет.

После раскаленного двора здесь казалось темно, и привыкшие к яркому свету глаза едва различали фигуру человека, сидящего за большим столом. Че Гевара пожал протянутую руку и сел напротив.

— Только что встретил твою духовницу, — иронично проговорил он. — Я думал, ты уже прекратил эти глупости.

Фидель Кастро раздраженно дернул плечом и молча подвинул открытую коробку с сигарами. Он казался спокойным, и только хорошо знающий его человек мог заметить нервность, сквозящую в движениях. Кубинский лидер открыл ящик стола, небрежно смахнул в него что-то серебристое — Че Гевара краем глаза заметил, что это фигурка паука. Фидель тщательно запер ящик и снял темные очки. Поморгал, привыкая к свету.

— Новое покушение, — усмехнулся он в бороду. — Неудачное, как видишь.

— И вместо того чтобы усилить охрану и наладить наконец разведку, ты распоряжаешься зарезать черного петуха? Вместо того чтобы просто отправить очередного потеющего от ужаса мафиози на дно залива Свиной, где ему самое место? Так нельзя, Фидель.

— Потеющий мафиози уже на дне, — махнул рукой Фидель. — Кстати, на этот раз это был профессиональный диверсант...

— Да хоть бы и лично Кеннеди! Ты же марксист! Ты не можешь при любых сложностях обращаться к суевериям! Неужели ты думаешь, что твое фантастическое везение — оттого, что безграмотные старухи устраивают пляски вокруг костра?

— Не думаю, — резко ответил Фидель. — Ты пришел прочитать мне мораль? Или все-таки поговорить о своих планах?

Континентальная герилья... — он демонстративно заглянул в лежащую на столе записку. — Че, ты становишься авантюристом.

— А ты превратился в бюрократа. О твоих многочасовых речах уже рассказывают анекдоты. Это — твоя помощь революции?

— Не зарывайся, Эрнесто, — тихо проговорил Фидель. — Ты и так уже перешел все границы.

— Ладно, к делу, — пожал плечами Че Гевара. — Конго, Мозамбик, Танзания — на грани революции. Но наши африканские товарищи не подкованы идеологически, у них нет опыта партизанской борьбы... Мы должны помочь им. Я должен помочь им. Есть добровольцы, наши товарищи по Сьерра Маэстро...

— Помощь африканским товарищам... Мы подумаем над этим. — Фидель покивал, тщательно раскуривая сигару. — Мне невообразимо, фантастически везет, — сказал он. — Но одно из этих покушений удастся.

— Так не лучше ли тогда встретить врага лицом к лицу? — спросил Че. — К чему эти суеверные...

Фидель поднял ладонь, не дав договорить.

— Покушение рано или поздно удастся, — повторил он. — Но народ Кубы не должен остаться без лидера.

— Я не руководитель, Фидель, — ответил Че. — Я солдат, партизан, врач, хоть и плохой... но не государственный деятель.

— Я знаю. Ты не понял меня, друг... ведь мы по-прежнему друзья?

Че Гевара пожал плечами, кивнул.

— Рауль будет прекрасным преемником, случись что с тобой, — сказал он.

— И снова ты меня не понял, Эрнесто. Да, Рауль, наверное, справится... но, думаю, народу Кубы нужен именно я.

Че, не отрывая глаз от кончика своей сигары, издал неопределенный звук, и Фидель слегка нахмурился.

— Я не боюсь смерти, — напряженно проговорил он. — Мы вместе воевали, и ты не можешь считать меня трусом.

— Ты не был трусом. Но, может быть, ты стал слишком осторожным?

— Нет. Ты никогда не думал, Эрнесто, почему американцы так упорно, так последовательно пытаются убить меня? Один президент за другим бросают деньги, силы, людей на очередное покушение. В чем дело? Что им от моей смерти? Есть ты, есть Рауль, есть другие товарищи, готовые продолжить наше дело. Им зачем-то очень нужно убрать именно меня. А что нужно гринго — то совершенно точно не нужно нам.

Че Гевара пожал плечами.

— Может, они считают, что если не будет тебя — Куба сдастся, — ответил он.

— Да, но почему? — Фидель прошелся по кабинету, рубанул воздух рукой. — Впрочем, это не важно. Важно то, что американцы мечтают избавиться от меня. И мы должны этого избежать. Не ради меня. Ради революции.

— Наладь охрану и контрразведку, — повторил Че. — Попроси Советский Союз о помощи, у них есть специалисты. У них не бывает покушений, потому что есть КГБ.

— Гавана и так переполнена русскими специалистами из КГБ. Я бы даже предпочел, чтобы их было поменьше. Однако покушения продолжаются... — Он покачал головой. — А сантерия ушла в подполье. Твоими стараниями, Че!

— Религиозность вредит делу, и я повторил бы все снова, если... Да при чем здесь сантерия? Набор суеверий и ничего больше!

Фидель продолжал, не слушая его:

— Жрецы скрываются или делают вид, что они в жизни не молились ни одному святому. Лидия Кабрера сбежала в Майами, я не успел до нее добраться...

— Эта старушка-этнограф? Собирательница фольклора?

— Она знает всех стоящих жрецов. А теперь те, кто не смог сбежать в Штаты, попрятались по норам, лишь одна старуха призналась — да и о той я узнал от жены моего водителя, она уже не могла отпереться. Но она твердит, что есть вещи, в которых сантерия бессильна, да еще и рассуждает о грехе...

— Не понимаю, чего ты хочешь, — недоуменно проговорил Че. — Покушения не удаются. Уж не знаю, гринго такие идиоты или твои ритуалы все-таки работают, но ты до сих пор жив.

— До сих пор — жив. Но я хочу оставаться на посту независимо от того, удаются ли покушения.

До Че не сразу дошел смысл сказанного. Он замер на секунду, а потом, поняв, вынул сигару изо рта и с ужасом уставился на Фиделя.

— Твоя африканская герилья, — напомнил Фидель. — Я помогу тебе всем — оружием, деньгами, людьми, информацией. Все силы Кубы будут в твоем распоряжении. При одном условии.

Че Гевара выдохнул клуб дыма и кивнул.

С улицы донесся рокот барабана и потянуло курятиной. Что бы ни думал Че Гевара об излишней религиозности и суевериях, сантерия жила и даже приносила пользу революции. Некстати вспомнились темные слухи, ходящие среди латиноамериканских индейцев. Что ни делай — в конце концов упруешься либо в бюрократов с ледяными сердцами и глазами, видящими лишь бумагу, либо в древних богов, таких же

темных, как их суеверные поклонники. Команданте стало тошно, и запах жареного мяса показался ему отвратительным.

Москва, январь 1965 года

Андрей Цветков выбежал на крыльцо биофака, зажмурился, ослепленный сверканием снега и солнца, и счастливо рассмеялся. Только что закончился последний экзамен; впереди был почти целый месяц свободы. В кармане уютно лежал билет на поезд — завтра Андрей собирался ехать домой, в Новокузнецк. А сегодня можно было делать что угодно. Можно пойти на концерт барда, афиши которого висели по всей Москве. Можно заскочить в общагу в главном здании МГУ, взять лыжи и устроить пробежку по Воробьевым горам — выложиться как следует, размять затекшие за время сессии мышцы, расправить легкие. Можно закрыться в своей полутемной, крошечной, но такой уютной комнате. Взять хорошую книгу — никто не станет отвлекать, сосед наверняка где-то гуляет. Сибаритски завалиться на узкую койку — ходили слухи, что кровати в общежитии МГУ сделаны такими маленькими для того, чтобы студенты поменьше отвлекались от учебы: с девушкой в такой койке просто не поместиться. Андрей только посмеивался над этими разговорами. Какие уж тут девушки, когда надо столько прочесть, изучить, узнать? Андрей был уже студентом четвертого курса, но ни любви, ни друзей пока не нашел. И сегодня он не спешил присоединиться к празднующим студентам, хотя такая мысль у него и мелькнула. Андрей был старше большинства однокурсников и поэтому обычно чувствовал себя немного чужим в шумной студенческой компании. Но сегодня он был Томом

Сойером, отпущенным на каникулы, — мальчишкой, у которого впереди много и много восхитительно свободных дней.

В сквере перед зданием играли в снежки первокурсницы. Дикий визг и беготня вызвали у Андрея сочувственную улыбку — он еще помнил восторг, охвативший его после первой сессии. Разгоряченные, раскрасневшиеся девушки с горящими от восторга глазами показались ему прекрасными. Он подхватил с парапета горсть снега — от холода заныли ладони, и между пальцами потекла талая вода. Андрей торопливо слепил комок, с гиканьем запустил его в сторону девчонки и сбежал по ступеням.

— Цветко-о-о-в! — раздалось за спиной, и Андрей разочарованно оглянулся. В дверях факультета, кутаясь в наброшенное на плечи пальто, стояла староста курса. Она замахала руками и крикнула: — Тебя на кафедре ждут, иди скорей!

— Что случилось? — удивленно спросил Андрей.

— Не знаю. Сказали, чтоб срочно пришел. Там твой научрук и еще какой-то товарищ, незнакомый... — Глаза старосты уехали в сторону, и Андрея кольнуло недоброе предчувствие.

Незнакомец, дожидавшийся на кафедре, был в штатском, но научный руководитель Андрея обращался к нему «товарищ майор». У невысокого майора было заметное брюшко и круглое красное лицо. Он то и дело улыбался, и его бледно-голубые глаза казались маленькими и какими-то беззащитными.

Радужное настроение Андрея испарилось. Профессия майора была вполне очевидна, и ничего хорошего его появление не предвещало. В душу закрался темный, парализующий страх. Научный руководитель представил Андрея, и он угодливо хихикнул. Тут же его захлестнула волна отвращения к себе — но ужас никуда не делся.

— Я вас оставляю, — нервно проговорил преподаватель и вышел.

Майор поудобнее устроился за его столом и ловко извлек из портфеля пухлую папку. Андрей посмотрел на нее, как кролик на змею. В горле у него пересохло. Майор открыл папку и прокашлялся.

— Итак, Цветков Андрей Васильевич, 1941 года рождения, русский, комсомолец, уроженец Новокузнецка, — начал он читать нарочито занудным голосом. — Мать — учительница, отец — горный инженер, оба партийные. В детстве тяжело болел, поэтому дважды оставался на второй год. Рыжего хилого мальчика дразнят сверстники и недолюбливают учителя — слишком уж он примерный мальчик, поборник правил, эдакий маленький зануда. В 1956 году участвовал с родителями в турпоходе по Саяно-Шушенскому хребту, после которого проблемы со здоровьем внезапно исчезли. В 1959 году наконец закончил школу, поздновато, зато с золотой медалью. Призван в армию. Участвовал в братской помощи социалистическому Лаосу. Ранен во время операции в Долине Кувшинов, демобилизован в 1961 году. В тот же год поступает на факультет биологии МГУ. Выбирает кафедру ботаники. Отличник, блестящий студент, высокоморальный комсомолец, спортсмен. Ни в пьянках, ни в... гхм... половых излишествах не замечен. Никаких глупостей. Все свободное время посвящает учебе и спорту. Всем ребятам пример, не правда ли?

Андрей покраснел. Майор выдержал театральную паузу и снова заглянул в записи.

— Жажда знаний настолько велика, что посещает лекции не только по своей специализации, но и по антропологии. Очень дружен с парой студентов мединститута, специализирующихся по психиатрии. Насколько дружен, что готовится

с ними к экзаменам и по возможности посещает практические занятия... Широкий круг интересов, не правда ли? Ботаника, антропология, медицина...

Майор цепко взглянул на студента. Андрей молчал. А что тут скажешь? Мог бы и догадаться, что рано или поздно его занятия заинтересуют КГБ. Все-таки не зеленый школьник... Вопрос в том, к чему это приведет. Вытурят с факультета? Или, хуже того, заставят стучать на сокурсников и преподавателей? Андрей мысленно застонал, глядя, как майор роется в пухлой папке.

— А тема вашей курсовой, если не ошибаюсь, — тот прищурился и пошуршал бумагами, — ах, вот она! «Перспектива выращивания кукурузы в Тувинской Автономной Советской Социалистической Республике». Прекрасная тема! И прекрасное место для производственной практики, не так ли? — Он демонстративно покопался в папке и извлек пачку исписанных с обеих сторон листов бумаги.

Андрей узнал свой почерк и почувствовал, как пол уходит из-под ног. Он знал, что его сосед по комнате, на вид простой, как валенок, только выглядит глуповатым. Но что деревенский увалень по кличке Короед окажется стукачом... Черновик статьи, которую Андрей писал урывками, тайком, лежал сейчас на столе перед майором, и черт знает чем это все могло кончиться. «Вот тебе и оттепель, — панически подумал Андрей. — С факультета точно погонят. А может, и вовсе посадят». Он прикрыл глаза.

— «Роль психоактивных растений в шаманских практиках», — процитировал майор. — Результаты, надо сказать, впечатляющие, хоть и сыроватые. Собирались добрать материал этим летом?

Андрей взял себя в руки и кивнул.

— Я считаю, что эта тема может оказаться важной, — проговорил он с отчаянной храбростью, едва разлепив онемевшие губы. — Для медицины и для... ну, других областей...

Он побоялся прямо сказать о том, что результаты его исследований в первую очередь пригодятся разведке и контрразведке. Да и не нужно было ничего объяснять. Если это понятно Андрею — то уж тем более понятно этому тертому мужику в звании майора.

— И вообще... — проговорил Андрей, начиная горячиться. — Я проводил исследования в свободное от основной работы время и на свои деньги и собирался представить результаты, как только... как только...

Майор добродушно улыбнулся.

— Ну, ну, не стоит так волноваться, — сказал он. — Однако ближайший сезон вам придется обойтись без тувинских шаманов. У меня есть для вас кое-что поинтересней. Вам же нравится в тропиках? Помнится, в Лаосе вы сетовали, что плохо знаете ботанику.

Андрей молча смотрел под ноги. «Сволочь Короед, — думал Андрей, — и об этом донес». Паркетный пол был старый, потемневший, и на нем темнели пятна — то ли вина, то ли реактивов, то ли крови. В Лаосе паркета не было. Там полы были земляные, и их тоже покрывали загадочные пятна...

— А знаешь, зачем родители таскали тебя в поход по Саянам? — внезапно спросил майор. Андрей машинально кивнул, но майор продолжал: — Они хотели как бы случайно устроить встречу с шаманом. Он зарезал черного петуха... Удивительно, — пробормотал майор как бы в сторону, — эти шаманы и колдуны, чуть что, бросаются резать черных петухов. Никакой фантазии. Но ведь работает! Своим здоровьем и жизнью ты, Андрей, обязан знахарю. Оттого у тебя

и интерес к этой области. Думал, мы не знаем? Твои родители до сих пор считают, что им удалось сохранить тайну, но ты бы мог и не быть таким наивным.

«Вот так... Мама. Отец. Что теперь с ними будет? Растерзают на бесконечных собраниях? Заставят положить на стол партбилеты? У отца проблемы с сердцем, да и мама уже не слишком здорова...»

— Я готов... — выдавил Андрей. — Если надо искупить...

«Боже, что я несу, — мелькнула мысль. — Какое искупление? Чего? Что за детский сад...»

Но страх за родителей не отпускал, парализуя и лишая способности думать.

Майор раскатисто захохотал.

— Не надо ничего искупать, — весело ответил он. — За родителей не волнуйтесь, за несознательность и суеверность сейчас всерьез не наказывают. И кстати... возможно, мы позаботимся о том, чтобы ты продолжил образование и смог заниматься наукой. И я сейчас не о кукурузе говорю. Ты же хочешь двигать науку?

Андрей замороженно кивнул.

— И опыт помощи братским странам у тебя есть. Ты для нас находка, Андрей. Сынок, у Родины есть для тебя великое дело.

Андрей, пошатываясь, вышел из кабинета и слепо пошел прочь. Когда-то он постоянно терялся в запутанных, полутемных коридорах биофака, полных неожиданных запертых дверей и лестниц, и сейчас вновь чувствовал себя первокурсником, не понимающим, куда он идет. Он знал только, что не может выйти на улицу — там слишком светло, а ему хотелось спрятаться, стать невидимкой. Андрей шагал и шагал, сворачивая наугад; застывшее, как ритуальная маска, лицо

могло напугать кого угодно, но здание факультета опустело, и Андрей никого не встретил.

Всеведающий майор не знал одного: Андрей боялся и ненавидел магию. Он до сих пор помнил лицо шамана, его удушающий запах, гортанное пение... Помнил мучительную неловкость и стыд родителей, старательно отводящих глаза. Шаман излечил тело мальчика, но повредил душу. Родители, убежденные коммунисты, доведенные до отчаяния болезнью сына, так и не смогли простить себе этот поступок. Андрей вырос под грузом вины перед ними — ради его здоровья родителям пришлось переступить через себя, и никто в семье не смог этого забыть.

Его острый интерес к шаманизму был интересом убийцы. Он хотел разобрать волшебство на части, разложить по полкам, стреножить трескучими научными терминами. Изучить, чтобы уничтожить — или хотя бы нейтрализовать. Андрей никак не мог понять, поможет ли ему дело, предложенное майором, или сведет с ума.

Андрей очнулся в виварии, полном резких запахов и звуков, освещенном яркими лампами. В руке дрожал тетрадный листок с адресом, по которому ему нужно было явиться завтра. Беседа, инструкции, прививки. Академический отпуск в университете «по семейным обстоятельствам». Курсы выживания, изучение языков и обычаев, знакомство с уже собранными материалами. Самолет. Африка.

Андрей с трудом попал в карман пиджака, чтобы спрятать листок. Пальцы ощутили какую-то бумагу.

Это был билет в Новокузнецк — в общем-то, шанс сбежать. Можно было бы спрятаться в каком-нибудь угольном поселке в области. Конечно, его найдут, если захотят, но захотят ли? Вряд ли он уникален; одна из кандидатур, не более.

Устроиться шахтером. Бросить учебу, бросить надежды. Оказаться один на один с тоской и стыдом.

Андрей медленно изорвал билет в клочки и просунул их сквозь прутья ближайшей клетки. Огрызки бумаги медленно просыпались на опилки, и тут же с насеста спрыгнула большая птица и боком подскочила к неожиданному дару.

Андрей смотрел, как черный петух склевывает остатки билета, и безумно ухмылялся.

В тот вечер он решил напиться. К полуночи Андрей обнаружил себя в комнате, набитой счастливыми однокурсниками, — затиснутым в угол кровати, на которой сидели еще пятеро, со стаканом портвейна в руке. Табачный дым плотными сизыми слоями качался под потолком. Все орали, девчонки заливались визгливым смехом; что-то шаркнуло Андрея по уху — он поднял глаза и обнаружил, что двое сидят на шкафу, болтая ногами. «Слушайте! — орал кто-то. — Да дослушайте же, чуть-чуть осталось!» Кто-то перевернул бутылку, и она с дробным грохотом покатилась по вздувшемуся паркету, оставляя полумесяц густой красной жидкости. «Да дослушайте же!» Андрей стал слушать. «Через год я прочел во французских газетах! — надсаживаясь, выкрикнули под ухом. — Я прочел и печально поник головой! Из большой экспедиции к Верхнему Конго! До сих пор ни один не вернулся назад!»

Рука Андрея дрогнула, и портвейн расплескался на чью-то спину.

— Что? — громко спросил он. — Что?!

По белой рубашке расплылось красное пятно. Андрей с досадой поставил стакан на кровать и попытался встать, отпихивая чьи-то ноги, плечи, бока. Но кто-то уже орал новый стих, и Андрея никто не услышал.

ГЛАВА 3

СКВОЗЬ ДЕБРИ ЧАКО

Чако Бореаль, Боливия, ноябрь 2010 года

Еле заметная тропа, явно протоптанная какими-то животными, снова раздвоилась. Юлька устало остановилась, стряхнула со штанины очередного огромного муравья с пугающих размеров челюстями и вытерла лицо. Никогда раньше ей не случалось зябнуть и обливаться потом одновременно, но в душной сырости сельвы это было неизбежно. Тело зудело от укусов комаров — репеллент их совсем не отпугивал, а может, его просто сразу смывало потом. На плече вздувался огромный волдырь, оставленный крохотным ярко-красным муравьем, невесть как забравшимся под рукав. От влажной одежды уже пахло плесенью, а о том, что творится в хлюпающих кроссовках, и думать не хотелось. Время шло к шести вечера. Пора было искать место для ночлега, и побыстрее — в начале седьмого уже станет темно. Сумерек здесь, вблизи от экватора, практически не знали — дневной свет гас так быстро, будто кто-то повернул выключатель.

Две тропинки, но компас показывает прямо между ними. А идти дальше надо — стоит чуть надавить ногой, и из-под

слоя палой листвы проступает вода, да и москитов здесь, кажется, еще больше, чем обычно. Правая тропа шла чуть вверх — может, там найдется место посуше. Юлька сделала было шаг, и тут в кустарнике впереди мелькнула рыжая пятнистая шкура. В запахи прели, зелени, грибов, в тонкий аромат каких-то крошечных цветочков под ногами вторглась горячая звериная струя. Девушка замерла, чувствуя, как встают дыбом мельчайшие волоски на теле. Бежать? Заорать и замахать руками в надежде, что ягуар испугается? Едва дыша, она вытащила нож, раскрыла. Узкое лезвие показалось ей жалким и смешным перед животной мощью. «Ну, ты! — просипела Юлька и сделала шаг вперед. — А ну брысь!»

Животное вышло на тропу, и Юлька рассмеялась от облегчения. Ягуар ей почудился со страху. Перед девушкой во всей красе стоял оцелот, небольшой дикий кот со злыми зелеными глазами, яркий и изящный, как цветок, гроза мышей и индейских курятников. Оцелот прижал уши и сердито разинул пасть, демонстрируя блестящие клыки. Мышцы переливались под лоснящейся шкурой, кончик хвоста нервно подергивался. Юлька попятилась. Оцелот зашипел, сделал выпад лапой; еще одно плавное, едва уловимое движение — и кот растворился в зарослях.

Юлька облизала пересохшие от страха губы и вытащила бутылку с водой. Сделав пару глотков, она остановилась. От двух литров воды осталась хорошо если четверть, а ведь она идет всего несколько часов. Если экономить — хватит до вечера; на завтра есть еще одна бутылка, а что дальше? В руку впился очередной комар; Юлька машинально прихлопнула его ладонью и поежилась. Она вдруг сообразила, что не ягуаров здесь надо бояться и даже не змей. Вот главные опасности — неумолимо убывающая питьевая вода и москиты...

Вспомнились рассказы деда о том, как он погибал от жажды вот в таких влажных тропических лесах — таблетки для дезинфекции воды кончились, а развести огонь почему-то было нельзя. Юлька покачала головой. Как можно быть такой наивной?! Как можно верить в то, что дед — простой ботаник, после всех его рассказов? Как можно не заметить, что с Алексом тоже все не так просто? А с другой стороны... Ну разве в состоянии нормальный человек предположить, что его новый знакомый — агент ЦРУ? С такими подозрениями надо сдаваться в дурдом, а не гордиться своей проницательностью. Алекс и воспользовался этим. Еще обижался, когда она начала чувствовать неладное...

От злости Юлька машинально топнула ногой; из-под кроссовка вылетело что-то темное и длинное. Девушка завизжала и шарахнулась прежде, чем успела сообразить, что это всего лишь обломок ветки. Надо было сосредоточиться; так можно и в змеиное гнездо наступить по рассеянности и невнимательности. Задумавшись, Юлька даже не заметила, сколько прошла. Очень хотелось пить. Юлька с подозрением взглянула на неторопливый ручей, беззвучно текущий между корнями. Дно его выстилала почерневшая от влаги листва. Вода казалась совершенно чистой, прозрачной и прохладной. Но Юлька догадывалась, что стоит выпить хоть глоток — и ее маме уже не надо будет мотаться по бактериологическим лабораториям: живности, поселившейся в дочке, хватит на пару диссертаций. И прокипятить воду не в чем, даже несчастной консервной банки под рукой нет.

Не удержавшись, Юлька достала бутылку, сделала один глоток и убрала воду внутрь рюкзака — не соблазняться лишний раз. До темноты оставалось меньше получаса; Алекс наверняка уже понял, что пленница сбежала, но фора у нее

неплохая, а ночью они вряд ли смогут идти по следу. Небольшой пригорок за ручьем показался Юльке достаточно сухим, а пространство между корнями единственного растущего на нем дерева — вполне уютным. Рядом примостился куст, подножие которого со всех сторон было облеплено красноватой землей — Юлька вяло подумала, что ее нанесло течением ручья в половодье, и удивилась замысловатой форме. От усталости не хотелось даже есть; Юлька достала было шоколадку, но один взгляд на нее вызвал приступ тошноты. Брошенный между огромными корнями спальник мгновенно отсырел, но, по крайней мере, не пришлось ночевать в луже. Собрав последние силы, Юлька стянула кроссовки, вползла в спальник и зажмурилась, надеясь, что ночью никто не придет ее перекусить.

Юлька проснулась от собственного визга. Она забилась, тряхивая с лица что-то невыносимо мерзкое и пытаясь выбраться из спальника, и тут же обнаружила, что освободиться не от чего: ткань под руками расползалась во влажную, чуть липкую труху, в которой что-то омерзительно копошилось. Поскуливая, Юлька вскочила на ноги, отряхивая и размазывая по лицу какие-то волокна. Наконец она решилась открыть глаза и тут же снова завизжала: ладони были покрыты влажным сероватым пухом, в котором ползали белесые насекомые. В рассветных туманных сумерках они казались почти прозрачными. Юлька тщательно вытерла руки об штаны. На подгибающихся ногах она отошла чуть в сторону от дерева, и тут ее вырвало.

Прохладная вода ручья показалась ей лучшим, что вообще бывает в жизни. Отмывшись от непонятной пакости, Юлька набралась храбрости и вернулась к месту, где спала.

Спальника не было. На его месте валялись ошметки расползающейся ткани и клочки синтепона, по которым суетливо бегали термиты. Между деревом и облепленным землей кустом виднелся белесый поток, образованный снующими насекомыми. Давя новый приступ тошноты, Юлька подошла поближе к земляному бугру.

Только очень неопытный и очень усталый человек мог принять эту кучу глины за случайно намытую ручьем землю. Перед Юлькой возвышался огромный термитник, населенный миллионами всеядных и агрессивных насекомых. От ужаса Юльку снова начало подташнивать. Непонятно было, почему термиты принялись за полностью синтетический и, наверное, не слишком питательный спальник, а не за саму девушку.

— Мутанты какие-то, — проговорила Юлька.

Она снова машинально обтерла ладони о штаны, подобрала палку подлиннее и, морщась, выкопала из-под останков спального мешка сигареты с зажигалкой. Что-то упало на нее, скользнуло по обнаженной шее; Юлька снова завизжала и отпрыгнула в сторону. Но это была всего лишь толстая корка какого-то фрукта, съеденного то ли птицей, то ли мелким животным. Подняв голову, Юлька увидела мелькнувшее в кроне красное пятно; закачались потревоженные ветки. На секунду ее охватила горькая обида на Алекса, на деда, на самую судьбу. Она ведь всю жизнь хотела побывать в джунглях! Встреча с оцелотом могла сделать ее счастливой, съеденный спальник — превратиться в чудесное смешное воспоминание, — будь это путешествие, а не бегство. Но какие-то незнакомые люди ради своих не нужных и не интересных ей целей превратили Юлькину мечту в кошмар. И теперь ей снова надо спешить, прятаться, скрываться, вместо

того чтобы рассматривать волшебных птиц в далеких сумрачных кронах... И еще неизвестно, чем все кончится: если Юлька не выйдет сегодня на какой-нибудь поселок, придется ночевать на голой земле, и в лучшем случае она простынет, а в худшем... Юлька вспомнила копошащихся термитов и содрогнулась. Надо было торопиться.

Стрелка компаса на ладони покачнулась и замерла, указывая путь. Рюкзак, к счастью, Юлька бросила чуть в стороне, и насекомые до него не добрались. Так и не просохшие кроссовки тоже были целы, хоть и воняли плесенью. Нацепив их, Юлька подхватила рюкзак и, не оглядываясь, зашагала дальше на юго-восток, в Камири, к деду.

Ложь очередного соблазнительно прозрачного ручья было ярко-рыжим от ржавчины. Юлька на мгновение залюбовалась им и тут же похолодела от дурного предчувствия. Поспешно вытащив компас, она положила его на раскрытую ладонь и перестала дышать. Стрелка лениво провернулась и замерла. У Юльки перехватило дух. Она слегка щелкнула по компасу ногтем...

— Черт! — крикнула она. — Черт, черт, да что ж такое!

От легкого удара стрелка опять повернулась. Девушка потрясла компас — и снова север оказался в совсем другой стороне. Стрелка вертелась и замирала, как придется. Железо! Кругом под ногами — сплошная железная руда, магнитная аномалия. И совершенно неизвестно, сколько Юлька прошла, ориентируясь по взбесившемуся компасу, — ведь она лишь краем глаза посматривала на стрелку, только чтобы убедиться, что не сбилась с пути...

Глубоко вздохнув, Юлька задрала голову. В густых кронах лишь местами мелькали кусочки неба — серого, слоистого

и непроницаемого, как синтепон из растерзанного термиты спальника. Еще не веря в то, что окончательно заблудилась, Юлька медленно подошла к ближайшему дереву — и горько рассмеялась, обнаружив, что его ствол оброс мхом равномерно со всех сторон. Она присела на корень и зябко обхватила себя за плечи.

Очень хотелось плакать, но Юлька держалась. Казалось — пока не пролилась первая слеза, беды еще не случилось, все еще понарошку, все можно отменить, как страшный сон, проснуться дома и удивиться такому яркому и подробному кошмару. Пахло сыростью и подгнившими фруктами, щупальца тумана ползли между деревьями, и под влажной пеленой все казалось белесым и мертвым. Кошмар... Морок. Юлька встрепенулась: а вдруг она снова заморочила сама себя? Вдруг это всего лишь бред, навеянный Броненосцем? Она неуверенно дотронулась до фигурки. Мелькнуло смутное опасение — что будет, если погрузиться в галлюцинацию посреди морока? Все равно что заснуть во сне, только еще страшнее.

Внушить бы себе что-нибудь хорошее... Оказаться бы дома, в тепле и безопасности. Ненадолго, просто передохнуть. Погрузиться в иллюзорный, но такой сладкий уют.

(...Юлька машет ладонью, разгоняя дым из бабушкиной трубки, и бросает в кружку с чаем еще один кусочек сахара. Болтает ложечкой, рассеянно вслушиваясь в бормотание телевизора: «...находился президент Боливии Эво Моралес. В районе Чако ведутся поиски, однако пока о судьбе пассажиров и экипажа...» Щелкает пульт, и обломки вертолета сменяются сверкающим в улыбке рядом зубов.

— Как-то глупо вышло, — говорит Юлька бабушке.

— Не морочь себе голову, Жюли, — басит Мария. Юлька грустно кивает и вновь смотрит в телевизор. Камера

отъезжает, и на экране появляется мужское лицо, лицо индейца. Ослепительная улыбка исчезает; мужчина смотрит серьезно и тревожно.

— Не морочь себе голову, — говорит он. — Не морочь! — настойчиво повторяет он, и Юльке кажется, что индеец смотрит ей прямо глаза. — Отпусти Броненосца, глупая женщина!

— Что?! — Юлька растерянно смотрит на бабушку, но лицо Марии дрожит и плавится, и в ее чертах проступает что-то индейское.

— Не морочь себе голову, — басит она.

Вскрикнув от неожиданности, Юлька отшатывается, и что-то больно бьет ее по затылку. Она хватается за голову, и с волос в ладони сыплются кусочки коры и мха...)

Пошатываясь от слабости, Юлька поднялась с корня и шагнула к ручью. Ее знобило. Чуть холодило ладонь, которая сжимала Броненосца; в ней еще жило ощущение гладкого прохладного металла. Едва понимая, что делает, Юлька плеснула в горящее лицо водой и выпрямилась, вытираясь рукавом. Из галлюцинации ее, кажется, выкинули. Думать, кто и как это сделал, не хотелось — Юльке было нехорошо.

— Попила чаю, — проговорила она в пустоту.

Она отхлебнула пару глотков из уже опустошенной на две трети бутылки. В голове чуть прояснилось — вдруг стало понятно, что надо идти вниз по ручью: рано или поздно он впадет в речку, та — в реку побольше, а там, глядишь, и жилье какое-нибудь... понятно же, что если здесь и есть деревни, то только вдоль рек.

Не все реки впадают в море. Некоторые вливаются всего лишь в озера; другие теряются в песках пустынь, а третьи — уходят под землю и продолжают свой путь во мраке пещер.

Парапети же впадает в гигантское болото в центре Чако и исчезает там без следа. Параллельно ей многие и многие ручейки, ручьи и речушки текут через покрытую сельвой равнину, чтобы так же, как и большая река, напоить собой трясину и сгинусть.

Вдоль одного из таких ручьев и шла Юлька. Идти было легко — низкие берега были ровными, почти голыми, выливанными постоянными разливами — ничего серьезного на них вырасти не успевало. А к промокшим кроссовкам Юлька уже привыкла настолько, что перестала обращать внимания на хлюпающую в них воду. Иногда девушка поглядывала на компас, но прибор по-прежнему сходил с ума: стрелка металась, не в силах выбрать одно направление. Оставалось надеяться, что ручей приведет куда-нибудь.

Чем дальше уходила Юлька, тем тревожней ей было. Слой туч становился тоньше, сквозь них уже пробивалось солнце. От быстро подсыхающей земли поднимались струйки пара. Они извивались между деревьями, и казалось, что джунгли стремительно зарастают невиданными белесыми лианами-призраками. Появились бледные тени, но Юльке не пришлось в голову определить направление по ним. Последние полчаса ей чудилось, что погоня близко. Лопатки то и дело сводило от ощущения тяжелого и недоброго взгляда в спину. Она несколько раз переходила ручей и примерно с полкилометра прошла прямо по руслу в слабой надежде сбить погоню со следа, но ощущение взгляда не оставляло ее. Страх постепенно заполнял Юльку, и она изо всех сил старалась отключить голову, сосредоточиться на ходьбе. Казалось, стоит остановиться — и ужас охватит ее полностью, паника затопит мозг, и Юлька превратится в визжащее от страха животное. Помимо воли она прислушивалась к тишине сельвы, тишине,

наполненной едва слышными, вкрадчивыми, непонятными звуками. Вот зашуршала ветка. Вот упала крупная капля. Вот — свистнула вдали какая-то птица. Юлька напрягала слух до звона в ушах, до галлюцинаций: пару раз ей послышалось хихиканье, мягкое, вкрадчивое, парализующее волю и разум... Юлька замотала головой. Паника подстегивала ее, окатывала, как ледяная вода. Юлька уже почти бежала, не разбирая дороги.

Впереди между деревьями мелькнул просвет, и Юлька счастливо выдохнула. Возможно, там — вырубка, или поле, или поляна, отвоеванная у джунглей под дома. Юлька даже заметила синеватый свет, мерцающий чуть правее — будто забыли выключить лампу дневного освещения. Похоже, Юлька была близка к спасению. Последнее усилие — и она выйдет наконец к людям, причем к людям цивилизованным.

Ручей вдруг превратился в заболоченное озерцо и исчез, впитавшись в густую черную грязь. Еще не веря глазам, Юлька сделала последний шаг, выходя из-под деревьев, и обессиленно застонала. Перед ней лежала болотистая пустошь, поросшая жидким кустарником и купами тростника. Земля на опушке была разворочена, и стоячую воду в рытвинах покрывала ржавая пленка. Из грязи торчали несколько белесых скелетов погибших деревьев. Едва не плача от разочарования, Юлька огляделась, и ужас снова прошелся по затылку мохнатой лапой. То, что она приняла за отсвет лампы, оказалось чем-то совершенно необъяснимым: пятно синеватого света висело прямо в воздухе, дрожа и переливаясь, будто кусок муарового шелка, подсвеченный изнутри. Игра света завораживала, но в нем было нечто настолько нездешнее, что сразу становилось понятно: чем бы ни был этот свет, подходить к нему нельзя. Юлька зря оказалась на этом мертвом болоте;

здесь не место человеку. Здесь в игру вступают силы, к которым лучше не приближаться. Даже знать об этом не надо.

Юлька попятилась и замерла. Проблемы с цэрэушниками, трудности пути, опасности сельвы показались ей пустяками, детской игрой. Кто-то тихо рассмеялся сзади, и девушка помертвела, не в силах пошевелиться, как в кошмарном сне. «Хватит спешить, — произнес в голове ласковый голос, от которого зашевелились волосы на затылке. — Хватит бежать, ты устала, тебе надо отдохнуть. Отдохнуть...» Голос снова хихикнул. Юлька безвольно обмякла и прикрыла глаза.

Как сквозь вату до нее донесся возглас — сердитый, радостный и очень человеческий. Паралич прошел, будто плеснули в лицо холодной водой. На подгибающихся коленках Юлька сделала шаг вперед. Паника все еще захлестывала, но сквозь нее пробивалась надежда. В глубине души Юлька догадывалась, что это люди Алекса наконец настигли ее, что она вот-вот будет поймана. Но она готова была сейчас броситься цэрэушникам на шею, визжа от радости. Расцеловать озверевшего Алекса. Отдать Броненосца и не думать больше ни о чем. Что угодно было бы лучше пережитого только что мертвящего ужаса.

Юлька обернулась, пытаясь разглядеть кого-нибудь в сумраке зарослей. За деревьями загомонили, потом вдруг кто-то протяжно закричал. Юлька попятилась. Внезапно воздух прорезала автоматная очередь; кто-то снова закричал жутким визгливым голосом, а потом Юлька услышала влажный хруст. Развернувшись, она побежала через болотистую пустошь, побежала так, как никогда в жизни не бегала — пусть порвутся жилы, легкие, лопнет сердце, но только бежать, только оказаться подальше от этого звука, от ласкового смешка, звучащего в голове... В лесу снова принялись стрелять, а потом все стихло.

Юлька в очередной раз провалилась по колено в яму с ржавой водой, рванулась и упала, поранив лицо о жесткий полумертвый кустарник. Силы кончились. Она попыталась ползти, не понимая уже, что делает, подтягиваясь на руках и ломая ногти. Она задыхалась от вони огромного животного, пропитавшей вдруг все вокруг. Нечто невозможное надвигалось на нее, медленно и неостановимо. Воздух стал горячим и густым, как кровь.

Юлька подняла глаза и поняла, что кошмар не кончился и худшее еще впереди. Перед ней на мгновение еще раз мелькнуло лицо бабушки Марии, а потом багровая жижа захлестнула ее разум, и Юлька провалилась в обжигающую вязкую темноту.

ГЛАВА 4

ПРОКЛЯТЬЕ ФАТИН

(...над Джибути висела песчаная пелена, принесенная злым западным ветром, и такая же пелена застилала сердце Мириам, когда она уходила прочь от дома французского начальника. Сторож не стал даже слушать — ни мольбы, ни слезы не смягчили его. Мириам уходила, не зная, как ей быть дальше, где искать волшебную Обезьянку, исчезнувшую вместе со злой девчонкой Фатин.

— Что она хотела? — спросила жена главного инженера, глядя на сгорбленную женщину, хромоного ковылявшую прочь.

— Спрашивала какого-то месье Шарля, мадам, — ответил сторож. — Но не смогла назвать ни его фамилии, ни своего дела.

— Бедняжка так уродлива, — с жалостью проговорила инженерша.

— Обыкновенная нищенка, мадам. Они иногда пробираются в дома под выдуманными предложениями, чтобы попрошайничать. А то и украсть что-нибудь могут.

— Нет, нет, мне кажется, у нее действительно какое-то важное дело! Постойте! — звонко крикнула она. — Да стойте же! Вернитесь!

Услышав крик, Горбатая Мириам пригнулась и замерла. Чего хочет эта французская дама? Помочь, подсказать, как найти месье Шарля и через него — девчонку, хранящую амулет? Или обвинить в попрошайничестве или, того хуже, краже? Вернуться или бежать? Горбатая Мириам топталась на месте, не в силах решить, что ей делать.

— А ну вернись! — рявкнул сторож, выслуживаясь перед женой начальника. Горбатая Мириам, подняв плечи и путаясь в юбках, опрометью бросилась прочь. Выбор был сделан, и вновь завертелись замершие на мгновение колеса судьбы. Она так и не узнала, что Шарля Дюпона перевели в Эфиопию и он уехал в Аддис-Абебу вместе со своей женой. След волшебной Обезьянки был потерян на десятилетия.

Далеко-далеко, в холодном и пыльном городе, проснулась беременная Фатин и вдруг расплакалась от облегчения, почувствовав, как выпала из сердца ледяная иголка тревоги. Фатин поцеловала мужа и сжала в ладони серебристый амулет. Откуда-то она знала, что теперь ее ждут годы и годы спокойной жизни и никто не сможет отнять у нее волшебный предмет...)

Леопольдвиль, Конго, май 1965 года

Она была лихая — дочь эфиопского священника-кафра, внука ведьмы и сама ведьма. Самые яркие хлопковые ткани шли на ее платья, и самые звонкие медные браслеты пели на тонких черных запястьях, и мелькал иногда в вырезе платья кулон из неведомого серебристого металла — фигурка

Обезьянки, доставшаяся от бабки. Смеялись яркие глаза, то черные и бархатистые, как ночь, то разноцветные — как морская вода, как горный лед; но большинство из тех, кому случалось вожделеть Марию Бекеле-Гумилев, никогда не видели ни чистой воды, ни льда.

Фамилию отца носила Мария как жесткий корсет, и как драгоценные духи — прозвище, данное бабушкой Фатин на счастье. Ей было уже двадцать три, и Абрахам Бекеле отчаялся выдать дочь замуж. Суровость вдовца, убежденность миссионера таяли от смеха Марии; посты не могли погасить блеска глаз, и сколько ни молился преподобный Абрахам, дочь так и росла — язычницей и упрямницей, дьявольским искушением, дикой травой.

А кругом был ад. Предшественник Абрахама Бекеле погиб, нарвавшись во время поездки на банду симба, и Бекеле стал новым главой миссии. Он старался не думать о судьбе своего бывшего начальника. Того продержали в заложниках две недели, и все две недели он пытался проповедовать, пока нож в руке колдуна не лишил его языка. По слухам, в конце концов его съели; по слухам, малолетние бандиты устроили драку с поножовщиной за право выбрать лучшие куски. Другие говорили, что священника случайно убили солдаты конголезской армии. Абрахам не видел разницы между симба и войсками правительства и отличал их только по форме. Ему было страшно.

Отчаявшись вложить в души своей паствы веру, он пытался научить хотя бы милосердию, но его слова, казалось, тонули в охватившей Конго тьме. По ночам над городом вставало зарево — после бомбардировки лагерей повстанцев горели джунгли. Сытые гиены выходили к домам на окраинах, и их зловонные морды были испачканы человеческой кровью.

Старший сын, Габриэль Бекеле, бросил семинарию и отправился преподавать суахили и историю Африки куда-то в Лулаборг, в школу, организованную коммунистами с Кубы. Кубинцы воевали на стороне людоедов-симба. Другие кубинцы, сбежавшие в Америку, сидели за штурвалами самолетов и забрасывали лагерь симба бомбами, а по вечерам пьянствовали в «Пиццерии» и провожали Марию, идущую с рынка, восторженными криками. Маленький Текле, младший, любимый сын Абрахама, играл с приятелями в колдунов и наемников и не ложился спать без деревянного автомата под подушкой. Абрахам Бекеле сходил с ума.

Из старой миссии в горах в город чудом пробрался гонец, диковатый послушник из новообращенных, не видевший особой разницы между Христом и богами своего племени. Он рассказал, что на древних чудотворных иконах, которые беглые эфиопские христиане прятали там с тринадцатого века, выступили кровавые слезы, а по ночам вокруг миссии ходят призраки убитых и требуют отмщения. Гонец захлебывался, торопясь рассказать все, что знает; он вращал глазами и горячо жестикулировал. Возможно, он врал и выдумывал на ходу. Возможно, его примитивная и темная душа язычника жаждала страшных чудес. Но Абрахам Бекеле поверил ему. Он не удивился. Мир вокруг него катился в сети дьявола. Священник готов был к знамениям, ждал пророчеств.

Вместе с гонцом, разделив с ним тяготы и опасности пути, в город пришла женщина по имени Мириам. На беду Марии, она столкнулась со странницей на улице, когда та пробиралась мимо осла с крестом на спине, тяжело груженого вьюками с патронами. Мария не обратила внимания на невзрачную прохожую. Зато Мириам сразу заметила веселую девушку в пестром платье и разноцветными глазами,

которые светились на черном лице, как драгоценные камни. И серебристый кулон, мелькнувший в вырезе платья, заметила Горбатая Мириам.

Добрые люди рассказали страннице, что эта высокая красавица — дочь священника, прозвище у нее — Гумилев, что слывет она ведьмой и силой одного взгляда привораживает мужчин. Так Мириам оказалась в доме Бекеле. Этой горбатой старухе с улыбкой святой и прозрачными глазами фанатика незачем было бояться симба, солдат, колдунов и наемников. От горбуньи исходила невидимая, но явственная и неодолимая сила. Кто-то хранил ее от всех бед. Абрахам Бекеле решил, что это Господь.

Он с благоговением принял храбрую женщину, которая в эти страшные времена не боялась путешествовать по святым местам, затерянным в джунглях, но у него не хватило духу расспрашивать странницу об увиденном в пути. Тихо бормотал приемник, настроенный на новостную станцию, — привычный, убаюкивающий звук, за которым терялся кровавый смысл сказанного. Маленький Текле, усаженный на высокий стульчик, болтал ногами и тихо дудел под нос. Выходили на охоту гекконы и замирали на краю круга света от лампы, желтого, словно бананы из собственного сада священника. Глупый мотылек метался вокруг огонька лампы, и по всему дому пахло ладаном и карри.

Абрахам Бекеле варил лучший кофе, привезенный с далекой родины, и слушал певучий рассказ странницы. Отливал перламутром мокрый козий сыр на блюде. Пар поднимался над тарелками; простые тушеные овощи благоухали, как самые изысканные блюда.

— Кто приготовил эту прекрасную пищу? — спросила Мириам. Она почти не чувствовала вкуса, она уже была далека

от земных удовольствий, но ей требовалась зацепка. Любая зацепка.

— Моя дочь, — ответил Абрахам.

Еле заметный вздох, едва различимая складка между бровями — никто не заметил бы их; никто, кроме Горбатой Мириам. Ее охота, длящаяся больше полувека, подходила к концу; добыча была близко, и все чувства старухи обострились. Не подслеповатые глаза, не утративший тонкость слух — внутреннее чутье и опыт подсказали ей, что священник встревожен и расстроен, что он беспокоится за дочь и злится на нее. Это была брешь в защите, ведущая к вожаемой цели.

— С современными девушками прямо сладу нет, правда? — сочувственно проговорила Мириам. — Никакой скромности, никакого послушания... Открывают колени и руки, стригутся коротко, носят странные украшения... Смеются и разговаривают громко, виляют задом, поливают себя духами, слишком сладкие, слишком горячие...

Абрахам кивнул. Странница говорила и говорила — обо всем, что волновало вдовца последние годы; о том, как тяжело быть отцом взрослой дочери, о том, как трудно защитить ту, которая бежит от защиты... Странница говорила — о причудливых украшениях, что становятся девушкам дороже родителей; о замысловатых кулонах, которые меняют внешность и характер; о дьявольских предметах, которые порабащают своих владельцев — поколение за поколением... Абрахам кивал. Он впал в подобие транса — годами копившаяся тревога, тоска, усталость, отчаяние ослабили его разум, и ловкой старухе ничего не стоило заворочить его. Горбатая Мириам говорила и говорила, и уже приходилось ей поспешно стирать хищную улыбку, раскалывающую морщинистое лицо, — чтоб не заметил замороченный священник и не заподозрил зла.

Ноздри Абрахама подрагивали от праведного гнева, готового обрушиться на голову Марии.

— Я запру ее в доме, она больше не посмеет разгуливать по улицам! — воскликнул он, но Горбатой Мириам было нужно другое.

— Ваша дочь — хорошая девушка, скромная и добрая, — сладко прожурчала она. — Но злой дух, заключенный в кулоне, владеет ею. Отберите Обезьянку — и Мария снова станет покорной дочерью, достойной своего отца. Только спрячьте получше — злой дух не покинет бедняжку сразу, какое-то время она будет одержима желанием вернуть предмет...

— Но куда я его дену? — растерянно спросил Абрахам. — В моем доме трудно что-то спрятать, все хозяйство на Марии, она знает здесь каждый уголок.

— А вы отдайте кому-нибудь на хранение, — предложила Горбатая Мириам. — Достойному человеку, сильному духом и твердо верующему в нашего Господа. Душе такого человека дьявольская обезьяна не сможет причинить вреда.

Сказала — и замерла в ожидании, как кобра перед броском, как гепард в засаде... Абрахам мучительно сдвинул брови.

— Вы же знаете, как у нас в городе... Истинных христиан почти нет, а те, что есть, недостаточно стойки. Я не могу подтолкнуть чью-то слабую душу в ад... — он покачал головой и вдруг просветлел лицом. — Может быть, вы? Я вижу, вы женщина достойная...

Горбатая Мириам скромно поклонилась, и священник не заметил иступленного блеска в тусклых глазах.

— Неужели никого больше нет вокруг вас? — с деланным изумлением спросила она. Абрахам шумно вздохнул. — Ну раз так... — Она вдруг оживилась. — Я могла бы отнести

проклятый кулон в святую обитель в джунглях. Там, под защитой самого Господа, никто не найдет его.

Абрахам просиял и сжал в своих огромных черных ладонях хрупкие руки Мириам, похожие на сморщенные птичьи лапки. Старуха со слащаво-скромной миной отвела горящие глаза.

— Сегодня же я заберу кулон у дочери и отдам его вам, — твердо сказал он.

Свистнул кнут, и на гладком плече Марии мгновенно вспух рубец. Девушка закричала от обжигающей боли и попятилась.

— Отдай дьявольский кулон этой достойной женщине и иди молиться, — приказал Абрахам.

— Папа, ты не в себе, — всхлипнула Мария. — Что случилось?

— Делай, как я тебе говорю, несчастная!

Мария снова попятилась, вытерла застилавшие глаза слезы. Только теперь она увидела, что в комнате они не одни: в углу за столом сидела с постным лицом горбатая старуха. Видимо, та самая достойная женщина... Абрахам шагнул к дочери, снова заноса кнут, и Мария, вскрикнув, прикрыла голову локтем.

(...так красиво блестела на ладони. Мария почувствовала себя невообразимо счастливой. Она любовалась серебристой Обезьянкой и почти не слушала бабушку Фатин.

— Бойся горбатой женщины, — говорила она. — Когда-то я сумела спрятаться от нее и надеюсь, что она прекратила погоню, но как знать... Если однажды к тебе подойдет горбатая старуха — бойся ее, она пришла забрать Обезьянку. Ее зовут Мириам, и она упорна, зла и хитра... Будь настороже.

Не хвастайся предметом. Не носи открыто. Не используй без крайней надобности и не рассказывай о его свойствах отцу.

— Что ты, бабушка, конечно! — испуганно ответила Мария. Страшно было подумать о том, чтобы рассказать о таком отцу. Абрахам Бекеле даже слишком долгий взгляд на мужчину считал грехом...)

— Папа! — крикнула Мария. — Папа, эта женщина обманула тебя! Она просто хочет украсть кулон!

Горбатая Мириам поджала губы и скорбно покачала головой.

— Не смей клеветать! — проревел Абрахам. — Снимай...

Мария, закусив губу, ринулась на отца. В последний момент она поднырнула, скользнула под вновь поднятую руку. Краем глаза увидела, как встает, подается наперерез старуха, но медленно, мучительно медленно. Хлопнула дверь, и Мария выскочила на улицу. Абрахам бросился было следом, но остановился. Провел рукой по лицу, с недоумением взглянул на кнут, все еще зажатый в кулаке. В ушах звенело. Он с неприязнью покосился на странницу, которая вдруг показалась неприятной и даже опасной — куда только подевалась милая старушка, посвятившая себя Богу.

— Она вернется, — уверенно сказал Абрахам — скорее сам себе, чем Горбатой Мириам. — Куда ей идти? Здесь ее никто не примет, побоявшись оскорбить меня, а уходить из города — самоубийство. Мария очень скоро вернется.

Но он ошибался.

В «Пиццерии» было битком; пропахший пивом и табаком воздух гудел от множества голосов. Марию встретили радостным ревом. Она увернулась от чьих-то объятий, от потянувшихся к ней липких губ, огляделась. Конечно, все здесь уже

пьяны, но Марии нужен был только один, инженер-бельгиец. В отличие от шумных кубинских летчиков, выпивающих каждый день, он страдал запоями — три-четыре раза в год, не чаще, но зато — шумно, безобразно, до драк, каталажки и галлюцинаций. Остальное время он оставался тих, трезв и приветлив; однако дома ему бы не обрадовались, и после ухода бельгийцев инженер предпочел остаться в Конго. Мария знала, что он совсем недавно вышел из запоя; знала также, что месье Поль когда-то слыл неплохим пилотом и что свое немаленькое наследство он промотал в рулетку. Этого было достаточно.

Разглядев среди черных курчавых голов розовую лысину Поля, Мария протиснулась за его столик.

— Что ты делаешь здесь так поздно, детка? — спросил инженер и отечески положил ладонь на коленку Марии. — Преподобный Абрахам, наверное, волнуется.

Сидевший рядом с ним авиамеханик радостно хохотнул. Мария пожала плечами и вынула из руки бельгийца стакан. Отпила, томно прикрыв глаза, и улыбнулась, почувствовав вкус воды с лимоном. Как она и рассчитывала, Поль был абсолютно трезв.

— Мне надо в Лулаборг, — сказала она. За столиком расхохотались, но Мария смотрела только на Поля. Инженер покраснел.

— Ты же знаешь, что там война, детка, — сказал он. — Зачем тебе?

— Соскучилась по Габриэлю.

— Завидую твоему братцу. Какой толк? Лучше бы ты соскучилась по мне. И как ты собираешься туда попасть?

— Самолетом, — нежно улыбнулась Мария.

— Давай, Поль, отвези красавицу, — подначил один из пилотов. Поль с растерянной улыбкой провел ладонью по лысине, покачал головой.

— Ой, — огорчилась Мария. — Это, наверное, опасно? Говорят, этот их командир, Тату, велит стрелять по всему, что движется. Какая я глупая! Если бы я подумала раньше — конечно, не стала бы просить вас... подумать только — вы готовы были лететь со мной прямо на партизанскую базу! Какой ужасный риск!

Поль приосанился и поглядел по сторонам. Летчики явно прислушивались к разговору.

— Тату! — фыркнул механик. — Дурацкая кличка. Кого они хотят обмануть? Все же знают, кто там заправляет на самом деле.

— Кто же? — широко раскрыла глаза Мария.

— Скажу на ушко, — ухмыльнулся механик.

Девушка послушно склонила голову, и механик прошептал имя.

— Не может быть! — воскликнула она, отстраняясь и испуганно округляя глаза. — Бедный Габриэль, ему, наверное, очень тяжело там. Говорят, этот... Тату — очень суровый человек. Конечно, это слишком опасно — прилететь в лагерь самого Че Гевары...

— А что тут такого? — небрежно спросил Поль.

— Ставлю пятьдесят баксов, что у тебя ничего не выйдет, — снова встрял механик, и Мария мысленно заверещала от восторга.

— Эй! — заорал Поль. — У кого тут под рукой что-нибудь летающее?

Мария подняла на бельгийца сияющие глаза и улыбнулась нежнейшей из улыбок.

— Неужели?..

— Я доставлю вас к брату сегодня же, мадемуазель, — чопорно произнес инженер.

Жестяные стены бара завибрировали от одобрительного гула.

— Я, пожалуй, с вами, — сказал один из пилотов, вставая. — На моей посудине и полетим.

— И что нам за это будет? — спросил бельгиец у Марии. Та лишь молча улыбнулась в ответ.

Лулаборг, Конго, май 1965 года

Они вылетели на рассвете; некоторое время внизу виднелась лишь желто-коричневая, в редких сероватых пятнах баобабов и акаций саванна, но вскоре равнина сменилась предгорьями, плотно поросшими лесом. Черно-зеленые волны вставали на много километров вокруг, и Мария уже начала беспокоиться о том, как они будут приземляться, но тут в ложине мелькнуло светлое пятно, и самолет зашел на круг над небольшим поселком. Деревенька с воздуха выглядела мирно, и единственную взлетно-посадочную полосу охраняли только двое солдат в форме правительственных войск. Похоже, симба успели оставить поселок — то ли после неудачного боя, то ли просто за ненадобностью. Полоса была грунтовая, но идеально выровненная, политая маслом, чтобы прибить пыль, — посадка оказалась неожиданно мягкой. Стоило Полю высунуться из кабины — и на него направили дула двух автоматов.

— Эй, эй! — возмущенно воскликнул бельгиец и поднял руки. — Я свой!

Мария выглянула из самолета и улыбнулась часовым — нежно и печально.

— Я ищу своего брата, — прокричала она, пытаясь перекрыть шум моторов.

На лицах часовых появилось напряженное недоумение, и Мария беспомощно оглянулась на пилотов. Окончательно протрезвевший к тому времени кубинец помахал под носом солдат какими-то бумагами.

— Особое задание! — проорал Польш, перехватил листки с печатями и вручил их солдатам. Мария присмотрелась — это были гостиничные квитанции. Она отвернулась и прикрыла рот рукой, не в силах смотреть, как часовые тщательно изучают бумажки.

— Эту даму необходимо доставить на базу партизан, — важно сказал Польш.

— Но мы не знаем, где... — начал было говорить один из солдат, но второй вдруг ткнул его локтем. Теперь они внимательно рассматривали купюру, каким-то образом затесавшуюся между квитанциями.

— Придумаете, как доставить на место девушку, — получите еще столько же, — сказал кубинец. Часовой нежно погладил карман.

— Это очень трудно и опасно, — сказал он, приоткрыв в улыбке крупные желтые зубы. — Вы же понимаете, мы не можем оставить пост и отправиться в тайный лагерь врага. Мы даже не знаем, где он. И мы боимся. Люди Тату стреляют без предупреждения.

— Не могу поверить, что такие храбрецы боятся каких-то дикарей, которые не знают, с какой стороны берутся за автоматы, — сказал Польш. — И конечно, храбрость достойна награды...

— Еще столько же сейчас и двадцатка — потом, — скучным голосом ответил часовой. Кубинец шумно вздохнул, и, закатив глаза, вытащил деньги. Польш передал их солдату, и тот радостно ухмыльнулся.

— Младший брат мужа моей сестры возит им продукты, — сказал он. — Он сможет проводить эту девушку. Если она, конечно, ему заплатит.

Мария наконец вышла из самолета и оглянулась на пилотов. Те глядели на нее слегка растерянно, будто только сейчас осознали, что происходит.

— Береги себя, детка, — сентиментально поговорил Поль и поднес руку девушки к губам. — Передай привет брату, мы с ним были приятели.

— Постараюсь не попасть в тебя, красавица, когда мы будем бомбить их базу, — улыбнулся кубинец и крепко обнял Марию, обдав запахом пота и одеколона.

Когда Мария увидела их в следующий раз, оба были мертвы.

Партизанский лагерь в Лулаборге, Конго, июнь 1965 года

В этих горах не было дня и ночи, утра и вечера — непроглядную тьму сменял тревожный полумрак, и только. О том, что где-то за горами скоро встанет солнце, Мария узнала лишь по посеревавшему воздуху да по холодному туману, медленно ползущему среди гигантских стволов. Где-то в ветвях возились первые птицы — им с высоты был виден тусклый рассвет. Мария зажгла фонарь и, неслышно ступая босыми ногами, пошла к кухонному навесу: пора готовить завтрак.

Уже давно Мария не видела неба, плотно закрытого кронами гигантских деревьев. Дышать здесь было трудно из-за влажного и какого-то затхлого воздуха, как в долго запертой комнате; даже самый слабый ветерок никогда не проникал сюда. Но Мария не жаловалась. Человек, которого все упорно называли Тату, — «третий» на суахили, — позволил ей

остаться. Когда Мария заявила в лагерь, ее едва не застрелили — Габриэля, вступившегося за сестру, никто не хотел слушать. «Я так и знал, — печально сказал тогда Габриэль, — что рано или поздно ты поссоришься с отцом. Но я так надеялся, что к тому времени смогу быть рядом... Неужели нельзя было подождать?» — «Он хотел Обезьянку отобрать. Бабушкино наследство». Габриэль закатил глаза. «Ну здесь-то ей, конечно, безопасно, Ри». — «Да уж побезопасней, чем дома, Ри», — откликнулась Мария и замолчала, когда ствол автомата ткнулся ей под ребра: партизаны не одобряли лишних разговоров.

Мария уже успела подумать, что погибла сама и потянула за собой брата, когда вмешался Тату. Он был точно такой, как на фотографиях в газетах, — только волосы под беретом короче, да глаза не такие веселые. Он выслушал Габриэля. Он посочувствовал Марии — скорее от нелюбви к церковникам, чем от сострадания, но — посочувствовал, не записал в шпионки, не велел расстрелять и не отправил домой на расправу отцу. Он дал ей работу на кухне и позволил ходить в школу. Не на все уроки, конечно, — Мария быстро поняла, что большей частью в этой школе учат, как ловчее убивать из-за угла и почему это надо делать. Это называлось основами партизанской борьбы и теорией марксизма. Но войной дело не ограничивалось: Тату самолично преподавал конголезцам испанский, французский и математику, и Мария оказалась благодарной ученицей.

На кухне никого еще не было. Мария присела на обрубок дерева, высыпала в подол полмешка арахиса и принялась лущить его. Мелкие ядра в красноватой шкурке, казавшиеся в сумерках почти черными, с дробным шумом посыпались в жестяную миску. Позже Мария разотрет их в пыль, добавит

масло, травы, зальет получившимся соусом жесткую козлятину — выйдет целый чан тушеного мяса, сытного и вкусного. Но пока руки делали механическую работу, а голова была свободна — оставалось время подумать.

Абрахам всегда считал, что удел женщины — быть матерью и женой, и у Марии не возникало и мысли, что может быть как-то по-другому. Ей доводилось слышать об образованных дамах, которые сами зарабатывают себе на жизнь, но не приходило в голову, что это может как-то касаться ее. В конце концов, у нее была Обезьянка. Мария питала уверенность, что рано или поздно найдет себе самого лучшего мужа — доброго, красивого и богатого, как дед Шарль. Если повезет, она даже сумеет полюбить его, но это вряд ли. Женщинам в ее семье никогда не везло в любви. Пусть он будет не слишком противен — о большем Мария не мечтала. Впрочем, нет: грезилось ей, что когда-нибудь ее увезут из Африки в какие-то прохладные и чистые края, где много света, где строят большие дома и не пропадают целыми днями на огородах... Сбегая из-под крыла отца, она лелеяла слабую, но соблазнительную мыслишку: вот если бы знаменитый революционер поддался чарам Обезьянки... Она бы могла гордиться им, помогать ему. И ничего бы рядом с ним не боялась...

Достаточно было одного взгляда на Тату, чтобы Мария отбросила эту идею. Она даже не пыталась привлечь внимание Че Гевары. Его фанатичная целеустремленность, его резкий юмор отпугивали, заставляли смотреть на него лишь издали. Его красота напоминала Марии холодные лица святых с икон — невозможно было даже подумать о том, что рядом с этим человеком может быть земная женщина. Каким-то звериным чутьем Мария понимала, что Тату — не жилец; год, два, может быть — три, — и смерть, с которой он так

долго был на короткой ноге, настигнет его. За ним хотелось идти; хотелось драться плечом к плечу — неважно за что; но не жить рядом.

С Марией произошла престранная вещь: впервые в жизни на нее смотрели не как на женщину, а как просто на человека. Именно человеку Тату дал приют и работу; человеку — предложил ходить на занятия в партизанской школе... Обезьяньи чары не действовали на Че Гевару. Бабушка Фатин говорила когда-то, что предмет не действует на тех, чье сердце занято. Сердце Че Гевары оказалось занято — но не другой женщиной, а революцией. Мария была потрясена. Она снова и снова обдумывала все, что говорил команданте, снова и снова вызывала в памяти его лицо... Она влюбилась — неодолимо, тихо и безнадежно.

Мария со страхом обнаружила, что ей больше не хочется быть просто женой хорошего мужа. Она вдруг поняла, как ей нравится учиться; как это удивительно и хорошо, когда у тебя есть дело. Мария была слишком женщиной, чтобы захотеть воевать — даже ради революции, возлюбленной Че. Но Тату не только воевал — он еще и лечил. Мария захотела стать врачом.

И вот тут ей очень даже могла помочь Обезьянка.

На секунду пальцы Марии остановились, шорох падающих в миску орехов прервался. Девушка оглянулась через плечо — из-под кухонного навеса виднелось несколько палаток, и в одной из них горел свет. Мария ехидно улыбнулась и продолжила лущить арахис. Товарищ Цветков уже не спал. Скоро выберется из палатки, приглаживая руками свои удивительные рыжеватые волосы, — а кожа у него белая, как молоко, и покрыта светло-коричневыми круглыми пятнышками, будто усеяна просом. Противно, но что поделаешь... Товарищ

Цветков придет под навес, нальет себе воды и скажет: «Ну, как дела у моей прекрасной колдуньи?»

Вот уж на кого Обезьянка подействовала как удар!

Стоило Марии слегка сосредоточиться — и товарищ Цветков будто сошел с ума. Была б его воля — целыми днями вертелся бы на кухне... Он говорил ей странные, глупые, заворачивающие слова. «Ты плачешь? — со смехом спрашивал он, когда у Марии было плохое настроение. — Послушай! Далеко-далеко, на озере Чад, изысканный бродит жираф». «Но в мире есть иные области, луной мучительно томимы», — говорил он, когда Мария жаловалась на вечную полутьму. И любимые свои стихи, частенько поминая какого-то Самиздата, повторял к месту и не к месту — Марии, партизанам, ящикам с патронами, гербарии: «Как темно... этот лес бесконечен... Не увидать нам солнца уже никогда... Пьер, дневник у тебя? На груди под рубашкой?.. Лучше жизнь потерять нам, чем этот дневник!» Дневник у товарища Цветкова был, пухлый, потрепанный, и русский его очень берег — держал, правда, не под рубашкой, а в нагрудном кармане.

Мария не скоро поняла, что это стихи, а когда поняла — растерялась. Странные строки сбивали ее с толку, отзывались в самой глубине души. «Гумилев, Гумилев, откуда ж ты взялась такая, — говорил русский и как-то растерянно хохотал. — Чем ты меня приворожила, ведьма? — сердито спрашивал он. — Колдуешь тихой ночью у потемневшего окна, а?» Мария лишь смеялась в ответ: не было в партизанском лагере окон, да и колдовала она не ночами... Но в глубине души было тревожно: иногда казалось, что товарищ Цветков вовсе не шутит, что не комплименты это, а серьезный вопрос, который не дает русскому покоя... «Ты же меня приворожила. Ведьма ты, и глаза у тебя колдовские, не бывает у африканцев

таких глаз, — говорил он. — Что ж ты со мной делаешь, — говорил он. — Вот увезу тебя в Россию, чтоб ты никуда не делась от меня», — говорил он, и это уже было то, что надо. Мария хохотала и резала мясо, бросала обрезки на пол, и рядом с ней исходили слюной трое: два облезлых пса и советский ученый, товарищ Цветков...

Пора, пожалуй, его немного утешить, подумала Мария, пока совсем с ума не сошел... Она снова оглянулась на палатку русского и удивленно замерла: полог откинулся, и на фоне освещенного брезента мелькнули человечьи фигуры. Мария узнала товарища Цветкова и Тату. Третий был незнакомый — сгорбленный, тощий, лысый; из одежды на нем — лишь набедренная повязка да связка бус. Он что-то тихо сказал остальным и скользнул в сторону от освещенного круга, мгновенно растворившись в сумрачном лесу. Колдун, поняла Мария, и ее охватили страх и любопытство. Она перестала чистить арахис и прислушалась.

— Вы меня разочаровываете, — говорил Тату. — Что значит — не поддается анализу? Что значит — мало данных? Какие еще данные вам нужны? Мне что, вывезти этого старика на Кубу? Так он помрет со дня на день. Фиделю не нужен еще один колдун, ему нужны конкретные знания.

— Будут знания, — устало отвечал Цветков. — Ну что вы кипятитесь, товарищ Гевара? Вы же сами видите — он ничего не рассказывает. Нужны наблюдения, нужны замеры... Нужны образцы растений, в конце концов! Я раздобыл порошок — но я же не могу определить его состав без химической лаборатории!

— Отговорки, — жестко отрезал команданте. — Вы недостаточно ответственно относитесь к своей работе, предпочитаете заигрывать с кухаркой.

Мария тихо ахнула и пригнулась, будто пытаясь спрятаться. Приступ стыда был настолько силен, что лицо запылало от прилившей крови, а на глазах выступили слезы. Раздался тихий злобный смешок, и Марии потребовалось несколько секунд, чтобы понять — это смеется Цветков.

— У вас свое задание, товарищ Гевара, у меня — свое, — холодно произнес он. — Помимо помощи вам и лично товарищу Кастро... Вы правы, эта кухарочка меня очень, очень интересует. Но совсем не в том смысле, на который она надеется...

И Цветков снова тихо рассмеялся.

Мария медленно провела рукой по подолу, стряхивая мелкую арахисовую шелуху. Безумие Цветкова предстало в совершенно новом свете. «Ладно, — подумала Мария, — главное — я его интересую. Ну и прекрасно». Русский товарищ получит то, что хочет; но только в обмен на то, что нужно Марии.

— Ну хорошо, товарищ Цветков, оставим пока это, — говорил тем временем команданте. — Вернемся к моему заданию. Вы обратили внимание, что этот колдун тоже говорил что-то о развалинах древнего города?

— Таинственные исчезновения... — задумчиво откликнулся русский. — Знаете, товарищ Гевара, в этом что-то есть. Когда я собирал материалы...

Цветков говорил все тише и неразборчивей, и вскоре Марии надоело подслушивать. Она встала и вынула из стойки нож для разделки мяса.

ГЛАВА 5

ПРИШЕЛЕЦ ИЗ ПРОШЛОГО

Чако Бореаль, Боливия, январь 1956 года

Бешеная скачка в сторону границы с Аргентиной длилась недолго. Довольно скоро немолодой мерин выдохся и перешел на тряскую рысь. Как Хосе Увера ни хлестал его, как ни кричал — мерин только потряхивал головой и трусил, то и дело спотыкаясь на кочках, да и заводной все время тянулся, упирался и норовил встать. В конце концов Хосе смирился и позволил коням идти быстрым шагом. Погони за ним не было — как он и надеялся, вождь племени счел, что доставить в Асунсьон мальчишку с Броненосцем важнее, чем наказывать приبلудного бродягу.

Окончательно уверившись, что гнаться за ним никто не будет, Хосе остановил коней и спешил. Ночь накануне он провел на полу хижины, связанный по рукам и ногам, и теперь тело требовало отдыха. Хосе расседлал меринов, собрал кучку хвороста. Крошечный костерок почти не дымил. Вода

для мате вскипела быстро, и вскоре Хосе уже вытянулся на траве, потягивая горячую горькую жидкость.

Как всегда, мате успокоил его и придал ясность мыслям. Паническое бегство в Аргентину больше не казалось Хосе разумным выходом. Некоторое время он лениво обдумывал, не вернуться ли за мальчишкой: в конце концов, Максим спас его, и Хосе испытывал к нему нечто вроде благодарности — настолько, насколько был способен. К тому же у мальчишки остался Броненосец. Конечно, волшебных предметов на свете много, и некоторые из них очень полезны, но ничего лучше Броненосца Хосе вообразить не мог. Максима провожает отряд индейцев, человек пятнадцать, судя по мулам, виденным Хосе у коновязи. Если напасть на них исподтишка, пожалуй, удастся перебить человек пять, а если Макс не струсит — то десять. Остальные убегут. Мальчишка отдаст Хосе Броненосца, и...

Последний Увера яростно забулькал мате и покачал головой. Мальчишка — слюнтяй и мямля, он не вступит в бой с конвоем, а то и попытается помешать. А может, беспокойно подумал Хосе, еще и не захочет отдавать предмет. Кажется, один раз Увера попросил у него Броненосца — всего лишь на минуточку, просто чтобы повидаться с братьями, — и злобный мальчишка ему отказал. Да еще и натравил на него своих приятелей чимакоко — кажется, именно после этого Хосе и связали. Нет, план плох; лучше найти Максима позже, в Асунсьоне, и выведать у него, кому тот отдал предмет. А там уже...

Хосе подлил в калекбасу кипятка. Путь до столицы трудный и долгий. Да и там неизвестно, с кем придется столкнуться. Старый карабин — хорошее оружие, но его может оказаться недостаточно. Вот если бы у него был другой волшебный

предмет... например, такой, который делает владельца непобедимым. Или невидимым. Или...

Нет, решил Хосе, ехать в столицу прямо сейчас было бы глупо. Сначала надо найти башню. А уж потом, когда у него будет целая куча волшебных предметов, он наведается к проклятому мальчишке, лишившему его семьи. Путь к башне лежит через места, где они искали того огромного зверя; может быть, удастся повстречаться там с братьями. С этой счастливой мыслью Хосе отставил калебасу и задремал, успокоенный и почти довольный.

Последний Увера был давно и безнадежно безумен, но даже не догадывался об этом.

На третий день пути кони предали его. Он надеялся, что два старых мерина, все, что осталось от отца и братьев, пойдут с ним до конца, но они бросили Хосе. Мерина, на котором ехал Хосе, укусила змея. Заводной в панике порвал узду, понес и сломал ногу, угодив ею в кроличью нору. Хосе прирезал его и вернулся к первому. Мерин подышал. Он исходил пеной и бился в конвульсиях. Последний Увера разрядил в него карабин, лег рядом и заплакал.

Через несколько часов он встал. Возиться со выючными сумками, придавленными лошадиными телами, не хотелось. Хосе был уверен, что ему не нужны никакие припасы — он не какой-нибудь мальчишка из большого города, чтобы нуждаться в таких мелочах. Однако, поразмыслив, он все-таки забрал нож, патроны и мате.

Дальше Хосе шел пешком.

Никто не хотел идти с ним искать волшебную башню, даже кони. Лишь Диего и Пабло готовы были разделить с ним путь, и Хосе твердо решил найти их. Дожди успели размыть

следы их маленького отряда, но Хосе шел по ним, не сомневаясь и не плутая. Ему не нужно было видеть — он знал дорогу, чувствовал ее сердцем.

Хосе шел быстро. Он не нуждался больше ни в пище, ни во сне. Даже самой темной ночью он видел следы — светящуюся нить, ведущую к башне. Он точно знал, что Диего и Пабло ждут его там.

На четвертый день Хосе повезло. На пути вдруг оказалось индейское селение; Хосе точно знал, что в прошлый раз его по дороге не было, и подивился тому, как быстро умеют устраиваться чимакоки. Хижины выглядели старыми, будто стояли здесь много десятков лет; видимо, это была какая-то хитрость, чтобы обмануть Хосе. Может быть, его хотели заманить и снова связать за то, что он попросил у Макса Броненосца. Хосе хитро усмехнулся и покачал головой. Он не попадется на такую грубую уловку.

Последний Увера обошел поселок стороной. У околицы ему повезло еще раз: там, у шаткой ограды, был привязан пегий конь с голубыми глазами. Хосе заглянул ему в узкие горизонтальные зрачки и понял, что тот согласен идти с ним к башне. Увера огляделся. Никого рядом; лишь вдалеке видны женщины, склоненные над грядками с картошкой, да играют на площадке между хижинами несколько детей.

Дальше Хосе ехал верхом.

Удивительное дело: хотя Увера не тратил время на сон, еду и отдых, путь до поляны, где покинули его братья, занял много и много дней. Хосе подумал бы, что заблудился, если бы не видел постоянно следы, оставленные братьями. От них исходил синеватый свет, слабый днем, яркий и заметный ночью.

Хосе был уверен, что даже пегий конь с голубыми глазами видит их — так уверенно тот шел, не дожидаясь ни понуканий, ни указаний поводом.

В конце концов нить привела Хосе туда, куда надо. Увера сразу узнал поляну, на краю которой возвышались деревья с вывороченными из земли досковидными корнями. Спешившись, он медленно вошел в джунгли. Из-под палой листвы под ногами поблескивали стеклянные бусины — остатки подарков, привезенных когда-то для лесных индейцев.

Хосе огляделся. Пабло и Диего остались здесь после боя с дикарями; последний Увера надеялся, что они ждут его на прежнем месте, но братьев не было. Он не нашел даже тел; останки растащили животные, и лишь в стороне у корня белел чей-то тщательно обглоданный череп — то ли одного из братьев Увера, то ли кого-то из погибших в перестрелке лесных индейцев. Хосе разочарованно вздохнул и медленно вернулся к опушке. Там он присел, пытаясь понять, что делать дальше, но мыслей не было.

Хосе просидел до вечера, не двигаясь, почти не моргая. И тогда оказалось, что делал он это не зря. Братья, конечно, не дождались его, но оставили явный знак, и теперь Хосе хорошо видел его: светящаяся нить, по которой он дошел до роковой поляны, тянулась дальше. Когда в сельве окончательно стемнело, и вокруг тихо засмеялись серые демоны, объедающие у путников пальцы, Хосе вскочил на коня и двинулся по следу, сладко замирая от радостного предвкушения. Вскоре он увидел круглый светящийся ход, висящий прямо в темном воздухе. Следы братьев уходили в него. Радостно вскрикнув, Хосе стегнул коня и галопом влетел в круг мерцающего голубого света...

...и ничего не изменилось. Хосе по инерции проскакал десяток метров и, резко натянув поводья, остановил коня. Оглянувшись, он успел увидеть, как линза голубого света мигнула в последний раз и погасла.

Прозрачная, но непроницаемая для глаза световая завеса исчезла, и тут стало понятно, что кое-что все-таки изменилось, и довольно сильно. Между тростниковыми зарослями и лесом появился кустарник. Сами тростники, раньше — густые и высокие, теперь поредели, порыжели, и в них зияли болотистые проплешины. И едва виднелись там, в ржавой грязи, какие-то серые, изломанные фигуры...

Хосе осторожно подъехал поближе и присвистнул. Два человека лежали в тростниках, два гринго в странной пятнистой одежде со множеством карманов. Серые пустые лица и окровавленные культияпки вместо рук... Волосы зашевелились на затылке, и в голове тихо, почти ласково захихикали. Хосе знал эти голоса — это были его братья, нет, кто-то хотел, чтобы Хосе подумал, что это его братья, сдался, слез с коня и протянул руки. Кожа покрылась крупными мурашками; он сжался в седле и медленно осадил фыркающего коня — боялся повернуться к трупам спиной, чтоб не увидеть тех, кто их ел, демонов, пришедших из детских кошмаров. Но это не помогло; паника захлестнула Хосе, он отчаянно вскрикнул, и пегий сорвался в галоп. Он летел, не разбирая дороги, стебли тростника хлестали по лицу, но Хосе не замечал этого. Один раз конь всхрапнул, шарахнулся в сторону — Хосе едва удержался в седле. Краем глаза он заметил еще одно тело — на этот раз женское; невысокая темноволосая девушка лежала, сжавшись в тугой комок, в ее спутанные кудрявые волосы

забилась тина, а земля вокруг была истоптана и изрыта гигантскими лапами.

Хосе не остановился. Последний Увера слишком хорошо знал эти следы; он видел того, кто их оставляет, и меньше всего на свете хотел встретиться с ним еще раз. Схватившись за гриву, он удержался верхом и выправил коня; пегий перешел на быстрый, но ровный галоп, унося Хосе все дальше от страшного места.

Он сам не заметил, как оказался на узкой, но довольно заметной тропе. Синюю светящуюся нить, оставленную для него братьями, он потерял еще на ужасной поляне, а здесь и вовсе не надеялся найти. Если Пабло и Диего и проходили тут — то Хосе не сможет этого заметить в такой мешанине. Влажную землю испещряли отпечатки некованных копыт и босых ног, а иногда — и рифленых подошв ботинок. По этой тропе ходили, не слишком часто и не слишком многие, но постоянно, а Хосе не был опытным следопытом.

От пережитого страха и разочарования он на какое-то время выпал из реальности. Безвольное, сведенное от напряжения тело сидело в седле, а разум блуждал в хитросплетениях троп, дорог, решений, случайностей. Узлами завязывались судьбы, и иногда Хосе казалось, что вот-вот он поймет, как ему жить дальше, но светящиеся синие нити ускользали из рук, путались, и никак было не уследить за ними... Пегий заржал, и Хосе пришел в себя, будто облитый холодной водой.

Впереди тропа делала плавный изгиб, и из-за поворота доносились тихие удары копыт. Несколько секунд — и из-за деревьев появилась монахиня верхом на маленьком муле. Объемистые вьючные сумки свисали с седла. Кожа монахини была цвета меди, черты — вырезаны точными, но резкими

движениями, а глаза — раскосые и злые. Увидев Хосе, она молча остановила мула и сняла с плеча ружье. Ствол уставился Хосе прямо в лоб. Опасная женщина! Хосе нравились такие, но сейчас он не обращал внимание на баб. Намного интереснее было то, что могла бы рассказать монахиня... если бы не держала так уверенно проклятое ружье. Увера сорвал с головы чудом не потерянную в пути шляпу и сдержанно поклонился.

— Хороший день, сестра, — вежливо проговорил он. — Не встречали вы моих братьев? Их зовут Пабло и Диего Увера, и они самые лихие всадники во всем Парагвае.

Между бровями монашки пролегла чуть заметная складка, но ружье она слегка опустила.

— И вам хорошего дня, — ответила она. — Я не видела ваших братьев, но по этой тропе никто не ходит, кроме моих сестер да изредка — жителей поселка, а в городе я не была давно. Ваши братья живут в Ятаки? Я не припомню никого по фамилии Увера, но...

— Нет-нет, мои братья родом из Пуэрто-Касадо, как и я, — ответил Хосе и с досадой заметил, как взметнулись вверх брови монашки. — Впрочем, это не важно. Если вы не видели моих братьев — то, может быть, подскажете, как найти черную башню, где хранятся волшебные предметы? Я уверен, что Пабло и Диего отправились именно туда.

Монашка, не меняясь в лице, покачала головой, но восприятие Хосе было обострено, и он заметил то, чего не заметил бы, наверное, никто другой: как закаменело лицо женщины и как опустели ее глаза — будто захлопнули ставни на окнах.

— Я никогда не слышала о такой башне, сеньор, — ответила она с искусно сыгранным недоумением, и Хосе позволил себе усмехнуться.

— Говорят, что именно монахиням в здешних краях известен тайный путь к этой башне, — сказал он. — Неужели вы ничего не знаете, сестра?

Монахиня покачала головой, все еще со спокойным удивлением на лице, но ее ружье уже снова было направлено на последнего Увера.

— Если хотите, я могу проводить вас в монастырь, — сказала она. — Возможно, кто-то из моих сестер слышал об этой башне.

Хосе заглянул в непроницаемый глаз смотрящего на него дула. Представил долгий путь под этим взглядом — дальше и дальше в глубь болот, чувствуя спиной женщину с каменным лицом, красивую и опасную женщину, которая готова была убить его за одно упоминание о башне. Нет уж. В монастырь он наведается позже — без сопровождения и никого не предупреждая. Тем более что путь туда очевиден — теперь Хосе понимал, откуда и куда ведет тропа, на которой он оказался.

— Не стоит, — проговорил он и поклонился монахине, не спуская, однако, с нее глаз. — Лучше я отправлюсь в Ятаки — вдруг братья ждут меня там?

Ятаки, Боливия, ноябрь 2010 года

Отец Хайме заглянул в рисунок и одобрительно хмыкнул. Поймал тоскливый взгляд Сергея, брошенный в сторону сидящих кружком женщин, и утешительно похлопал художника по плечу.

— Вот увидите, они к вам привыкнут, — сказал он. — Еще два-три дня — и к вам выстроится очередь желающих позировать.

— Хорошо бы, — проворчал Сергей и попшикал на законченную постель лаком из баллончика.

Индейцы не спешили ни выстраиваться в очередь, ни даже просто вступать в диалог с приезжим гринго. Поначалу художник размышлял о вековом недоверии аборигенов к белым пришельцам, о суеверной убежденности в том, что каждое изображение человека ворует у него часть души, и о прочей этнографической романтике. Однако все оказалось намного проще. На третий день пребывания в Ятаки Сергей проснулся на рассвете и решил прогуляться вдоль реки. Он был уверен, что вся деревня еще спит, и оказался крайне удивлен, увидев с десятков молодых мужчин и подростков, несущих к берегу Парапети туго набитые чем-то мешки. Художник приветливо поздоровался, но обычно довольно дружелюбные индейцы ничуть ему не обрадовались. Побросав мешки, они окружили Сергея, оттесняя его от берега. Мужчины пытались удерживать на лицах вежливые улыбки, но лицемерить не умели. Через головы своих низкорослых противников Сергей увидел, как один из мальчишек подбежал к берегу и отчаянно замахал руками, сигналив появившейся из-за излучины реки лодке. На носу ее сидели двое: мрачный обтрепанный бородач и дочерна загорелый мускулистый блондин, чем-то неприятно напомнивший Сергею Сирила Ли. Индейцы явно не хотели, чтобы художник встретился с приезжими, и Сергей ретировался.

Позже он поделился недоумением с Максом Морено. «Дорогой мой друг, — со смехом воскликнул старикан, — радуйтесь, что вас просто прогнали! Наблюдать за отгрузкой коки, знаете ли, занятие нездоровое». Сергей растерянно умылся в ответ. Сразу стало понятно, почему, несмотря на то что половина взрослых жителей Ятаки с утра уходит

с мотыгами и прочими граблями, а возвращается уже затемно, огороды вокруг деревни выглядят жалкими и заброшенными. До картошки ли, когда можно выращивать коку! Однако Дитер, несчастный учитель, убитый в Камири, не упоминал в своем дневнике ни о чем подобном. То ли не хотел подставлять родителей своих учеников. То ли по своей европейской законопослушности и вообразить ничего подобного не мог... А индейцы настораживаются каждый раз, как видят более-менее цивилизованного незнакомца: один Чиморте знает, безобидный турист это или агент из наркоконтроля... Сергей решил для себя гулять осторожно, чтобы не нарваться ненароком на плантацию, и выкинул историю с кокой из головы. Отец Хайме прав, рано или поздно к нему привыкнут.

Дождь нашел новую щель в навесе из пальмовых листьев; на колени Сергея весело закапала мутноватая вода. Он торопливо отодвинулся и поморщился, ощутив под собой холодную сырую поверхность.

Недовольство Сергея было не совсем искренним. Падре и сам выглядел экзотично до невозможности. Художнику редко случалось находить такие выразительные лица. Впечатляющий сизый нос утопал в толстых щеках; седая щетина, пронзительные глаза, всклокоченная грива все еще почти черных волос. Аристократические пальцы, что вечно сжимают четки, — и грязь, забившаяся под ногти, длинные и желтоватые. Нездоровый румянец алкоголика — и огромный лоб философа. И индейский плетеный поясok жизнерадостных оттенков, повязанный поверх коричневой сутаны. Нет, отец Хайме явно стоил того, чтобы тратить на него бумагу и картон.

Да и с Ильича уже удалось сделать несколько очень неплохих рисунков. К тому же блокнот Сергея распух от набросков

из повседневной жизни индейцев — того, что он успевал ухватить краем глаза, хватало с лихвой, и, по большому счету, Сергей пока не особо нуждался в натурщиках. Однако наброски набросками, а для полноценных эскизов к картинам все-таки нужны модели. С другой стороны, какие тут эскизы, если бумага отсыревает и плесневеет прямо на глазах?

Неделю назад он все-таки согласился на настойчивое предложение Сирила Ли и отправился на его лодке в Ятаки, рассудив, что выбрать сторону он может и на месте. Сергей предпочел бы вообще не вмешиваться в конфликт между аборигенами и американцами, но не был уверен, что ему удастся удержаться и не поддаться давлению. Именно поэтому он любил проводить время с отцом Хайме, и даже чудовищное количество джина, которое приходилось поглощать вместе с падре, и почти неизбежное похмелье не могли отвратить его от священника. Тем более что заняться по вечерам в Ятаки было нечем: рисование все-таки требовало хоть какого-то освещения, а единственную книгу, сборник фантастики еще советских времен, которую Сергей наобум сунул в рюкзак, он прочел уже дважды.

Падре уж точно был на своей собственной стороне. Старик не одобрял ни тех, кого представлял Сирил Ли, ни шамана с сеньором Морено: и те, и другие были для него всего лишь несчастными безбожниками, отвергшими истинную веру. Похоже, он считал, что лучше всего было бы сделать вид, что Чиморте вообще не существует, а всех участников противостояния обратить в католичество, исповедать и отправить каяться.

Сергея настолько увлекала твердолобость священника, что иногда он задумывался: а что случится с Чиморте, если люди перестанут в него верить? Не превратится ли он всего

лишь в палеонтологический курьез, которым был когда-то для Макса Морено? Художник подозревал, что именно так и рассуждает отец Хайме. Иногда, после пятой порции джина, глаза падре загорались недобрым огнем, он начинал цедить проклятия и потрясать кулаками, бормоча о кошмарных грехах, творящихся на болотах. Кончались такие приступы пьяными слезами. Добрый святой отец плакал от бессилия, от того, что не может, как его воинственные предшественники, огнем и мечом обращать язычников в истинную веру. В общем, отец Хайме был фигурой довольно пугающей; но обычно он не стремился морочить Сергею голову и не стоял у него над душой, требуя выбора, так что художник все чаще отсиживался в его пропахшем можжевельником и сивухой доме, причесавшись от встревоженного шамана.

Сергей не хотел выбирать. Чем больше он размышлял над ситуацией, тем лучше понимал: у него нет ни знаний, чтобы оценить последствия, ни тем более права решать за всех, исходя исключительно из личных симпатий. Художнику нравились шаман и старик-палеонтолог; скользкий и лицемерный Сирил Ли вызывал у него отвращение; но достаточно ли этого, чтобы решить судьбу целого континента? Попытки определить хоть что-нибудь доводили Сергея до исступления. Чтобы не срывать злость на людей, он уходил на излучину Парапети, туда, где река постепенно отступала, оставляя за собой широкую отмель, и часами бездумно швырял в равнодушную воду обломки веток и комья грязи.

Сегодня отмель почти исчезла под поднявшейся после ливней водой, и там, где раньше виднелась ровная полоса ила, теперь завивались кофейные бурунчики. Чуть выше по течению возились с сетями Ильич и Макс. Увидев их, Сергей

поспешно нырнул за толстое бревно, вынесенное на берег бурным потоком. Разговаривать ему сейчас ни с кем не хотелось.

Шаман и палеонтолог объявились в Ятаки на следующий день после приезда художника и тут же надели на него. Больше всего Сергея бесило даже не то, что эти двое требовали, чтобы он срочно что-то решил, а то, что ни шаман, ни Макс Морено не могли толком объяснить, чего они хотят. Сначала ему казалось, что проблема в языковых нюансах и возникающем из-за этого недопонимании, но потом он начал подозревать, что они и сами ничего не могут решить. Единственное, что Ильич и Макс знали точно, — это то, что переход Сергея на сторону американцев обернется чем-то нехорошим.

А вот у Сирила Ли и стоящим за его спиной ЦРУ явно был четкий план, которым просто не считали нужным делиться с Сергеем. Это тоже выводило художника из себя; к тому же он уже догадывался, что Юльку завлекли в Боливию обманом и удерживают силой...

Вот еще Юлька. Не то чтобы Сергей горел желанием спасти девчонку или считал себя обязанным это сделать, но совесть, как беспокойной москит, иногда начинала зудеть и кусаться: все-таки не чужая. Не может же он оставить ее в беде! И как узнать, в беде ли она или давно уже договорилась с ЦРУ? А если в беде — что он, Сергей, может предпринять? Где, в конце концов, искать этот чертов лагерь? И что делать потом? Ворваться, распугивая рейнджеров перочинным ножом и мастихином, и увезти упрямую девицу вдаль на белом коне?

Сергей услышал громкий возглас и выглянул из-за бревна. Обмениваясь радостными восклицаниями, Ильич и Макс тянули из бурной мутной воды какую-то невиданную черную

рыбину, толстую и скользкую. Рыбина отчаянно извивалась; она хотела жить, она хотела обратно в теплую мутную реку, и ей плевать было на желания рыбаков, но цепкие коричневые пальцы держали крепко.

Шаман заметил художника. Он бодро помахал свободной рукой, приглашая помочь. Сергей тихо зарычал от бессильной злости, нырнул обратно за бревно и, схватившись за голову, уставился вдаль. Его внимание привлекло какое-то мельтешение ниже по течению, на следующей отмели. Сергей прищурился, пытаясь сквозь редкий кустарник рассмотреть, что же там происходит.

Долго гадать не пришлось. Затрещали ветви, и из зарослей прямо на Сергея вылетел всадник на пегом коне с голубыми глазами. Увидев художника, он оскалился и остановил коня так резко, что тот задрал голову и присел на задние ноги.

Сергей взгляделся в лицо всадника, и его разобрал нервный смех.

— Еще один псих на мою голову, — мрачно проговорил он.

Ничего смешного во всаднике не было. Был он страшен — заросший многодневной щетиной, хищный, поджарый и с абсолютно безумными глазами, тоскливыми и злобными одновременно. Совершенно непонятно было, откуда появился этот человек и что он из себя представляет. Южноамериканец — скорее всего. Серая от старости рубашка военного образца и потертые кожаные штаны, шляпа с широкими обвислыми полями ассоциировались скорее с аргентинскими и парагвайскими гаучо, чем с тихими лесными индейцами Боливии. С нарастающим беспокойством Сергей заметил ствол карабина, торчащий из-за плеча пришельца, и длинный нож на поясе.

— Добрый день, сеньор, — вежливо поздоровался художник, не выдержав наконец этой молчаливой игры в гляделки. Всадник осклабился и медленно подъехал поближе.

— Добрый день, — проговорил он. Удивленно взглянув на открывшиеся хижины на берегу и аккуратные грядки. Посмотрел за Сергея, нахмурился и подобрался в седле. За плечом художника шумно задышали, и он понял, что Ильич и Макс Морено тоже заинтересовались всадником. Сергей слегка повернул голову, покосился на старика и почувствовал мгновенный укол страха: тот смотрел на пришельца так, будто перед ним висело в воздухе привидение.

Всадник неопределенно хмыкнул и снова уставился на Сергея.

— Ты не встречал здесь двоих, по имени Пабло и Диего, гринго? — спросил он. — Я никак не могу найти своих братьев.

Макс Морено тихо вскрикнул и, схватившись за сердце, осел на песок.

ГЛАВА 6

ЗВЕРОЛОВ И СВЯЩЕННИК

Чако Бореаль, Боливия, апрель 1964 года

Уже несколько лет Максим Моренков вел довольно жалкую жизнь. С тех пор, как умер генерал Беляев, а вскоре после него — и отец, Макс не мог больше оставаться в Асунсьоне. После похода с братьями Увера Максим убедился, что искать мегатерия лучше со стороны Боливии; это и определило выбор. Он сократил свое имя до Макса Морено и, воспользовавшись хрупким перемирием между Парагваем и Боливией, перебрался в Санта-Крус, а чуть позже — в Камири.

Пару лет он проработал автомехаником, но быстро понял, что это путь в никуда: денег хватало только на жизнь, скопить хоть сколько-нибудь заметную сумму не удавалось, и второй поход за мегатерием оставался далеким и туманным. В конце концов Макс решил рискнуть. Познакомившись с владельцем небольшого зверинца, он предложил помощь в поимке новых животных — и получил заказ. Так Максим Моренков превратился в зверолова Макса Морено. Заказы на поимку животных он получал нечасто; выручал его рынок магических

атрибутов в Ла-Пасе, где готовы были тоннами скупать лапки летучих мышей, жабы шкуры, листья лиан, копыта тапиров, перья, клыки, когти, сушеные селезенки...

Макс переехал в Камири и большую часть времени проводил в сельве, с каждой охотой забираясь все глубже в ненаселенные области Чако Бореаль. Макс обзавелся фотокамерой и всякий раз брал ее с собой в надежде повторить снимки, сделанные в парагвайской экспедиции. Несколько раз ему удавалось найти старые следы мегатерия, но сам зверь был неуловим. Однако Макс не отчаивался. Он был уверен, что если живые мегатерии еще существуют, то рано или поздно он обнаружит хотя бы одного.

В одну из таких вылазок он познакомился с отцом Хайме.

Тот день Макс провел, выбирая из силков летучих мышей. Работа была нудная и тяжелая — он несколько часов лазал по скалам, выпутывая из сетей сопротивляющихся зверьков, да и убивать их не доставляло Максиму никакого удовольствия. В конце концов, набив выю лапками, которых хватило бы десяти ведьмам на несколько лет работы, он спустился к ручью, где собирался заночевать, — и увидел сквозь ветви дрожащий огонек костра.

Макс насторожился. Конечно, лесные индейцы в этих местах уже не обстреливали всех подряд, как десять лет назад. Некоторые даже осели в небольшой деревеньке Ятаки и выбирались оттуда в ближайшие поселки. Однако сталкиваться с ними по-прежнему было опасно. Охотник спешил и начал осторожно подкрадываться к стоянке, ведя мула в поводу. Тот послушно ступал следом — и вдруг вскинул голову и громко заржал. Макс сердито шикнул на животное, пригнулся и поспешно сдернул с плеча карабин, но тут от ручья донеслось ответное ржание. Зверолов выпрямился. Лесные индейцы

не держали мулов; костер развел более-менее цивилизованный человек, и значит, стрелы можно было не опасаться. Однако и ружье убирать не следовало: путник мог запросто оказаться наркокурьером, беглым коммунистом или просто бродягой, не брезгующим разбоем.

Держа карабин наготове, Макс вышел из-за деревьев. Тут же стало понятно, что его опасения напрасны. Навстречу ему от костра шагнул молодой человек в сутане. Его тонкое лицо было бледно от страха, но губы решительно сжаты; дрожащей рукой он протягивал в сторону охотника распятие — будто собирался защищаться от самого дьявола, вышедшего из джунглей. Макс закинул карабин на плечо и приветливо улыбнулся.

— Добрый вечер, падре, — проговорил он. — Не бойтесь — я всего лишь охотник и не граблю путников. Разделите со мной ужин?

Помедлив, молодой священник кивнул. Макс сноровисто расседлал мула, и вскоре на костре уже закипал котелок с водой и скворчало на прутьях мясо капибары.

Хайме Хосе Альберт Фернандо дель Карпио был потомок рода настолько древнего и благородного, что все европейские короли, вместе взятые, не могли потягаться с ним чистотой крови. Его предки прибыли в Южную Америку чуть ли не во времена Колумба. Аристократическая гордость и замшелые понятия о чести передавались из поколения в поколение, в результате чего почти все мужчины в семье гибли либо на войне, либо на дуэлях. Младший сын по традиции становился священником. Однако дель Карпио, истые католики, всегда были многодетны, и род не прерывался.

Ужин был съеден; путники принялись за кофе. Полулежа на пончо, Макс исподтишка рассматривал священника. Тот

выглядел хилым и даже нездоровым: бледные руки с длинными, слабыми пальцами; красивое лицо чуть вяловато, будто плохо прорисовано. Но в бледных глазах горел фанатичный огонь.

— Что привело вас в такую глушь, святой отец? — спросил Макс.

— Это удивительная история, — охотно ответил священник. — Недавно в архивах собора в Санта-Крусе нашли некий документ, из которого следовало, что когда-то в этих местах конкистадоры построили большой монастырь. Бумаги хранились небрежно и были сильно испорчены, так что многое разобрать не удалось. Темная история. Будто бы отряд конкистадоров столкнулся здесь с самим дьяволом, и, чтобы обуздать его, посреди болот была воздвигнута священная обитель. Однако дьявол не сдался; он искушал монахинь, и многие говорили, что он овладел ими. В конце концов монастырь забросили; в нем осталась лишь горстка одержимых монахинь. Казалось, эти записи имеют только историческую и археологическую ценность, но тут один послушник из индейцев рассказал о слухах, которые в ходу на его родине, — слухах о проклятом монастыре и монахинях, приносящих несчастье. Так мы узнали, что монастырь не опустел и по-прежнему действует. Но кому там служат — Богу или врагу человеческому, — не ясно. Было решено отправить в монастырь нескольких священников, чтобы узнать, что там происходит. Однако добровольцев не нашлось — никому не хотелось путешествовать по этим гиблым местам. К сожалению, дух католической церкви уже не так крепок, как раньше. Двадцатый век растлил ее. Святые отцы слишком привыкли к удобствам и спокойной жизни и не готовы сразиться с дьяволом. Боюсь, — проговорил

священник почти шепотом, — некоторые даже не верят в его существование...

— И вы поехали один? — удивился Макс. — Храбрый поступок, святой отец.

— Это мой долг, — проговорил священник. — В моей семье из поколения в поколение передается легенда о том, как один из наших предков повстречался с дьяволом и победил его. А среди основателей монастыря значится некий дель Карпио...

— Удивительная история, — задумчиво повторил Макс Морено. Дьявол... уж не с любимой ли его зверушкой столкнулись в незапамятные времена конкистадоры?

Священник встал и достал из кармана четки. Извинившись, он отошел чуть в сторону от костра, опустил на колени и принялся молиться. Макс задумчиво взбалтывал в кружке кофейную гущу. Латынь звучала в джунглях странно, чужеродно и в то же время естественно. Казалось, путники перенеслись в далекое прошлое, во времена, когда на эту землю только пришли белые люди — люди, полные силы и желаний, не знающие сомнений и жалости. Люди, которые смели не знающих таких страстей индейцев, уничтожили их, загнали в трясины, где туземцам оставалось только тихо вымирать да предаваться воспоминаниям о днях, когда земля принадлежала им...

Макс впервые подумал о мегатерии не только как о палеонтологическом чуде. Мечты братьев Увера, индейские легенды, рассказ священника — все складывалось в фантастическую мозаику, странный и пугающий ребус, и он не был уверен, что хочет его разгадывать.

Макс проснулся от предутреннего холода. Открыв глаза, он увидел в сумерках, что священник уже седлает мула.

Падре подтянул, как мог, подпруги и поднял вьюки. По движению было понятно, что сумки почти пусты, — похоже, припасы отца Хайме подходили к концу.

— Куда вы в такую рань, святой отец? — окликнул его Макс, выбираясь из-под пончо. — Вы даже не позавтракали.

— Я должен спешить, — ответил тот. Его глаза по-прежнему нездорово блестели, веки покраснели — похоже, священник не спал всю ночь. Макс пожал плечами.

— Чашка кофе и кусок хлеба не задержат вас слишком сильно, — ответил он. — И, если вы позволите... — Макс замялся, не зная, какотреагируют на его предложение. — Я хотел бы сопровождать вас, святой отец.

Дель Карпио окинул его неожиданно цепким взглядом.

— Почему? — спросил он. — Вы не похожи на человека, который готов преодолевать опасности во имя Господа.

— Зато я готов на многое во имя науки, — ответил Макс, — хотя, понимаю, меня трудно принять за образованного человека. Я ищу знаний. А вам нужна помощь, святой отец. Вы явно не годитесь для того, чтобы в одиночку путешествовать через сельву.

Священник гордо вскинул подбородок. Его глаза вспыхнули гневом — и тут же погасли.

— Вы правы, — сказал он, поникнув. — Гордыня заставила меня отказаться от попутчиков. Возможно, сам дьявол завлек меня сюда одного, чтобы уловить в свои сети...

Макс шумно вздохнул, но дель Карпио, к счастью, не услышал его.

— К тому же мне нечем было заплатить проводнику, — добавил он, пожав плечами. — Меня ограбили в предместье Санта-Круса, но я не мог позволить себе вернуться. Если вы согласны на отсрочку...

— Бросьте, святой отец, — весело ответил Макс. — Я не ради денег с вами еду. Говорю же — мне интересно.

— Благослови тебя Господь, сын мой, — чопорно ответил отец Хайме. Подумав пару секунд, он спросил: — Вы зверолов по профессии, не так ли?

Макс кивнул.

— Возможно, я все-таки смогу отблагодарить вас, — сказал дель Карпио. — Мой несчастный старший брат страстно увлекается животными и щедро платит за новые экспонаты. Я постараюсь познакомить вас.

— Это было бы прекрасно, — весело откликнулся Макс. — Бросьте вьюки, святой отец, давайте сначала выпьем кофе.

Вышли к монастырю только через неделю изнурительного и запутанного пути. По прикидкам Макса, они со священником сделали изрядный крюк — указания в записях, найденных в соборе, были слишком туманны. Последние несколько километров пути пришлось пробираться через болото. К счастью, Макс нашел намек на тропу по вешкам, оставленным, видимо, индейцами. Они с трудом перебирались с кочки на кочку, таща за собой то и дело проваливающихся в жидкую грязь мулов, задыхаясь от горячих зловонных испарений, — а вокруг бубнила, шептала, ворчала трясина. Самое подходящее место для дьявола, думал Макс, проваливаясь по колено и остервенело выдергивая ногу. Вот Бог наверняка в эти гнилые места не заглядывает. По крайней мере Бог отца Хайме, чистый и строгий. Здесь вообще не может быть ничего чистого...

Монастырь был виден издалека. Его возвели на скалистом холме с плоской вершиной, вздымавшемся из трясины. Кажется, стены здания продолжают крутые склоны. Узкие щели

окон смотрели недобро, будто шурились в ожидании неведомой угрозы с болот. Макс и отцу Хайме пришлось довольно долго пробираться вдоль подножия плато, пока они наконец не зашли со стороны фасада. Здесь вдоль склона была зигзагом проложена тропа, ведущая к тяжелым воротам.

Макс покосился на священника. По мере приближения к монастырю Хайме дель Карпио становился все бледнее. В какой-то момент он достал распятие — да так и не убирал его, держа перед собой, словно фонарь. Сейчас его лицо и во все стало зеленоватым, но горело решимостью. Отстранив охотника, святой отец крепче сжал распятие и, поджав губы, загрохотал кулаком по воротам.

У юной послушницы, что открыла им ворота, были чистые, широко распахнутые голубые глаза и чистая нежная кожа, не тронутая солнцем, полупрозрачная, словно тончайший фарфор. Будто не существовало кругом трясины, не было изматывающего пути, влажной жары, привкуса крови на искусанных, воспаленных губах, туч москитов и отдающего тухлятиной тумана. Девушка бесстрашно смотрела на грязных, оборванных пришельцев, и на ее губах играла слабая улыбка.

«Откуда здесь взялась белая женщина? — поразился Макс Морено. — И ведь ей не больше шестнадцати. Как, какими путями занесло ее сюда, — будто вышедшую из рассказов отца о далекой России? Ей бы сарафан и венок из ромашек...» Волос девушки не было видно под монашеским убором, но Макс был уверен, что под ним прячется толстая коса, светло-русая, почти медовая... Они со священником удивленно переглянулись, и видение русской красной девицы вдруг погасло: дель Карпио смотрел на девушку с тем же изумлением, восторгом, скрытой тоской... Кого он видел сейчас? Бледную

черноволосую испанку голубых кровей? Макс почему-то был уверен, что угадал.

За спиной девушки появилась женщина намного старше, и наваждение прошло. Эта монашка ничем не удивляла: Макс видел множество таких лиц и в Камири, и в Санта-Крусе — смесь индейских и испанских кровей, жесткое усталое лицо, привыкшие к работе руки... Но в глазах ее светилось нечто странное — будто связь монахини с реальностью очень слаба и видения совсем иных дорог одолевают ее. Впрочем, оборвал себя Макс, что он знает о монашках? Им положено быть не от мира сего.

Зверолов снова покосился на своего спутника. Отец Хайме маялся. Отец Хайме морщился, поджимал губы и неловко ворочал головой, будто страдал зубной болью, да из гордости не мог это показать. Что-то очень не нравилось здесь священнику, и выглядел он так, будто вот-вот сбежит.

Толстые каменные стены украшали ряды и ряды благодарственных табличек-ретаблос — в начале галереи совсем новых, сверкающих яркими красками, но чем дальше, тем более старых, старинных, потускневших под потрескавшимся лаком, так что за патиной уже не разглядеть было рисунков... И на каждой — одно и то же изображение стоящего на задних ногах животного с золотистым нимбом над маленькой головой, со злыми красными глазами. Зверолова и священника повели к настоятельнице — монахиня, появившаяся вслед за голубоглазой девочкой, долго колебалась, но в конце концов решила, что путников все-таки можно впустить в святую обитель.

— Что за святой Чиморте? — проскрипел отец Хайме. Священник задышался. Его длинные бледные пальцы впились

в воротник сутаны; глаза блестели, как у пьяного. — Что за святой Чиморте? — повторил он звенящим шепотом. — Кому молятся эти распутницы?

Монахиня не оглянулась, лишь слегка качнула головой — будто слышала голос, да, на счастье, не разобрала слов. Макс предостерегающе прикоснулся к плечу священника, но тот уже и сам взял себя в руки. Он проделал долгий путь, чтобы узнать, что происходит в основанном его предком монастыре, и ссориться с его обитателями пока не собирался. «Интересно, — подумал Макс, — что будет делать падре, если обнаружит признаки одержимости? Попытается провести обряд экзорцизма? В одиночку, преодолевая сопротивление нескольких десятков крепких и здоровых женщин? Или просто даст волю гневу и обрушит на головы монахинь яростную проповедь об адском огне?» Макс надеялся, что отец Хайме все-таки справится со своим возмущением. Ссориться с обительницами монастыря совсем не хотелось — инстинкт подсказывал, что смиренные монашки могут оказаться опасными.

Перед священником стояла остывшая чашка кофе, поданная той самой девушкой, что отворила им ворота. Теперь юная монашка скромно сидела в углу, во все глаза глядя на незнакомцев, тихая, как мышка: видно, боялась, что настоятельница спохватится и прогонит, не даст узнать новости и насмотреться на пришельцев. Падре так и не притронулся к питью. Впившись пальцами в край стола и подавшись вперед, он слушал настоятельницу. Лицо священника покрывали безобразные красные пятна, губы тряслись от гнева. Казалось, это не только не смущает, но и забавляет мать Эсмеральду.

— ...ибо учит нас Иисус — возлюби врага своего, — проговорила она, и отец Хайме с шипением втянул в себя воздух. — А кто наш главный враг, как не сам дьявол? Кротостью своей и нежностью мы держим в узде Зверя...

Священник прикрыл глаза и обессиленно замотал головой. Даже Максу, который никогда не был силен в теологии, рассуждения настоятельницы показались странными. Священник же, похоже, сходил с ума.

— Откликаемся на зов и приходим в сердце трясины, чтобы отдаться возлюбленному... В сундуках библиотеки — история каждой женщины, услышавшей голос Чиморте, каждой, ощутившей его взгляд. Каждой, что служила или служит Господу, любовью своей удерживая в узде его древнего врага, на которого молятся язычники. В этих рассказах — живая история самого континента, ибо в их судьбах отражается судьба страны...

— Вы сами язычницы, — обрел наконец дар речи священник. — Еретички! Мои предки оправили бы вас на костер, каждую, от мала до велика...

— Бросьте, падре, — фамильярно вмешался Макс. Ему было не по себе, и от растерянности он вдруг ударился в развязность. — Пусть дамы развлекаются, зачем же сразу на костер? Они и так здесь вроде бы как в ссылке.

Священник бросил на него испепеляющий взгляд и ничего не ответил.

— А кстати! — оживленно обратился Макс к настоятельнице. Его несло, и он готов был молоть любую чепуху — лишь бы не смотреть на отца Хайме, трясущегося, как в лихорадке: Макс с детства не любил и побаивался фанатиков. — Откуда у вас такие молоденькие монашки? Неужели тоже пришли на зов? Я тут заметил одну — ей, кажется, и десяти нет... Да еще и беленькие все, как на подбор.

Настоятельница улыбнулась чуть ехидно.

— Святой Чиморте нуждается и в телесной любви, — сказала она.

У Макса отвисла челюсть. Монашка и мегатерий... нет, наверняка он что-то не так понял. Мать Эсмеральда заметила его метания. Она по-девичьи хихикнула и тут же зарделась, прикрывшись рукавом.

— Возжелав одну из своих невест, святой Чиморте выходит из трясины, обернувшись прекрасным юношей, чтобы сестра могла исполнить свой долг без ущерба для тела и разума, — объяснила она. — Иногда после его посещений сестра беременеет — это радость для всех нас, а ребенок — дар Божий... — Настоятельница улыбнулась, ласково кивнула юной монашке, и Макс мысленно хлопнул себя по лбу. Девушка родилась здесь, в монастыре. Или считает, что родилась, потому что монахини задурили голову подкидываю, чтобы укрепить легенду... Но откуда в глубине сельвы взяться такому голубоглазому младенцу? Макс запутался и плюнул, не пытаясь больше разобраться в местных хитро-сплетениях, а голос настоятельницы все журчал: — Ибо святой Чиморте чадолюбив, и дети прочнее привязывают его к месту...

— Хватит! — воскликнул священник и вскочил. — Вы прокляты, вы одержимы, и гнить вам в этих болотах во веки веков! Сеньор Морено, мы уходим. Мы покидаем эту дьявольскую обитель!

Настоятельница встала. Она была совершенно спокойна — будто они со священником только что обменялись замечаниями о погоде.

— Вам не откроют ворота ночью, — буднично сказала она. — Никто из сестер не захочет совершить грех.

— Грех! — взвизгнул падре, сжимая кулаки, но монахиня жестом остановила его.

— Вы погибнете, если отправитесь в путь, не дождавшись утра. Вам постелют в библиотеке. Кстати, святой отец, в сундуке, стоящем в дальнем правом углу, вы найдете документы, касающиеся вашего предка... того самого, что построил этот монастырь. Думаю, вам будет интересно...

Макс проснулся, разбуженный странными звуками. Голова с недосыпа была дурная: Макс долго ворочался, не в силах заснуть. Тяжелые мысли одолевали его. Кому мегатерий, а кому — святой Чиморте, кому — сам дьявол, а кому — древний бог, проигравший битву и потерявший власть... Слишком много, чтобы считать мегатерия просто животным, хоть и редчайшим. Слишком странно, чтобы взять и оставить привычные установки ученого, отбросить рациональность, заменить пристрастие к фактам на мистицизм. Макс задремывал, и во сне ему чудился взгляд мегатерия — и как он отступал, прикрываясь фотокамерой, как крестом, и сколько было в глазах зверя ярости, тоски, жажды... Безумия. Но ведь безумным может быть только тот, кто потерял разум, а не тот, у кого его никогда не было...

Макс приподнялся на локте и огляделся. Все оставалось по-прежнему, когда он устало вытянулся на жестком тюфяке, набитом кукурузными листьями. Пахло сыростью, креозотом, нагретым маслом в светильнике. Над Максом под сводчатым потолком клубилась тьма, и тьма подступала со всех сторон, исполосованная заставленными книгами полками. И посреди этой тьмы в маленькой лужице золотистого света, льющегося на заваленный бумагами стол, сидел отец Хайме. Сидел,

сгорбившись, закрыв лицо руками. Снова раздался странный звук, и тогда наконец Макс понял, что его разбудило: это были рыдания священника.

Мать Эсмеральда лично вышла проводить их.

— Ступайте по этой тропе, — сказала она, указывая на утоптанную дорожку, ведущую от ворот монастыря. — Дальше она будет хуже, какое-то время придется идти через болота, но там проставлены вешки, их трудно не заметить. Не задерживайтесь в пути и не вздумайте заночевать на полдороге. К вечеру вы придете в Ятаки, там вы будете в безопасности. Местные жители не тронут тех, кто идет со стороны нашего монастыря. Возможно, вы даже сможете пополнить запасы. Дальше... — мать Эсмеральда оборвала сама себя, пожала плечами. — Благослови вас Господь.

Ворота монастыря затворились, и путники снова остались один на один с сельвой.

— Выставили! — звенящим голосом воскликнул отец Хайме. — Еретички и богохульницы выставили нас из стен, построенных моими предками! Господь мой Иисус, как странен и несправедлив этот мир и как силен в нем враг человеческий!

— Это не богохульство? — с любопытством спросил Макс и тут же смущенно махнул рукой в ответ на ледяной взгляд священника. Напоминать о том, что вчера вечером отец Хайме сам рвался прочь из монастыря, он не стал. — Я так понимаю, это происки дьявола, — неуверенно проговорил Макс. — Извините, падре, я плохо разбираюсь в таких вещах.

— А в скотине вы разбираетесь? — сварливо спросил священник и в который раз ударил своего мула пятками. Тот дернул ухом и продолжал безмятежно дремать. Дальний путь

не манил его. Макс усмехнулся, свистнул, и мул недовольно зашагал по глинистой тропе, испещренной старыми следами копыт.

Макс ехал впереди, изредка рассеянно понукая своего мула. Густые заросли подступали к самой тропе, и управлять животным не было необходимости — мул размеренно шагал сам по себе, не пытаясь свернуть в сторону. Иногда местность понижалась, под ногами начинало хлюпать, и тропа растворялась, терялась среди подернутых ржавой пленкой луж. Тогда приходилось останавливаться и высматривать вешки — воткнутые в землю прутья, к которым кто-то привязал куски ткани. Почему-то большая часть этого тряпья явно была когда-то детской одеждой; Макс не собирался размышлять о том, почему именно для вешек выбрали такой материал. Постепенно он выпустил повод и погрузился в глубокую задумчивость.

Он понимал ярость и разочарование падре и сочувствовал ему, но теперь, когда появилось время поразмыслить, понял, что сам оказался в гораздо худшем положении. В конце концов, отцу Хайме было по большому счету все равно, где именно служить Богу. А вот у Макса бога не было; у него был только мегатерий, светлая мечта, дело всей жизни. За последние годы Макс Морено из восторженного юнца превратился в довольно грамотного палеозоолога; но целью его жизни была погоня за гигантским ленивцем. И вот теперь оказалось, что мегатерий — не просто палеонтологическое чудо, на котором Макс собирался построить блестящую карьеру; что вообще строить карьеру на таких основах — как-то... Страшно, честно признался себе Макс. Даже если вычистить из рассказов монахинь всю мистику... Макс покачал головой. Хорошо быть твердолобым материалистом. Однако жмуриться и делать

вид, что вещей, которые не лезут в картину мира, попросту не существует, — недостойно ученого и просто недостойно. Трусливо.

Макс все больше горбился в седле, поминутно вздыхал и теребил усы. Будущая жизнь казалась беспросветной чередой унылых дней, в которых уже не будет ни света, ни надежды, ни радости. Здравый смысл подсказывал, что мегатерия надо оставить в покое; погоня за зверобогом — это совсем не то, что добыча редкого экземпляра... Невозможно поймать и доставить в зоопарк воплощение самого дьявола. Невозможно писать в палеонтологические журналы статьи о древнем боге... Но если так — то чем Макс будет заниматься? Рядовым звероловом бродить по сельве, избегая области болот? До конца жизни снабжать рынок в Ла-Пасе хвостиками капибар? Черное отчаяние захлестывало Макса, и уже хотелось развернуться к вздыхающему за спиной падре и... Затеять ссору, думал Макс. Кровь у дель Карпио горячая, потомок аристократов долго терпеть оскорбления не станет. Дуэль. Останавливать их некому — кто-нибудь будет убит. И тогда либо Макс отомстит за то, что священник привел его в монастырь и лишил смысла жизни, либо этот смысл ему больше не понадобится.

Макс скрипел зубами, распаляя и взвинчивая себя; глаза застилали гневная пелена. Зверолов не сразу услышал тихий возглас священника, а когда услышал и поднял голову, то не поверил своим глазам.

Он просил света, и свет пришел. Чуть в стороне от тропы переливалось голубым муаром круглое пятно — странная мерцающая линза, висящая прямо в воздухе. Это было странно, волшебное, пугающее. Это был знак. Макс торопливо спешил и, не обращая внимания на предостерегающий возглас

священника, шагнул к линзе. Она дрожала и истаивала на глазах и, когда Макс подошел вплотную, мигнула и погасла вовсе, оставив после себя лишь слабый отпечаток на сетчатке глаз. Свет, который казался таким мягким, все-таки был ярким и обжигающим. Макс непроизвольно потупился, потер глаза и изумленно хмыкнул.

У него под ногами, чуть зарывшись уголком в палую листву, лежала книга. Темно-зеленая задняя обложка цветом и фактурой походила на шкуру ящерицы. На ней не было ни рисунков, ни надписей, лишь несколько цифр и буква в верхнем левом углу. Внутренне дрожа от напряженного ожидания, Макс подобрал книгу и осторожно перевернул лицевой стороной кверху.

Макс Морено, когда-то известный как Максим Моренков, уже десять лет не говорил и не читал по-русски. Ему пришлось сосредоточиться, чтобы разобрать надпись на обложке. Прочитанное будто ударило его под дых. Макс шумно втянул в себя воздух и сжал книгу так, что на обложке остались вмятины от пальцев.

— Я не знаю этого языка, — заметил отец Хайме, заглядывая ему через плечо.

— Это русский, — ответил Макс, переводя дух.

— Удивительно! Откуда здесь русская книга?!

Макс бешено покосился на священника и снова прочитал название, дабы убедиться, что смысл не почудился ему с отчаяния. Нет, все верно: «Охотники за динозаврами». Охотники за динозаврами! Значит, он все-таки был прав, когда выбирал себе судьбу, и мегатерий был всего лишь предтечей. А может, и нет; может, стоит забыть все, что он узнал в монастыре, и продолжить охоту... Макс был уверен, что поймет это, когда прочтет книгу.

Восторг человека, которому явлен знак, поутих, и в Максе снова проснулся здравый смысл. Книга была старая, но выглядела аккуратной и свежей — она явно пролежала на земле не больше пары часов; сельва еще не успела оставить на ней следы тлена. Возможно, тот, кто ее потерял или бросил нарочно, все еще находился где-то рядом. У зверолова хватало ума понять, что тот, кто оставляет знаки потерявшимся путникам, не обязательно должен быть их другом — он может вообще не знать, что оставил знак, это дело только Макса и его судьбы. О силах, зажегших волшебный переливчатый свет, Макс после бесед в монастыре и вовсе старался не думать. На всякий случай он снял с плеча ружье. Свежих отпечатков ног, правда, не было видно, и сельва выглядела пустой и неподвижной, лишь качалась на кусте ветка, потревоженная вспорхнувшей птицей.

Кто бы ни бросил здесь книгу — он уже далеко. Не заметив ничего подозрительного, Макс убрал карабин и принялся рассматривать находку. На обложке — только название, фамилия автора и условный силуэт тираннозавра. Макс открыл книгу посередине, наугад прочел короткий абзац — скорее не за тем, чтобы понять, о чем речь, а чтобы убедиться в том, что все еще способен читать на русском. Язык детства вызвал острый приступ сентиментальности; почувствовав выступившие на глазах слезы, Макс поспешно захлопнул книгу и убрал ее во вьюк.

Только теперь он вспомнил о падре. Отец Хайме покачивал головой, неодобрительно поджав губы; ему явно не нравилась находка, но Макс уже было наплевать на мнение священника.

— Видимо, ваш Господь все-таки существует, — весело сказал он.

— Не так уж просто выбраться из сетей дьявола, — ответил падре. — Я вижу, вы счастливы сейчас; но как знать, что это не новая ловушка?

— Бросьте, святой отец, — поморщился Макс. — В конце концов, я из-за вас лишился работы, так не отбирайте у меня шанс на новую.

Отец Хайме пожал плечами.

— Мы потеряли много времени, — сказал он, — а настоятельница предупреждала, что мы должны добраться в поселок до темноты.

— А вот тут вы правы, — охотно согласился Макс и вскочил на мула.

ГЛАВА 7

БОЙ В ЯТАКИ

Ятаки, Боливия, ноябрь 2010 года

Едва взглянув на вошедшего в хижину Ильича, Сергей молча подлил горячей воды в мате и протянул ему калебасу. Шаман жадно присосался к бомбиле; заговорил он только после того, как со скворчанием втянул остатки горькой жидкости.

— У этого вашего Уверы, похоже, нервное истощение, как говорят врачи, — сказал он. — И, кажется, душевное расстройство, вызванное тяжелым горем. Мне удалось его успокоить и уложить в школе, теперь проспит часов двенадцать, не меньше.

— Это не мой Увера, — слабо проговорил Макс. Старик лежал, закутавшись во все тряпье, что нашлось под рукой. Сердечный приступ прошел, сердце билось ровно, но Макс все еще чувствовал отвратительную, пугающую слабость. — И вообще, чем бросаться художественными диагнозами...

— Я шаман, а не психиатр, — ворчливо перебил его Ильич.

— А послушать — так чертов доктор из дурдома! Какое мне дело до его нервов! Ты мне объясни, как он сюда попал?

Я, если заметил, превратился в дряхлого старикана, а этот бандит — по-прежнему здоровый мужик, ему и тридцати нет! Что здесь, черт возьми, творится?!

— Может, не тот? — вмешался Сергей. — Может, просто похож? Или внук, например?

Макс бешено покосился на художника и вновь брюзгливо обратился к шаману:

— В той же одежде и, черти б его взяли, с моим карабином! А если порыться в шмотках — так и моя калемаса найдется, я уверен...

— И конь? — спросил Ильич.

— Нет, конь другой... У него два старых мерина было, неприметных таких, рыжий и гнедой, а этот пегий, и глаза дурные.

— Говорю же, просто похож, — снова сказал Сергей. — Ну сами подумайте, Макс...

Шаман покачал головой и прислушался. С улицы донесся какой-то невнятный шум — кажется, тарахтел, приближаясь, лодочный мотор.

— Вообще-то может быть и тот, — сказал он. — Если моя теория верна — то запросто может быть он. Но я не успел ее проверить.

— Что за теория? — опешил Сергей, а Макс хихикнул.

— Веерная структура реальности. Подробности ты все равно не поймешь, надо хорошо знать физику.

От возмущения Сергей на секунду потерял дар речи.

— Вообще-то я по образованию — технарь, — проговорил он наконец. — Физику знаю уж получше вашего, извините.

Макс расхохотался, откинувшись на подушки, и Ильич вяло улыбнулся в ответ. Склонив голову набок, он внимательно вслушивался в какие-то звуки. Сергей напряг слух.

Откуда-то — видимо, с деревенской площади — доносилось множество голосов, возбужденно перебивающих друг друга. Делят выручку за коку, равнодушно подумал Сергей; или кому-то удалось подстрелить пекари, и теперь это событие обсуждают всем поселком.

— Как-то слишком оживленно сегодня в Ятаки... — проговорил Ильич, но Макс не обратил внимания на его слова.

— Вообще-то нашего шамана поперли из аспирантуры за слишком бурное воображение, — сказал старик, отсмеявшись. — Извини, сынок... Так что там с твоими веерами, Ильич?

— Ну, отдельные части веера могут быть сдвинуты относительно друг друга, верно? В том числе и по оси времени. И теоретически возможны переходы между ними. А на практике... — шаман пожал плечами. — Тебя в детстве пугали серыми демонами?

Макс сморщился и кивнул.

— В детстве! — мрачно проговорил он. — Я этих серых демонов... — он побледнел и прикрыл глаза. Ильич кивнул.

— А помнишь, для чего они вообще?

— Чтобы дети были послушными и не убегали далеко от дома, а то можно зайти в места, из которых нельзя вернуться.

— Именно. Что же за места такие? Почему бы не предположить, что речь идет о переходах?

— Ну вы даете, — проговорил Сергей. — Так что, выходит, Хосе Увера у нас — путешественник во времени?

— Мы можем это предположить, — уточнил шаман.

— Так почему ваши демоны его не... того?.. Или они только для детей?

Макс снова болезненно скривился от воспоминаний.

— Они воздействуют чем-то вроде гипноза, а Увера — псих, — сказал он. — Не проняло, видимо.

— Похоже, у нас не только Увера псих... — мрачно проговорил Сергей. Закончить он не успел: занавесь, прикрывающая вход в хижину, отлетела в сторону, и на пороге показалась тощая фигура в дредах и куче браслетов на костлявых запястьях. Сергей прищурился, пытаясь рассмотреть гостя против света, и хлопнул себя по колену.

— А вот и еще один! — рявкнул он. — Дурдом, выездная сессия!

Явление сисадмина-параноика из интернет-клуба Сирила Ли доконало его. Он-то что здесь делает? Принес весточку от хозяина с указаниями, что Сергею делать дальше?

— Осталось дожидаться вашей внучки и моего древнего приятеля, который говорит, что гринго падают с неба, и будет полный комплект, — озверело процедил Сергей.

— Вот вы тут острите, а там ЦРУ... — заговорил Бу, близоруко щурясь в полумраке хижины. — А, сеньор Чакруна! — обрадовался он, разглядев шамана. — Вот вас-то я и искал!

Было видно, что Бу взвинчен до крайности. Глаза его беспокойно бегали с Ильича на Макса, руки тряслись, и даже челюсть, кажется, слегка подергивалась. Бледное лицо пересекала длинная царапина, драные джинсы покрывали лепешки тины, а из копны дредов торчали обломки веток и трава.

— Я же говорил, говорил, а никто мне не верил, — захлебывался Бу. — Мистер Ли, вот так! А я подозревал! А теперь они идут сюда...

— Погоди, — прервал бессвязный поток слов шаман, — кто идет?

— Рейнджеры! И с ними этот, неприметный такой, опять забыл, как зовут... Ну, такой, увидел и забыл, ну?

— Алекс? — озадаченно проговорил Сергей. — Алекс Сорокин?!

— Точно, Алекс! Я проверял... — тут Бу слегка замялся и покраснел, — проверял, в общем, одну штуковину. Ну, хакерскую штуковину. Ну, не важно. И тут слышу — на мистера Ли орут, что, типа, троих потеряли убитыми, и надо идти в Ятаки за девкой, и пусть он пришлет взвод... они вот-вот здесь будут, но я успел всех предупредить. Что за девка? — прервал сам себя Бу, не замечая, как окаменело лицо шамана, как вскочил на ноги встревоженный Сергей. — Я так думаю, они это про коку, правильно? Это шифр такой? Я местным так и сказал.

— Местным?! — заорал Ильич. — Ты что, идиот, стравил индейцев с рейнджерами?

— Они свободные люди, и если хотят растить коку, то ЦРУ нечего в это лезть, — с наигранной задиристостью ответил Бу и отвел глаза. — А что, пусть их всех в тюрьму?

Ильич отшвырнул Бу с дороги и бросился к выходу

— Придурок, — прохрипел Макс.

— Я же говорил, что Камири набит агентами ЦРУ, а мне не верили, — обиженно ответил Бу. — Еще и мистер Ли... а я ему защищенный канал делал, чтоб он мог спокойно разговаривать со своим дядей Феликсом...

Макс, не слушая его, морщась и кряхтя, выбирался из-под своих тряпок. Сергей протянул руку, помог старику подняться, и они вместе вышли на улицу. За спиной обиженно сопел Бу.

— Черт возьми, — прошептал Макс.

Сергей проследил за его взглядом и замер. На пороге соседней хижины сидел пожилой индеец в набедренной повязке. Рядом с ним рассыпался по циновке пучок коротких стрел с наконечниками из шипов какого-то растения. В руке индеец сжимал толстую, лоснящуюся жабу с влажной пупырчатой спиной. На глазах у Сергея индеец провел наконечником

стрелы по жабьей спине — острие заблестело, смоченное какой-то отвратительной слизью. Индеец убрал стрелу к остальным и вдруг поднес жабу к лицу, далеко высунул язык и медленно провел им по бородавчатой коже. Жаба задержала лапами и широко разинула бледную пасть. Сергея затошнило, и он торопливо зажал рот. Глаза индейца немедленно потеряли глубину и заблестели, как две стекляшки. Взяв следующую стрелу, он медленно обмакнул ее в слизь, коротко взглянул на художника и широко, пьяно ухмыльнулся.

— Ильич сможет остановить их? — тихо спросил Сергей. Макс пожал плечами. Лицо у него было серое.

— Господи, — проговорил он, — сначала Хосе, теперь это... Казалось, они уже забыли... у них, в конце концов, есть ножи и ружья, и они больше не считают белых демонами, но все это — пока белые не покушаются на их территорию и на их плантации коки... хитрости они не видят, но стоит только... — голос Макса задрожал, и он осекся. Сергей тревожно подхватил старика под локоть, но тот нетерпеливо выдернул руку. — Нечего, я не инвалид. — проскрипел он. — Их же всех перебьют!

Индеец снова лизнул жабу, и Сергей торопливо отвел глаза. Он вдруг понял, что в поселке стоит звенящая тишина. Ятаки будто вымер. Сергей едва не подпрыгнул, услышав громкий шорох. Обернулся — две черные курицы рылись в пыли, шаркая когтистыми лапами. Они казались единственными живыми существами вокруг — нализавшийся жабьего яда индеец уже впал в подобие транса и походил на коряво вырезанную деревянную статую, потемневшую от времени.

— Перехватим их? — предложил Сергей, невольно понижая голос. — Я так понял, они ищут Юльку. Объясним, что ее здесь нет, а дальше...

— Интересно, почему они так думают, — беспокойно прервал его Макс. — Выходит, она пропала...

Макса перекосило, и Сергей с испугом заметил в глазах старика слезы.

— Может, сбежала? — предположил художник. Макс торопливо вытер глаза и постучал пальцем по лбу. — Э, сеньор Морено, вы не знаете своей внучки. Эта девица способна на все.

— Вот как? — проговорил Макс и вдруг приосанился. — Не рассказывайте мне о моей внучке, я и так знаю, что она у меня молодчина.

Сергей сдержал улыбку и кивнул с самым серьезным видом. Макс Морено никогда в жизни не видел своей внучки, но был уверен, что она самая лучшая, и художник не собирался его разочаровывать.

— Пойдем к реке, — сказал Макс, и тут за спиной тихо кашлянул забытый всеми Бу.

— А они не по реке, — сказал он и дернул подбородком, показывая на небо. Только теперь Сергей осознал, что тишина над Ятаки исчезла, заполненная далеким гулом. Он задрал голову. Гул все нарастал, и вскоре из-за крон появился вертолет.

— На площадь! — воскликнул Макс. — Больше здесь приземляться негде.

Сергей с Максом наблюдали за посадкой, укрывшись за углом школы, в которой когда-то преподавал бедняга Дитер. «Где же все? — с беспокойством думал Сергей. — Попрытались по домам? Сидят в засаде, готовые осыпать рейнджеров градом стрел, как только те выйдут из вертолета? Разбежались по сельве, растворились в ней, невидимые, неуловимые, смертельно опасные?» Хорошо бы так — тогда Сергей успеет заговорить с американцами, и боя не случится.

Художник выпрямился и шагнул на площадь навстречу выпрыгивающим из вертолета рейнджерам. Ветер, поднятый винтами, сбивал его с ног; рев моторов оглушал настолько, что казалось, весь мир размалывается в этом грохоте. Острый запах топлива шибанул в нос, еще более оглушая, притупляя все чувства. В последний момент Макс заорал и попытался схватить Сергея за рукав, остановить его, но художник ничего не услышал и не почувствовал. Рука старика соскользнула, и Сергей вышел на площадь. Задохнувшись от гнева, он вдруг узнал невзрачного покупателя «Каркаса-Майами». Рука непроизвольно сжалась в кулак — больше всего на свете хотелось сейчас заехать в челюсть, вломить по этому невыразительному, незапоминающемуся лицу, но Сергей, скрипя зубами, удержал себя.

— Юльки здесь нет! — проорал он. Алекс приложил руку к уху и подался вперед; по его лицу бродила глумливая улыбочка. — Юльки здесь...

Что-то скользнуло по руке Сергея; он скосил глаза и с каким-то тупым изумлением увидел, что рукав футболки порван и края дыры потемнели, будто мокрые. Он провел рукой по плечу — боли не было. Бесцветная жидкость, смочившая рукав, была скользкая и густая. Сергей вспомнил жабу и на мгновение зажмурился от ужаса и отвращения, а когда открыл глаза — один из рейнджеров уже лежал, на его губах выступила пена, а из-под подбородка торчала короткая тоненькая стрела.

Сергей понял, что сейчас произойдет, и бросился на землю. Казалось, ничто не может быть громче, чем рев вертолета, однако грохот автоматной очереди над головой заглушил его. Сам не понимая, что делает, Сергей поднес ладонь к лицу и медленно слизнул с пальцев жабью слизь. Она напомнила

ему зеленые помидоры — отвратительный, неуловимый, но навязчивый привкус, от которого невозможно избавиться.

Следующие часы его память сохранила лишь урывками.

Отец Хайме протягивает перед собой крест и слепо идет на рейнджеров. Сергей видит поры на могучем сизом носу, микроскопические трещинки, покрывающие распятие, кривые пожелтевшие зубы в напряженно оскаленном рту. Ветер треплет жидкие седые волосы, бьются вокруг опухших лодыжек полы сутаны. Отец Хайме идет на рейнджеров, как на самого дьявола, бесстрашно и обреченно, и Сергей понимает, что Ильич прав, путешествия во времени возможны, и он сам — такой путешественник, средневековая ярость, средневековая вера, средневековая дикость и готовность убивать ни за что... Священник падает, будто подрубленный, ключья сутаны разлетаются, открывая дряблую, бледную, окровавленную плоть. Из горла Сергея рвется хриплый вой.

В руках у него автомат — почему-то он очень горячий, почти обжигает ладони. Ярость захлестывает разум. Сергей готов стрелять в безликую фигуру в камуфляже, но тут размытое лицо фокусируется, и Сергей узнает блондина, который приезжал в Ятаки за кокой. Он растерянно опускает ствол, не понимая, друг перед ним или враг, вообще не понимая, кто друг и кто враг. Но тут автомат со страшной силой выдирают у его из рук, сдирая кожу, выламывая запястья... кулак Сергея врежется в чьи-то зубы; смутно ноют костяшки пальцев.

«Где она? — страшно орет Алекс и трясет Сергея за плечи так, что голова у того безвольно мотается. — Где девчонка?» Художник мимолетно удивляется, вновь обнаружив, что незаметный и невзрачный Сорокин одного с ним роста. За спиной агента стоит Увера, лицо у него сонное и растерянное, но губа уже приподнимается в хищной улыбке. Сергей

улыбается в ответ и заносит кулак. Но тут что-то с хрустом врезается в лоб Алекса, и тот падает.

Бу дико визжит; его маленькое мышинное личико перекошено злобой, в руке — горсть камней. Округлая галька летит в лицо рейнджера, спешащего на помощь начальнику; черные очки покрываются белесой сеткой трещин. «Как мне надоел этот параноик», — цедит встающий на ноги Алекс. Сергей собирался нарисовать портрет Бу, но теперь не сможет сделать этого: по лицу мальчишки расплывается красная клякса, стирает черты; промокший картон расплзается, ускользает из рук...

...Лицо индейца, того самого, что готовил стрелы, а может, другого, а может, они все сидели каждый в своей хижине и обмакивали шипы-наконечники в жабую слизь. Индеец медленно подносит к губам трубку; на его лице нет ни гнева, ни злобы, лишь печаль. Сергей смотрит в черное отверстие трубки и понимает, что там смерть, что произошла какая-то страшная ошибка, что он — враг любому из жителей Ятаки, но тут откуда-то появляется Ильич, и смерть проходит мимо.

Свинец против яда, магия против техники, порядок против хаоса, непроницаемая тьма против слепящего света, кровь, смерть, смерть. У Сергея нет своей стороны, он враг и рейнджерам, и индейцам, он не над схваткой — он под ней. «Считай меня коммунистом!» — орет Сергей и дико хохочет, раздавая удары, ломая чьи-то носы и выворачивая челюсти — белые, черные, медные.

— Мистер! Эй, мистер! — кричит Хосе и прыгает в вертолет. Один из рейнджеров хватается за плечо и уже собирается выкинуть, но Орнитолог жестом останавливает его. — Я знаю, где искать девчонку, мистер! — орет Хосе в лицо Алексу Сорокину. Тот кивает, машет пилоту, и вертолет

начинает медленно подниматься. Сергей хочет бежать за ним, хочет остановить, схватить за хвост и удержать, но ноги не слушаются его. Он спотыкается о тело блондина в камуфляже, падает, но продолжает ползти за ускользающим за кроны вертолетом; круги винтов расплываются и заслоняют весь мир.

Отец Хайме и Бу лежали рядом, укрытые одним одеялом, — рыхлое, будто слабо набитый мешок, тело падре и изломанное, еще более тощее, чем при жизни, — сисадмина. Из-за стен доносился женский вой и тянуло сладковатым дымом. Во рту все еще ощущался отвратительный привкус зеленых помидоров. Сергей взглянул на почерневшее лицо отца Хайме, уже покрывшееся трупными пятнами, и торопливо отвернулся к ожидающему шаману.

— Малолетний дурак... — проговорил он. Горло перехватило.

Ильич отвел глаза, и Сергею стало страшно.

— В чем дело? — громко спросил он.

— Понимаешь, дело же не в Бу, — извиняющимся тоном проговорил Макс. — В деревню приходит чужак; чужак видит, как грузят коку; потом в деревню приходят рейнджеры — но в чужака не стреляют и вообще хотят с ним поговорить... Понимаешь?

— Да, — деревянным голосом проговорил Сергей. Стычка с рейнджерами вдруг предстала в совершенно новом свете. Действительно, что должны были подумать индейцы, понятия не имеющие о проблемах, приведших художника в Ятаки?

— Так что тебе придется отсюда уйти, — осторожно проговорил Ильич. — И нам тоже. Отпустят, — ответил он на невысказанный вопрос. — Я, кажется, смог убедить их... ненадолго.

— Сколько? — проговорил Сергей, кивнув на дверь.

— Четверо, не считая падре и Бу, — ответил шаман. — И еще трое ранены.

Сергей снова взглянул на тело падре.

— Его-то за что...

— Чтоб не мешал, — ответил Макс. — Чтоб не оставлять вызывающего доверие свидетеля. Случайно попал под пулю. Кто теперь разберет...

— Ладно, — медленно проговорил Сергей. Горло болело, будто его сжимала невидимая рука. — Так что там мне надо сделать? — спросил он Ильича. — Надеть берет, отрастить бороду и выпустить зверушку погулять? Муй буэн.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — ответил шаман. — Мне не нравится цена, но я рад, что ты наконец с нами.

— Так вы по-прежнему не знаете, что делать? — растерялся Сергей. Макс пожал плечами, а Ильич вдруг задумчиво нахмурился.

— Пожалуй, у меня есть какие-то смутные идеи, — сказал он. — Меня навел на них Увера. Но пока мы не найдем сеньориту Хулию, все это бесполезно. Нам нужен Броненосец...

— А я знаю, где она, — неожиданно сказал Макс. — Мы знаем, что гринго ее потеряли, так? И что в Ятаки она не пришла. И что Хосе ее видел...

Ильич издал неопределенный звук и нахмурился.

— Для сеньориты Морено было бы лучше, если б она была у американцев, — мрачно проговорил он.

— Но она хотя бы жива, правильно? — спросил Сергей, но Ильич лишь пожал плечами.

По стенам хижины метались отсветы большого огня, и Сергей вдруг с тоской понял, что это горит погребальный костер. В запахе дыма сразу почудился привкус горелого мяса.

Шесть человек погибло ни за что. Если святой Чиморте належет на работа — кто победит? А как бы тебе хотелось? Как, почему хаос и тьма оказываются добрее порядка и света? Сергей вспомнил озарение, случившееся с ним в бою, — что он третий, ни с теми и ни с другими, одна из вершин треугольника, а не точка на прямой. Где-то здесь крылась разгадка, ответ на вопрос, что делать, но мысль ускользнула, и возбуждение драки сменилось свинцовой, мучительной усталостью и тоской.

— Вы сможете похоронить отца Хайме и Бу как христиан? — прервал поток его мыслей шаман.

— Я могу прочесть «Отче наш», — ответил Макс. — На русском, правда, но Ему же все равно, правда? Только я не уверен, что помню все... Последний раз я читал ее на похоронах Беляева. И потом еще однажды... но тогда меня прервали. Так что — мог забыть...

— Я подскажу, — прошептал Сергей.

База ЦРУ в дельте Паранети, Боливия, в то же время

Орнитолог с отвращением смотрел на странного мужика, который в последний момент вперся в вертолет. Хосе Увера явно был совершенный псих, и Алекс хотел поначалу выкинуть его вон, но передумал: уж очень интересен оказался бред этого сумасшедшего. Главное было не давать ему отвлекаться от нужных Орнитологу тем. А отвлекался псих каждые две минуты. Вот и сейчас он ковырялся ложкой прямо в банке со сгущенкой и, то заливаясь счастливым смехом, то пуская слезу, рассказывал, как его младший брат Диего, умница, каких мало, выменивал у гринго с нефтяной вышки сгущенку

на мясо броненосцев, а те думали, что это оленина. Толку от этого путанного и невнятного рассказа было ноль, но псих не собирался останавливаться и уже заходил на третий круг.

— Так вот, он сказал, что оленина, а те и поверили. А этот мальчишка из Асунсьона, что навязался с нами идти к башне, устроил истерику. Он мне никогда не нравился. Вы же убили его? — беспокойно спросил Хосе, оставив наконец историю об обмене. — Был пацан, стал старик, но я его узнал, я его узнал! Хотел забрать у него одну вещь, но не успел, шаман усыпил меня. Так вы пристрелили его? Он плохой человек, убил моих братьев... Так что, вы отведете меня к башне? У вас же автоматы, серые демоны наверняка боятся автоматов... А я скажу, где девчонка.

— Она жива? — спросил Алекс наугад.

— Может, жива, может, нет. Я не присматривался. Не подходил.

— И даже не знаешь, во что она была одета? Почему ты тогда решил, что эта та, которая нам нужна?

Лицо Хосе сложилось в хитрую гримасу.

— А что, вам нужна другая? Одна девка валяется в сельве, другую ищут такие серьезные гринго. Я думаю, это одна и та же девка.

— Ладно, — проговорил Алекс. — Но мне нужно убедиться. Ты запомнил какие-нибудь приметы? Во что она была одета, например?

— Одетая... — Хосе нахмурился. — В штаны какие-то... я сначала думал — пацан валяется, присмотрелся — нет, все-таки девка...

— Штаны, — поощрительно кивнул Алекс. — А еще? Может, на ней какие-нибудь украшения? Например, на шее? Украшение из серебристого металла? Не заметил?

Хосе отложил ложку и потрясенно уставился на Алекса. Щетинистый подбородок последнего Увера был вымазан сгущенкой, красные от усталости глаза слезились, и выглядел он жалко, но Алекс вдруг почувствовал исходящую от него опасность.

— Ну хорошо, — поспешно проговорил он, — это не важно. Я верю, что это та самая девчонка — действительно, откуда здесь взяться другой? Ты проводишь меня и моих друзей туда, где видел ее в последний раз?

— Что за украшение? — спросил Увера.

— Ну, девушки обычно носят украшения, — небрежно ответил Алекс, — вот я и подумал...

— Что за украшение? — взвизгнул Хосе. — Серебристое украшение? Украшение в виде броненосца?!

«Чертов псих, — устало подумал Алекс и на мгновение прикрыл глаза. — А он-то откуда знает о Броненосце? И откуда вообще взялся?»

Увера тем временем поднялся из-за стола и теперь стоял, пригнувшись, будто готовясь к прыжку.

— Эта девка украла моего Броненосца? — дрожащим голосом спросил он.

— Может быть, — торопливо согласился Алекс. — Именно поэтому мы хотим ее найти. Потому что она ворует всякие вещи.

— Я помогу вам, — важно кивнул Хосе. — И мне надо Броненосца и в башню — потом, когда я верну братьев. У вас есть еще сгущенка?

Алекс вздохнул и поставил на стол еще одну банку.

ГЛАВА 8

ОХОТНИК ЗА ДИНОЗАВРАМИ

Ятаки, Боливия, апрель 1964 года

Они достигли поселка в сумерках. Постепенно джунгли сменились хаотическими зарослями на месте старых вырубок; замелькали по обочинам банановые деревья, сельва уступила место обработанной земле, и вот уже впереди показались первые хижины — простейшие сооружения из тростника и листьев, чуть приподнятые над землей — чтобы в дом не забирались животные. Дверные проемы прикрывали полосатые занавеси, плетенные из грубого волокна. Хижины располагались полукругом, обращенным к большой реке; Макс с радостью понял, что это Парапети. На вытоптанной площадке перед хижинами горел костер, вокруг которого и собрались жители поселка.

Это были те из лесных индейцев, которые не захотели отстаивать образ жизни своих предков с помощью смазанных ядом стрел. Они по-прежнему относились к пришельцам агрессивно и настороженно, но по крайней мере не считали их злыми духами, пришедшими из Нижнего Мира. Несколько выдолбленных из цельных стволов каноэ, вытасненных на

берег, наводили на мысль о том, что у жителей поселка есть связь с более цивилизованными деревнями выше по течению. Некоторые из индейцев снизошли даже до того, чтобы пользоваться невесть кем завезенными ножами и посудой. В общем, Ятаки, каким его впервые увидел Макс, был пограничьем, форпостом между древней индейской тьмой сельвы и холодным светом европейского разума.

Пока они проезжали мимо хижин, отец Хайме нетерпеливо вертел головой, высматривая что-то; по мере того как путники продвигались к реке, священник выглядел все более разочарованным и растерянным. Он что-то бормотал под нос; до Макса доносились обрывки молитв, вздохи, и в конце концов падре не выдержал.

— В этом селении нет церкви, — сказал он.

— Ничего странного, — удивленно ответил Макс, — это же индейское селение.

Он хотел добавить, что у них — свои боги, но подумал, что после посещения монастыря это стало скользкой темой, и промолчал. Но священник не унимался.

— В это селение уже пришла цивилизация, — сказал он. — Но первым делом принесла ножи и сковородки! Материальный мусор вместо Слова Божия. Это неверно, и это должно исправить.

— Только не сейчас, — проговорил Макс. Дети и женщины незаметно исчезли куда-то, и сейчас напротив путников стояли только мужчины — низкорослые, но крепкие и хорошо вооруженные.

— А мать Эсмеральда говорила, что здесь мы будем в безопасности, — с горькой иронией прошептал Макс.

Однако он зря усомнился в правоте настоятельницы. Старший из мужчин добродушно ухмыльнулся, обнажив

почти беззубые десны, и приглашающее махнул рукой в сторону костра. Ловя на себе любопытные взгляды, Макс присел в говорливый круг и с благодарностью принял протянутую кем-то плошку с варевом из юкки.

Воспоминания о юношеских мечтах охватили его, окатив жгучей смесью любви, стыда и горечи потери. И десяти лет не прошло с тех пор, как Макс фантазировал: вот он возвращается из экспедиции и выкладывает на стол генерала Беляева мирный договор с лесными индейцами и первые наброски словаря... Меньше десяти лет назад, а кажется, что прошло полвека. Когда-то он вез им бусы и ножи. И вот — у них есть и ножи, и бусы, но подарил их не Макс. Он не застал генерала в живых, и с тех пор, кажется, ничего в жизни Макса не приносило ему искренней радости. И вот сейчас он сидит с лесными людьми, которых когда-то так боялись гуарани. Сидит с когда-то не знавшими пощады пожирателями человечины, ест запеченную в банановых листьях рыбу и слушает разговор на неизвестном языке — шелкающие, щебечущие, свистящие звуки, будто Макс оказался вдруг в гигантском птичьем гнезде. Расспрашивай, записывай, создавай основу для словаря... Но зачем это Макс, если генерала нет в живых? Он не привез Беляеву ни мегатерия, ни словаря, ни мирного договора. И даже фигурку Броненосца, что сама пришла ему в руки, не успел довести...

Макс очень давно не вспоминал о Броненосце. Фигурка уже несколько лет лежала у него в потайном кармане, тщательно обернутая в несколько носовых платков. Когда-то он носил ее на цепочке — и от этого глаза странно меняли цвет. Иногда Макса посещали удивительные видения — стоило только сосредоточиться и покрепче сжать фигурку в руке. Когда-то Макс делал это часто — и раз за разом видел, как

возвращается к Беляеву победителем и тот называет его сыном... Кажется, именно тогда попытки найти мегатерия стали совсем вялыми; именно тогда Макс практически порвал отношения с владельцами зверинцев и принялся поставлять ингредиенты зелий на рынок в Ла-Пасе. Он понимал, что происходит что-то неладное. Взгляд его разноцветных глаз становился все более рассеянным, и все чаще, глядя в зеркало, он вспоминал старого индейца, который был так одинок, что вынужден был сам плести себе погребальный покров. Он помнил слова Кавимы о том, что Броненосец — злая вещь и не всякому по силам, но не мог перестать носить предмет, как пьяница не может перестать покупать спиртное.

Иногда он встречал людей, которые, заметив его разноцветные глаза, вдруг принимались смотреть пристально и настойчиво, будто у них с Максом была какая-то общая тайна. За несколько лет это произошло три или четыре раза, и каждый раз — в Санта-Круссе или Ла-Пасе, больших городах, полных самых странных людей со всего мира. Один раз это был пожилой немецкий плантатор — у него тоже оказались разноцветные глаза, и он по-свойски подмигнул Максу, когда встретился с ним взглядом. Другой раз — красивая белокурая женщина со злым лицом, которая уставилась на Макса так настойчиво и алчно, что он, почти испугавшись, попросту сбежал, затерявшись на людных кривых улочках.

...Это случилось в Ла-Пасе. В тот год он решил, что не станет больше связываться с перекупщиками и будет сам отвозить добычу в высокогорный Ла-Пас. Обвешанный вонючими мешками с частями тел несчастных животных, он пробирался через шумную рыночную толпу. Шершавый разреженный воздух обдирал легкие, перед глазами плыли багровые круги, и дико раскалывалась голова — Макс с непривычки

испытывал все муки горной болезни. Дым очагов, на которых жарили кукурузу с сыром, разъедал горло. Макс едва держался на ногах и чуть не упал, когда в его плечо впились морщинистые пальцы, похожие на птичьи когти. Старуха-торговка эфедрой потащила его за руку, и Макс сам не понял, как оказался в полутемном шатре, разбитом за прилавком.

Горячий отвар листьев коки, поданный старухой, немного привел его в себя: отпустила головная боль, и затих надоедливый звон в ушах. Макс почувствовал себя достаточно хорошо для того, чтобы спросить, зачем он понадобился торговке. Он уже успел обрадоваться, понадеявшись продать часть содержимого своих мешков, но тут старуха заговорила, и перед глазами Макса снова поплыли багровые круги.

Торговка эфедрой говорила о волшебных предметах. О какой-то башне дьявола говорила она и о серых демонах, хранящих подмирные тропы, о злых чудесах, которые овладевают людьми — а те самонадеянно считают, что сами управляют ими. Макс слушал и вспоминал братьев Увера, которые так стремились к башне, что пришли в итоге к смерти. Головная боль помешала ему запомнить все, о чем говорила старуха, — да и смесь испанского с аймара понимать было трудно. Но у Макса навсегда осталось ощущение чего-то огромного и опасного, не предназначенного для людей, бесчеловечно-совершенного и ледяного, как ночное небо высоко в горах...

После этого он снял с шеи Броненосца и навсегда похоронил его во внутреннем кармане, в саване из нескольких клетчатых платков. Максим Моренков — не генерал Беляев, не Алебук, Белый Отец, решил он. Не настолько Макс силен духом, чтобы связываться с волшебством...

И не настолько силен, чтобы продолжать дело генерала, как оказалось. Макс очнулся от воспоминаний. Он

по-прежнему сидел в кругу индейцев, безучастный и отсутствующий, и не ощущал в себе ни тени любопытства, ни намека на желание узнать их язык, их жизнь, их веру. А вот пад-ре времени не терял. Его, правда, тоже не интересовала вера индейцев; ему надо было утвердить свою. Он не мог говорить с жителями поселка, но жестикулировать и показывать ему ничто не мешало. Полированная слоновая кость распятия блестела в свете костра, и от оранжевых бликов казалось, что это не статуэтка — а реальный, бесконечно далекий Иисус, распятый, но еще живой. Кто-то из индейцев уже повторял слова латинской молитвы — получалось с присвистом и щелканьем, но похоже...

То, что делал отец Хайме, было, на взгляд Макса, нечестно, — все равно что заставить детей учить наизусть стихи, смысла которых они не способны еще понять. Он хотел уже остановить священника, но тут вспомнил парагвайских индейцев, читающих «Отче наш» над телом генерала Беляева. Почувствовав приступ сильнейшего отвращения, Макс вытащил из рюкзака фонарь и найденную книгу и тихо отошел от костра.

Он полюбовался на силуэт древнего ящера, такой неуклюжий и изящный одновременно. Макс никогда не задумывался, чем так привлекают его вымершие звери, зачем ему нужно искать и доказывать, что они еще существуют. Чудился ему в этом какой-то протест против конечности жизни, бунт против измельчания, желание вернуть реальности масштабность... Некстати вспомнилось, что Беляев его увлечения никогда особо не одобрял — догадывался, что воспитанник ищет не там? Макс раздраженно пожал плечами. Наверное, это книга станет шансом вернуть себе течение судьбы, прерванное смертью генерала. Казалось, более явного знака, чем

название, не могло быть, но Макс убедился, что это не так, стоило только открыть книгу.

Первая же повесть потрясла его. Это было добротное приключенческое чтиво сродни тому, что он так любил в детстве, — с отважными учеными, благородными туземцами и злобными дельцами. На мгновение Макс показалось, что ему снова десять лет. Он сидит на чистом дощатом полу в доме генерала и жадно глотает, не в силах оторваться, страницу за страницей очередной том Жюль Верна... Ерзая от нетерпения, Макс торопливо дочитывал повесть об экспедиции в Конго, о том, как горстка людей отправилась на Великие Болота, чтобы поймать там тираннозавра. Еще больше Макса впечатлило послесловие автора, русского геолога, — тот утверждал, что рассказ не так уж фантастичен и в глубине Африки действительно могли сохраниться древние ящеры. Для любого читателя это было просто интересной гипотезой. Для Макса, своими глазами повидавшего живого и не думающего вымирать мегатерия, — руководством к действию.

Проснувшись довольно поздно утром, Макс увидел, что отец Хайме сидит у порога хижины. Рядом стоял незаседланный мул. Пустые вьючные сумы валялись плоско, как издохшие от старости животные.

— Я остаюсь в Ятаки, — сказал священник в ответ на недоуменный взгляд Макса. — Мне незачем возвращаться. А здесь я смогу учить индейцев вере в Господа.

— Надеюсь, еще увидимся, — пожал плечами Макс.

— Это телефон и адрес моего брата, — сказал отец Хайме, протягивая Максу сложенный листок бумаги. — И рекомендательное письмо к нему. Помните? Мой старший брат, владелец зверинца. Надеюсь, вы сумеете с ним договориться:

к сожалению, он не слишком-то доверяет моим рекомендациям. Но я обещал вам помочь хотя бы этим.

— Спасибо, — проговорил Макс. — Рад нашему знакомству.

Горло внезапно перехватило. Эй, напомнил он себе, ты же продолжишь ловить зверей — а значит, ничто не помешает тебе заехать в Ятаки, если вдруг соскучишься. Макс знал, что вряд ли он захочет повидаться со священником, но печаль расставания все равно захватила его.

— Я думаю, мы еще встретимся, хотим того или нет, — сказал вдруг священник, глядя куда-то вдаль. — Думаю, то, что нас связало, слишком сильно. Святой Чиморте... — падре криво ухмыльнулся и дернул плечом.

— Тогда до встречи, — ответил Макс и, взяв своего мула под уздцы, повел его прочь из деревни, в которой теперь был свой священник.

Верхнее Конго, август 1965 года

В прозрачной плоской кроне акации висели десятки гнезд ткачиков. Аккуратно сплетенные из травы, домики птиц походили на какие-то неведомые мохнатые плоды. Ткачики заливались в лучах закатного солнца, почти заглушая вздохи и поскрипывания двух грузовиков-вездеходов, остывавших чуть в стороне. Саванна казалась волшебным золотистым морем — мягкая, шуршащая, пахучая трава без края, и группы акаций, как острова. Далеко-далеко впереди, там, где обрывалось плато, висела туманная дымка — словно неведомый материк, едва видимый на горизонте.

Макс довольно вздохнул. Еще один-два перехода, и экспедиция будет на месте. Высокий африканец с ритуальными

шрамами на щеках, сверкнув белозубой улыбкой, поставил под акацией раскладной стул. Макс уселся, вытянул затекшие в кабине машины ноги и достал из рюкзака зачитанную до дыр книгу. На зеленой обложке мелькнул белый силуэт тираннозавра. Макс открыл первую попавшуюся страницу и погрузился в чтение. Он помнил повесть уже наизусть, но открывал вновь и вновь — книга стала для него талисманом.

Издали донесся зловещий хохот. «Гиены все-таки смеялись последними», — пробормотал Макс и покачал головой. Уж он постарается, чтоб его экспедиция закончилась лучше, чем та, что описывалась в книге. Он рассеянно отпустил страницы, и томик открылся в самом конце, на выходных данных. Забавная опечатка, единственная на всю книгу — цифра шесть в годе выпуска перевернута вниз головой, и получается, что томик был издан в 1991 году. Иногда Макс забавлялся мыслью, что так оно и есть и что какой-то неведомый друг из далекого будущего нарочно подбросил ему книгу.

Денег на поездку в Конго у Макса не было. Денег на организацию полноценной экспедиции — тем более. Макс уж отчаялся и готов был счесть найденную книгу насмешкой судьбы, но тут вспомнил о старшем дель Карпио.

В отличие от отца Хайме, здесь чистота крови давала о себе знать — идальго был почти слабоумен. Семья дель Карпио каким-то чудом не разорилась во время всех исторических передраг, и теперь последний Фернандо дель Карпио тратил остатки состояния на любимую игрушку — зверинец, где содержались только самые редкие и необычные животные. Правда, пока там обитали лишь пять мадагаскарских лемуров и карликовый буйвол с Целебеса, но дель Карпио

не оставлял надежд пополнить коллекцию. К сожалению, аристократическая гордость и слабый интеллект сыграли с ним злую шутку: идадьго отказывался говорить с любым, кто не мог похвастаться дворянским званием. А его младший брат, обещавший представить Макса, был слишком далеко.

Макс был готов сдаться и даже уговорил себя, что это было бы самым разумным решением, но его авантюризм все-таки одержал верх. Фернандо дель Карпио стал последним человеком, которому Макс представился под своим русским именем. Дивясь собственной наглости, он поведал сеньору дель Карпио, что древний дворянский род Моренковых происходит от побочной ветви Рюриковичей и он — его последний представитель, едва избежавший ужасов революции. Царского рода, добавил Макс, сообразив, что фамилия Рюриковичей благородному сеньору ни о чем не говорит.

Это произвело впечатление — достаточно сильное, чтобы Фернандо дель Карпио посмотрел сквозь пальцы на простые манеры Макса и его внешность классического метиса. Насчет потертого вида Макс не беспокоился — на свете было слишком много нищих аристократов, чтобы волноваться о таких вещах. Идадьго согласился выслушать посетителя, и тут книга снова пришла на помощь. Макс не только выдал гипотезу Шалимова за свою, но и кратко пересказал повесть, представив ее события чистой правдой и добавив, что последний участник экспедиции, польский ученый, умер в Леопольдвилле, оставив после себя дневники, которые и попали таинственным путем к нему, дворянину Максиму Моренкову. «Что может быть реже живого тираннозавра?!» — экспансивно восклицал он. Один экземпляр — и зверинец благородного идадьго прославится на весь мир. Дело за малым — нужны деньги, чтоб организовать новую экспедицию...

***

Когда Макс объяснил в бельгийском консульстве цель путешествия, на него посмотрели как на психа. Макс слегка опешил, обнаружив, что события, на которые в «Охотниках за динозаврами» были только намеки, уже произошли и бельгийцы уже пять лет как вовсе не хозяева страны. В голове палеонтолога осталось только красивое выражение «восстание симба», да и то задержалось там ненадолго — слишком много усилий требовала подготовка к отъезду.

Южноамериканец по рождению и образу мыслей, он не мог воспринимать революции и перевороты всерьез. Политика была для него родственницей футбола — увлекательный спорт, не больше того. Макс Морено не видел принципиальной разницы между повстанцами и футбольными фанатами — и с теми и с другими лучше не спорить о любимой команде, и те и другие склонны стрелять от избытка чувств, и бывают моменты, когда и тем и другим лучше не попадаться на глаза, чтоб не нарваться на неприятности. Просьбы воздержаться от посещения некоторых районов Макс тоже пропустил мимо ушей — что ему до драк между племенами и сепаратистов. Там, куда он отправляется, людей вообще не будет — динозавры могли выжить только в самых глухих местах. Таких же глухих, как сельва на границе Боливии и Парагвая...

И вот он в Конго. Организация и расспросы заняли намного больше времени, чем рассчитывал Макс, — люди, к которым он обращался, были подозрительны и насторожены и в лучшем случае пытались отговорить его от затеи, а в худшем — надуть хоть по мелочи. Пару раз ему пришлось воспользоваться Броненосцем. Однако в конце концов Макс

удалось арендовать два довольно крепких грузовика и нанять кучку рабочих и охотников, один из которых мог быть проводником. Другой слегка говорил по-французски — чуть лучше, чем Макс, — и был принят на должность переводчика.

Солнце закатилось за горизонт — багровый шар мигнул в последний раз и погас. От костра потянуло запахом жареного мяса — накануне им удалось подстрелить антилопу, и теперь сочные ломти тихо шипели над огнем. Где-то вдалеке снова захихикала гиена — и затихла. Ночная саванна была полна звуками: шелестом травы, треском цикад, вскриками неизвестных животных... Мирный, убаюкивающий фон. Книга выскользнула из рук Макса, и он задремал.

Он проснулся внезапно, будто его облили холодной водой, от кошмарного сна, в котором лагерь окружали, подкрадываясь на цыпочках, скелеты с автоматами в руках. Макс напряг слух. Ему и правда слышались шаги — кажется, несколько человек приближались к лагерю.

Внезапно тишина взорвалась возмущенным гомоном множества голосов. Рабочие Макса переругивались с кем-то на банту. Их прервал громкий возглас. Раздался звук удара; один из охотников испуганно вскрикнул, и тут воздух прорезала автоматная очередь.

Макс вскочил. В темноте у костра метались какие-то тени; совершенно невозможно было разобрать, что там происходит. Снова затрещали выстрелы, кто-то протяжно завопил, и на Макса, медленно покачиваясь, вышел один из охотников. Макс с ужасом увидел кровь, лаково блестящую в уголке его рта, и попятился. Казалось, он снова вернулся на пастбище мегатерия, и братья Увера с ним, чтобы погибнуть еще раз от стрел индейцев. Макс болезненно замотал головой. Нет, он не в Боливии, он в Конго; в зарослях не прячутся лесные

индейцы — не бывает индейцев с автоматами; на лагерь напали, скорее всего, обыкновенные бандиты, и задача Макса сейчас — выжить самому и защитить своих людей... На свет костра вышло несколько человек в военной форме, и Макс, подняв ладонь, шагнул им навстречу.

Их было человек десять — большей частью совсем молодые, почти подростки, трусливые и опасные, как шакалы, почуявшие кровь. Они алчно поглядывали на снаряжение, припасы, машины — ноздри жадно подрагивали, будто мальчишки принимались к запахам топлива и пищи. Макс понадеялся, что это патруль, с которым можно договориться. Но на их одежде не было ни эмблем, ни знаков различий, и видно было, что форма большинству из них не по росту. Это оказались симба — отряд разведчиков, подростков, одуревших от крови и наставлений колдунов. Намерения явно читались на их лицах: экспедицию перебить, имущество забрать, и, может быть, среди припасов найдется виски, а уж мясо-то у них будет. Так бы, наверное, и случилось, но с симба были еще двое. Макс не сразу заметил их — эти держались в тени: пожилой колдун с пучком пальмовых листьев в руке и высокий чернокожий мужчина в берете, чем-то неуловимо, но явно отличавшийся от большинства встреченных Максом конголезцев. Макс припомнил слухи о кубинских инструкторах, обучавших симба в тщательно законспирированных лагерях. Это был шанс.

— Вива Куба, — тихо сказал он, глядя через головы мальчишек. — Зачем вы напали на моих людей, товарищ?

По лицу мужчины скользнула тень растерянности, и Макс понял, что угадал. Кубинец поколебался несколько секунд, а потом все-таки заговорил на испанском.

— Кто вы такой? — резко спросил он.

— Я ученый, зоолог, — ответил Макс. — Это научная экспедиция. Мы ищем редких животных.

— Сейчас не время для поиска животных.

Макс развел руками.

— Однако я их ищу. Это мирная научная экспедиция, — повторил он.

— Страна? — резко спросил кубинец.

— Боливия, — ответил Макс и тут же пожалел об этом: мужчина подобрался, и глаза его опасно сузились.

— Значит, вы ищете здесь редких животных? В Боливии, значит, редкие животные кончились?

Макс мысленно выругался. Кубинец внимательно обшаривал глазами лагерь; его взгляд задержался на ящике с патронами и винтовках. Надежды откупиться быстро таяли. Отбиваться? Макс попытался незаметно скосить глаза и прислушался. В лагере стояла тишина, и Макс с досадой и облегчением понял, что оставшиеся в живых рабочие разбежались кто куда. Надеяться на их помощь не приходилось — но и волноваться за своих людей уже было не надо, те позаботились о себе сами.

Броненосец. Если удастся прикоснуться к Броненосцу — он сможет задурить головы этим бандитам и сбежать. Черт с ним, со снаряжением... а если повезет — то он заморочит ночных гостей так, что те сами сбегут. Макс открыто посмотрел на кубинца. Краем глаза он видел, что колдун смотрит на него напряженно и внимательно. Этот взгляд не нравился Макс, он обещал какую-то иную, новую опасность, но размышлять о ней было некогда.

— В Боливии другие животные, — дружелюбно сказал он кубинцу. — Вот мои документы, посмотрите... — Он медленно потянулся к внутреннему карману, в котором лежала

фигурка. Колдун издал тихий тревожный возглас, и расслабившиеся было подростки снова наставили на Макса автоматы. Он замер.

— Не двигаться! — рявкнул кубинец и слегка склонил голову к колдуну.

Тот тихо и торопливо говорил что-то на суахили; Макс разобрал пару слов и понял, что дело плохо. Он не стал дожидаться реакции; рухнув на землю, он выдернул фигурку из кармана и изо всех сил сжал в кулаке.

(...лагерь под покровом сумрачного леса. Молодая гибкая женщина приносит ему тарелку с тушеным мясом; Макс связан, и она кормит его с ложки, а потом, оглядевшись по сторонам, внезапно целует. Он чувствует запах ее горячего тела, ощущает шелковистую кожу... Руки... Только бы высвободить руки и достать Броненосца... Он рыжий, веснушчатый, совсем молодой, но на лице залегли неприятные, злые складки. Алчно блестят бледно-голубые глаза. Он торопливо записывает что-то в пухлый, потрепанный блокнот, нетерпеливо ерзая на хлипком складном стуле. «Лучше жизнь потерять нам, чем этот дневник!» — хихикая, бормочет он.

...утренняя полутьма. Человек с мучительно знакомым лицом, лицом, которое Макс много раз видел на страницах газет, выслушивает зверолова, а потом машет рукой. Трое партизан поднимают винтовки. Макс кричит, но три слитных выстрела обрывают его...)

Воздух над головой прорезала автоматная очередь, и Макс шумно выдохнул. Происходило нечто странное. Дико верещали мальчишки, паля куда-то в ночь, и над саванной плыли завывания колдуна. Земля под Максом была влажная

и отдавала железом; он вдруг понял, что лежит в луже крови рядом с телом одного из рабочих. Макс попытался ползти; от прилипших к лицу мокрых комьев мутило. Колдун все завывал, будто призывая на голову Макса злых духов. Броненосец холодно пульсировал в руке, и все время грохотали выстрелы — симба было мало пролитой крови, они хотели еще. Макс вдруг понял, что Конго — это та страна, чей древний кровавый бог так и не был поработен пришельцами; здесь тот, кто был воплощен в мегатерия, так и бродил на свободе, требуя все новых и новых жертв. В кого они стреляют там? Что за морок заставляет их палить и палить в пустоту, заходясь визгом от ненависти и страха? Макс чувствовал, как над ним нависает тяжелая, древняя тень. «Охотник за динозаврами, — подумал он. — Вообразил себя охотником за динозаврами, охота за мегатерием ничему не научила, какой же я дурак... Только бы выбраться. Только бы выскользнуть из-под этой тени, — думал он, — и я никогда в жизни больше не пойду на охоту, уйду в садовники... Только бы выкрутиться». Броненосец сработал как-то странно. Макс не представлял, что померещилось бандитам, но то, что увидел он сам, ему не нравилось; а то, что он вообще что-то увидел, — пугало. Макс попытался отползти в сторону, но почувствовал, как между лопатками уперлась нога в тяжелом ботинке. Холодное железо ткнулось в затылок, сдирая кожу.

— Пойдешь с нами, — сказал кубинец. — Посмотрим, что ты за зверолов.

ГЛАВА 9

НЕВЕСТЫ ЧИМОРТЕ

Монастырь на болотах, Боливия, ноябрь 2010 года

Потолок над Юлькой был тяжелый, влажный, каменный, и темные балки покрывал узор ходов, проеденных жуками-древоточцами. Пахло сырой шерстью, лекарствами и почему-то железной дорогой. Юлька с трудом повернула голову; мгновенно накатила тошная слабость и тут же прошла. Перед глазами оказалась кое-как побеленная стена, местами прикрытая пестрыми индейскими ковриками. Между ними висело желтоватое распятие — то ли из старого пластика, то ли из старинной слоновой кости.

Под самым потолком распластался по стене полупрозрачный геккон с огромными глазами. Секунду Юльке казалось, что это реалистичная статуэтка, по чьей-то причуде прилепленная под потолок. Но тут геккон моргнул и быстро провел по губам раздвоенным язычком. Юльке тут же захотелось пить. Она облизала пересохшие губы, непроизвольно подражая ящерице, приподнялась на локтях. От ничтожного усилия тут же бросило в пот. Юлька бессильно откинулась на

плоскую жесткую подушку, успев, однако, заметить низкий столик рядом с кроватью — на нем стоял стакан и лежали упаковки каких-то таблеток.

Видимо, она была в больнице, но больнице какой-то очень странной. Юлька никак не могла вспомнить, как здесь оказалась. Вроде бы шла вдоль ручья; кажется, вышла на поляну. Дальше воспоминания обрывались, проваливались в яму, полную смутного темного ужаса. Юлька почувствовала, что напряги она память хоть немного, и события восстановятся. Но ей не хотелось заглядывать в этот кошмар — все ее существо вопило и протестовало против этого, и Юлька с облегчением отбросила попытки.

Лучше бы понять, что происходит прямо сейчас. Юлька осторожно провела рукой по бедру, ощутила голую кожу, горячую и сухую. Кто-то раздел ее и уложил в кровать, пока она была без сознания; кто-то, очевидно, давал ей лекарства и воду... Кто-то раздел ее! Юлька похолодела; рука сама дернулась к шее, и тут же девушка облегченно выдохнула: Броненосец был на месте. Юлька обмякла, чувствуя, как колотится сердце.

Она еще раз огляделась, насколько могла. Все-таки это не больница. Даже в Боливии больницы не должны выглядеть как смесь средневекового замка и сувенирной лавки. И, видимо, к ЦРУ это место тоже не имеет никакого отношения. Хотя лагерь, в котором Юлька провела последнюю неделю, и должен был изображать заведение для туристов, — в нем все равно присутствовал привкус военной строгости, которой не было в этой странноватой комнате. К тому же распятие... Юлька нахмурилась, пытаясь уловить смутную догадку.

Скрипнула тяжелая дверь, и в комнату вошла монахиня. Юлька мысленно хлопнула себя по лбу. Ну конечно,

монастырь! Именно так она себе и представляла католический монастырь в Южной Америке — смесь суровой древности и неистребимого жизнелюбия. У монашки было круглое лицо цвета меди и узкие лукавые глаза. Она улыбнулась Юльке и наполнила стакан из принесенного кувшина.

— Где я? — спросила Юлька на английском. Монахиня снова улыбнулась, покачала головой. Юлька повторила вопрос на французском — бесполезно. К ее губам поднесли стакан, и Юлька, оставив расспросы, жадно припала к прохладной, чуть горьковатой жидкости — то ли слабый отвар каких-то трав, то ли разведенное лекарство... Она допила, обливаясь, и монахиня промокнула ее лицо платком.

Юлька снова попыталась заговорить, но монахиня мягко надавила рукой на плечо. Девушка покорно легла. «Надо было учить испанский», — пробормотала она по-русски, глядя в потолок. Снова скрипнула дверь, и Юлька опять оказалась одна. Ей оставалось только ждать.

В чертах матери-настоятельницы не было ничего индейского. Даже такому плохому антропологу, как Юлька, казалось очевидным, что родина этой пожилой женщины — где-то на другой стороне земного шара, на Ближнем Востоке или в Северной Африке. Несмотря на глубокие морщины и старческие пигментные пятна, лицо монахини было своеобразно красиво; из-за горба настоятельница запрокидывала голову, и казалось, что она всегда обращена к небу. А еще мать Мириам прекрасно говорила по-французски. Юлька даже рассмеялась от радости, услышав правильную, чуть шершавую от легкого акцента речь. И тут же ей пришлось пожалеть об этом — мать Мириам, естественно, хотела знать, как Юлька оказалась одна в глубине сельвы. Уж лучше бы им пришлось

объясняться жестами! Застигнутая врасплох, Юлька отвела глаза и прикусила губу, судорожно соображая, о чем можно говорить монахине.

Похоже, мать Мириам заметила Юлькины метания. Не дожидаясь ответа, она слегка усмехнулась и начала рассказывать, что Юльку, потерявшую сознание на тропе из монастыря в ближайшую деревню, подобрала одна из монахинь. К счастью, сестра Таня когда-то обучалась на курсах медсестер; она смогла оказать Юльке первую помощь и доставить в монастырь. Что случилось? Инфекция, моя дорогая, скорбно улыбнулась мать Мириам и почему-то отвела глаза. Человек не приспособлен к жизни в сельве; тем более — белый человек. Пара комариных укусов, глоток воды — и лихорадка уже попала в кровь...

— Я знаю, — кивнула Юлька и нахмурилась. Что-то было не так. Что-то недоговаривала эта горбунья с длинными библейскими глазами. Юлька помнила, что чувствовала себя не очень хорошо; но чтобы вот так резко свалиться, потерять сознание, впасть в бред... Ни одна болезнь не может начаться так внезапно. А может, ее укусил какой-нибудь ядовитый гад? Нет, Юлька запомнила бы; да и настоятельница не стала бы скрывать. И еще этот провал в памяти, в котором клубится багровый страх...

— Так что со мной? — спросила Юлька с деланой небрежностью.

— Ничего страшного, — ответила настоятельница и принялась с ненужной тщательностью раскладывать лекарства на столике. — Мы называем это болотной лихорадкой. Очень неприятно, но не намного страшнее гриппа. Неделя-другая — и будете как новенькая. Так как вас занесло в наши края — одну, без спутников, без снаряжения?

— Я заблудилась, — ответила Юлька. Она окончательно решила, что правду говорить не стоит, но и врать лишний раз тоже не собиралась. — Я пошла в поход... Понимаете, я приехала в Боливию одна и здесь на месте присоединилась к группе туристов — знаете, просто купила путевку в Санта-Крусе в одной туристической фирме. Нас было семь человек — немцы, французы... ну и гид, конечно. Я ни с кем особо не общалась, поэтому они, наверное, даже не заметили, как я отстала. Ну и вот... — Юлька развела руками, и мать Мириам кивнула, глядя ей в глаза. — А как я могу попасть в ближайший город? А то, знаете, у меня билет на самолет... Электронный, я его не распечатывала, — поспешно добавила Юлька, увидев, как губы хозяйки раздвигает медленная кривоватая улыбка.

— Вам надо набраться сил, — проговорила мать Мириам. — Даже до ближайшего поселка добираться отсюда далеко и трудно.

— А вертолет...

— А у нас нет рации, — ответила хозяйка почти весело.

— И мобильник, конечно, не ловит? — без всякой надежды спросила Юлька.

— Ну что ты, деточка, конечно, нет, — качнула головой хозяйка.

Юлька закричала и проснулась. В келье было непроницаемо темно и невыносимо душно; горячий, влажный, какой-то мохнатый воздух с трудом проталкивался в легкие, и пахло, как в зоопарке. Юлька чувала чье-то присутствие, и от этого было невыносимо страшно, невозможно пошевелиться.

Она не знала, сколько провела так, замерев в кровати и бессмысленно таращась во тьму. Наконец ужас слегка отступил; Юлька сунула руку под подушку и вытащила мобильник. Призрачный свет экрана скользнул по стенам. Келья была пуста; да и запах постепенно развеивался.

— Кошмар, — пробормотала Юлька. Ей снились термиты, поедающие спальник. Юлька, тихо подвывая от отвращения, все пыталась стряхнуть их с одеяла, но миллионы мерзких белесых насекомых продолжали копошиться вокруг нее — и вдруг замерли и отхлынули, как по сигналу. Тихие смешки донеслись из темноты, замелькали серые тени, — а потом все застыло, замерло в невыразимом ужасе, и тогда в ставшей вдруг горячей и влажной тьме раздались тяжелые шаги, и запахло животным, кровью, смертью.

Юлька нащупала зажигалку. Ее неверный огонек разогнал по углам дрожащие тени. Трясущейся рукой Юлька нашарила сигарету, которую стрельнула накануне у сестры Тани. Опять все тот же кошмар. То ли температура, то ли монастырская атмосфера действуют так угнетающе. Юльке не хотелось даже думать о том, что это прорываются сквозь психические защиты воспоминания о последних часах, проведенных в сельве. Что-то произошло с ней на поляне, заросшей тростником, на опушке джунглей, у дерева с гигантскими корнями, вывороченными из земли. Что-то невыносимо страшное случилось там. Юлька прикрыла глаза; в голове мелькнул образ всадника на пегом коне и исчез, стертый страхом.

Юлька не хотела признаваться себе, но в глубине души понимала, что влипла, пожалуй, в историю намного серьезнее, чем упрямое бодание с цэрэушниками. Пожалуй, она предпочла бы сейчас любые конфликты с живыми и рациональными

ми людьми той черной неизвестности, которая поджидала ее в монастыре.

Надо было отдать Броненосца, подумала Юлька, проваливаясь в тяжкий, полуобморочный сон. Надо было отдать, и пусть бы они сами разбирались... с этим...

По мере того как спадала лихорадка, Юлька все чаще выбиралась из своей комнаты. Никто не мешал Юльке бродить по монастырю, заглядывать в любые помещения, гулять по стенам, любуясь на закатные болота. И как же ей было здесь странно! Больше всего Юльку пугала галерея ретаблос. Прimitивные изображения звероподобного святого наводили на девушку панический ужас: стоило ей подольше посмотреть на это неуклюжее тело, маленькую злую голову с нимбом, и сердце начинало колотиться, как бешеное, лоб покрывался липким потом, и казалось, что в глубине души начинает клубиться плотная тьма, готовая вот-вот прорваться наружу. Юлька старалась проходить мимо, не поднимая глаз. Галерея опоясывала все здание, так что избежать столкновения со своим страхом Юльке не удавалось; она попыталась было найти сквозной путь, но столкнулась еще с одной странностью: сердцевина монастыря была недоступна. Одолевая слабость, Юлька несколько раз обошла его, чтобы убедиться: все помещения монастыря располагались по периметру, а центр окружала толстая стена. Если в ней и были какие-то двери, то Юлька их не нашла. Казалось, монастырь выстроен вокруг монолитной скалы... или другого здания, намного более древнего. Иногда Юлька видела его во сне: черная башня, подсвеченная дьявольским синим пламенем, и выходящий из нее святой Чиморте. Юлька пыталась бежать, но взгляд Зверя парализовывал ее, и монахини с пустыми лицами

вели ее за руки на самую вершину, и Броненосец куском льда стучал по ребрам... Юлька просыпалась, давя хриплый вопль, и подолгу лежала без сна, гадая, насколько реален ее кошмар.

...Монахини... Одни — смуглые, круглолицые, с обветренной медной кожей и большими загрубевшими руками — индианки из окрестных деревень, променявшие монотонную крестьянскую жизнь на служение странному святому, с тоской и страхом, навечно застывшими в глубине глаз. И другие — светлые, юные, равнодушно-счастливые, скользящие мимо, как лунные блики. Их было не много, но каждый раз, столкнувшись с такой монашкой, Юлька изнывала от любопытства, пытаясь понять, каким ветром принесло в монастырь этих девушек. Но как-то было ясно, что спрашивать об этом не стоит. Возможно, это призраки, думала Юлька, когда температурная муть снова загоняла ее в постель. Девушки с фарфоровой кожей. Прозрачные тени мужчин с синеватыми прожилками на холодных лицах. Это призраки, плоды лихорадки, малярийные мечты о прохладе и чистоте...

В этот раз обед и лекарства принесла сестра Таня. Юлька искренне обрадовалась ей... ну хорошо, не ей, а очередной сигарете, которую собиралась стрелкнуть у монахини. Сама Таня ее слегка пугала — иногда Юльке казалось, что в одном теле уживаются две девушки: одна — веселая и снисходительная гедонистка, другая — жестокая и фанатичная жертва какой-то загадочной трагедии... Пока Таня пристраивала поднос на тумбочку, Юлька исподтишка наблюдала за ней. Вроде бы сегодня монахиня пребывала в своей жизнерадостной ипостаси.

— Выглядите прекрасно, — сказала Таня и мимолетно коснулась лба Юльки, определяя температуру. — Чувствуете себя лучше?

— Намного! Мне бы встать уже... Думаю, я даже могла бы добраться до Камири!

— Рано, — отрезала Таня. — Юлька вздохнула, и монахиня слегка смягчилась: — Встать, пожалуй, уже можете. Ненадолго. Но ехать куда-нибудь... Вы же не хотите рухнуть в обморок на полдороге в Ятаки?

— Не хочу, — вздохнула Юлька.

Обратный билет уже не играл никакой роли — самолет улетел позавчера. Хорошо еще, предупредила бабушку, что, может быть, задержится... По крайней мере, в Москве никто не паникует и не хватается за сердце. Однако уклончивость сестер уже начинала настораживать. Юлька все отчетливее испытывала дежавю — ситуация все больше напоминала первые дни в лагере цэрэушников, когда все вокруг делали вид, что она свободный человек, и при этом держали ее в плену... Собираются ли вообще выпускать Юльку из монастыря? Она чувствовала себя вполне терпимо — температура уже спала, ничего не болело, ну, слабость... но не настолько серьезная, чтобы не добраться до нормальной больницы, в которой можно было бы долечиться. И ни Таня, ни мать Мириам не могли этого не понимать — однако до сих пор вели себя с Юлькой как с тяжелобольной. Непонятно, правда, зачем хитростью удерживать ее на болотах... Юлька вспомнила затаенную тоску в глазах сестер, — такую же едва заметную, как жесткость и готовность броситься в драку — в глазах приятелей Алекса, «туристов из Вашингтона».

Что-то здесь было нечисто. Смутная тревога. Необъяснимое беспокойство. Дежавю. И эти сны, эти еженощные

кошмары, в которых Юльку снова и снова искал яростный взгляд голодных глаз.

— Как вы стали монашкой? — по наитию спросила Юлька.

— Да так же, как и вы, — откликнулась Таня. Юлька поперхнулась дымом и закашлялась, выпучив глаза. — В смысле, так же, как и вы, как и все здесь, встретила кое-кого, — поправилась Таня, заметив Юлькин испуг, но было уже поздно.

Тяжелые, неотвратимые шаги. Горячее дыхание, пахнущее кровью и гнилым мясом, вырывается из плоской многозубой пасти. Голод, жадность, бешеный напор, злобное желание и яростная тоска. Густой мех, покрытый каким-то зеленоватым налетом — как будто сама сельва превратилась в одеяние для своего властелина... Беззвучный крик рвет горло. Юлька падает и сжимается в комок, вжимается, вминается в мягкую землю, под жалкую защиту тростников, но тростники предают ее, и земля предает ее — не прячут, выставляют напоказ, выпихивают навстречу своему безумному хозяину... «Встретила кое-кого».

Юлька изо всех сил сжала руку в кулак и закусил костяшки, чтобы подавить крик. Воспоминания нахлынули разом, смахнув все защиты, как вздувшаяся река — жалкий плетень. Чей-то жуткий, парализующий смех, испуганные проклятия американцев за спиной, бешеный, рвущий жилы бег через тростниковые заросли и тот, кто ждал ее на другой стороне... И промчавшийся мимо всадник на пегом коне, посмотревший на нее, как на ненужный предмет. И узкая прохладная ладонь на лбу, и корявый английский: «Эй, леди, вы живы? Живы?» Легкий запах духов и неожиданно сильные руки, помогающие взгромоздиться на мула. Жесткое, будто застывшее лицо. И прозвучавшее имя — Чиморте, имя, от которого становились дыбом мельчайшие волоски на всем теле...

— Возлюбленный мой, что однажды проснется и вернет себе эту землю, — негромко говорила Таня. — Себе и всем нам. То, что не удалось святому Эрнесто, совершит кто-то другой... А пока я служу ему, чем могу.

У Юльки вдруг появилось подозрение, что преемником святого Эрнесто Таня считает себя, и от этого ей стало слегка не по себе. В том, что фамилия этого Эрнесто — Гевара, Юлька ни на секунду не усомнилась.

— И вы...

Юлька замялась, не зная, как спросить. Вы что, сразу влюбились в чудовище и пошли в монастырь? Вы бросили свою жизнь и посвятили себя зверобогу только потому, что встретились с ним? Вы даже не пытались сопротивляться? А если пытались — то почему сдались? Или каждая, кто встретит Чиморте, обречена запереть себя в древних стенах посреди болот? «Я не хочу!» — хотела закричать Юлька, но удержалась. Кажется, ее никто не собирался спрашивать...

— Вы счастливы? — спросила Юлька.

— Конечно, — быстро ответила Таня.

— Вы не выглядите счастливой, — тихо проговорила Юлька и задумалась. Таня разъяренно фыркнула.

— Конечно, в монастыре много работы, и жизнь не слишком комфортная, и никаких развлечений, но... Я... здесь... счастлива!!! Понятно вам? — выкрикнула Таня, подавшись вперед.

На секунду Юлке показалось, что монахиня сейчас ударит ее, но она не успела даже испугаться: Таня вернула самоконтроль. Сложив руки на груди, она сердито смотрела на пациентку, но Юлька уже ухватила за хвост мелькнувшую мысль.

— Много работы и нет развлечений, — проговорила она. — А те благодарственные таблички в галерее, ретаблос... это работа? Это же сестры рисуют?

Таня кивнула, окончательно успокаиваясь.

— Иногда нам доставляют ретаблос, нарисованные по заказу крестьян, — объяснила она. — Если, конечно, не побоятся подойти к здешней монахине и уж тем более съездить в монастырь. Знаете, говорят, мы несчастья приносим, — она мрачно усмехнулась. — Так вот, то, что присылают крестьяне, делают обычно на заказ в Санта-Крусе. А свои благодарности сестры рисуют сами...

— Значит, у вас есть краски и какие-то инструменты? — с надеждой спросила Юлька. Мысль окончательно оформилась и теперь не давала покоя. — И еще вы носите четки... такие красивые. Из чего они?

— Часть — из покупных бусин, — слегка удивленно ответила Таня. — А для других мы сами собираем и сушим семена...

— Вот ваши, они из семян? — Юлька робко протянула руку к висевшим на руке Тани четкам из гладких оранжевых и серых бусин. — И они сами по себе такие оранжевые? И у вас есть краски и кисти... и... — глаза Юльки затуманились, она сдвинула брови, обдумывая, что может оказаться в кладовых запасливых сестер.

Похоже, отправлять в город ее никто не собирается. В принципе Юлька готова была снова бежать, но не теперь, чуть попозже... когда восстановятся силы — и поблекнут ночные кошмары. Прямо сейчас Юлька не смогла бы заставить себя выйти из-за подавляющих, но таких надежных и крепких стен монастыря. А до тех пор — неплохо было бы чем-то занять себя, чтобы не сойти с ума от скуки, беспокойства

и гнездящегося в глубине души ужаса. Интересно, может ли она все еще делать свои особенные вещи? Сможет ли справиться с незнакомыми материалами и инструментами? Юлька собиралась проверить это в ближайшее время. А еще она собиралась выяснить, что выйдет, если хотя бы Таня и мать Мириам вдруг начнут чувствовать себя счастливыми. У Юльки вдруг появилась иррациональная уверенность, что ей предстоит одно из самых серьезных дел в ее жизни — дело даже более важное, чем собственное спасение. Но рассказывать об этом Тане или кому-нибудь еще она не собиралась. А запрещать рукодельничать ей не станут — зачем? Удерживать на месте человека, по уши занятого любимым делом, намного проще, чем мающегося от скуки и беспокойства.

— Хотела бы я посмотреть, как вы рисуете ретаблос, — мечтательно сказала Юлька. — И на бусины посмотреть, обожаю рыться в таких припасах.

— Отвести вас в мастерскую? — улыбнулась Таня.

— Да! — почти закричала Юлька. — Да, конечно!

Тане нужна была — горящая медь, черная сталь, ультра-мариновая синева, горячий, сквозящий красным, коричневым, — как крепчайший чай, как глянцевый плод конского каштана. В ней горела страсть, и храбрость, и тяжелая обида тлела в глубине души — не на людей, а на само мироздание. Юлька, сосредоточенно нахмурившись, озидала вываленные перед ней сокровища. Коробки с бусинами и красками, набор кистей, простейшие инструменты... Сложная задача. Возможно, нерешаемая... Хорошо еще, не успела ничего пообещать.

— Любите делать украшения? — ласково пропел шершаво-сладкий голос.

Вздвогнув от неожиданности, Юлька выронила бусину и резко обернулась. За спиной у нее стояла настоятельница. Юлька не слышала и не видела, как та вошла в мастерскую, хотя сидела лицом к двери. Неужели здесь есть еще один вход? Та самая тайная дверь, что ведет в центральную часть здания? Юлька внимательно посмотрела за спину матери Мириам, но ничего не заметила — все та же грубо побеленная каменная стена, что и в Юлькиной келье. Даже ковриков нет — только несколько полок с жестяными табличками для ретаблос и масляными красками.

— Очень уж скучно целыми днями лежать в кровати, — неопределенно ответила Юлька. Настоятельница помялась, потом присела за стол, повертела в руках заготовку из проволоки. Своим носатым профилем и горбом она напоминала добродушную, просветленную Бабу-ягу.

— Украшения — великая вещь для женщины, — сказала она с улыбкой. — Радуют, привлекают, служат залогом любви... Ведь верно?

Юлька настороженно кивнула. В то, что мать Мириам вдруг решила поболтать о девичьих глупостях, верилось с трудом. У настоятельницы явно была какая-то скрытая цель, и ход разговора Юльке не нравился.

— Залогом любви, — задумчиво повторила мать Мириам. — А некоторые способны даже менять внешность. Например, цвет глаз...

Юлька непроизвольно зажмурилась, будто пыталась скрыть свои разноцветные радужки. Настоятельница тихо рассмеялась.

— Удивительно! — воскликнула она. — Одна маленькая фигурка из серебристого металла — и глаза причудливо меняют цвет, а мужчины сходят от тебя с ума. Конечно, мне грешно думать о таких вещах, но...

Юлька молчала, не зная, что говорить. Неужели она сбежала с базы ЦРУ лишь для того, чтобы кто-то снова вымогал у нее Броненосца? И она еще уговаривала, чтобы ей отдали посылку! Лучше бы она сгинула в недрах почты...

— Дайте мне посмотреть на нее, — попросила настоятельница. — Всего лишь посмотреть. В конце концов, я из-за нее оказалась здесь, во власти Зверя... Ну же! — она хищно наклонилась к Юльке, и девушка отшатнулась. — Дай мне Обезьянку!

— Обезьянку?! — невольно воскликнула Юлька и застыла с раскрытым ртом. — Обезьянку?

— Я знаю, она у тебя, я вижу это по твоим глазам, по исходящей от тебя силе...

— Мать Мириам, — начала было говорить Юлька и осеклась. Глаза ее широко раскрылись. — Мириам! Горбатая Мириам! — Она в ужасе вскочила, переворачивая коробки с бусинами. — Да вам же двести лет в обед, вы же помереть должны были давно!

Сухой дребезжащий смешок был ей ответом.

— Мне сто двадцать семь, — проговорила настоятельница. — Но мою честную старость, мою честную смерть пожрал Зверь! Твоя бабка швырнула меня в его объятия! Наглая девка, что ублажала коммунистов и людоедов, подняла руку на меня, старуху! Мне было за семьдесят, и я готова была мирно сойти в могилу, лишь бы только получить хотя бы ненадолго... лишь бы только...

— Вы, наверное, ее достали совсем, — ответила Юлька. — Не могла она...

— Могла, могла, — перебила ее Горбатая Мириам. — Сначала эта падшая женщина, Фатин, не захотела отдать мне Обезьянку и сбежала, и я больше полувека скиталась по всей

Африке, и видела кровь, и смерть, и беды, и ничего не могла поделаться... а когда я уже старухой настигла ее — она снова ускользнула... и...

Настоятельница вдруг всхлипнула.

— Извините, но зачем вам в семьдесят лет была нужна Обезьянка? — осторожно спросила Юлька и покраснела. — Вам же уже... ну, вряд ли чего-то такого хотелось, правильно?

— Ты глупа, как и все твои предки, — сердито ответила Горбатая Мириам. — Волшебный дар попал не в те руки... как часто бывает в этой несправедливой жизни. Власть над миром принадлежит мужчинам, но они тупы и злобны, и если бы добрая женщина смогла управлять ими...

Юлька слушала Горбатую Мириам, раскрыв рот. Она-то думала, что Обезьянка нужна была ей для того, чтоб наладить свою жизнь — кошмарную жизнь горбатой, некрасивой женщины в Африке начала двадцатого века. А оказалось — у Горбатой Мириам были планы посерьезнее. Старушка мечтала причинять добро в масштабах континента, а то и всего мира. Юлька зажала рот ладонью, чтоб не рассмеяться. Впрочем, очень быстро ей стало не смешно. Вряд ли старуха была настолько наивна. Скорее — придумала себе оправдание, великую цель, для которой все средства хороши...

А Горбатая Мириам продолжала говорить:

— Но Фатин рассмеялась мне в лицо и сказала — нет, не видать тебе моего наследства, и не видать тебе объятий этого доброго русского, а я любила его, я его с первого взгляда полюбила... И тогда я прокляла ее, и всех ее дочерей, и внушек, и так на много колен вперед, чтобы были они все несчастны в любви, как я, и никогда...

— Ах ты старая стерва! — не удержавшись, воскликнула Юлька. Ну ничего себе! Бедная бабушка, бедная мама...

бедная она сама, Юлька. «Так, — подумала она. — Как выберусь отсюда — первым делом надо будет найти Сергея и извиниться за все мои истерики. Вернее, получается, не мои истерики. Надо же — своими руками все ломала... Расскажу ему, а потом — как получится...» Она хотела было помечтать о том, как получится, но оборвала себя.

— А ее внучка, эта здоровая кобыла, Бекеле-Гумилев, толкнула меня, когда я попросила Обезьянку, и крикнула: вот тебе твоя любовь! И я оказалась в объятиях Зверя, и он принял меня в свой дом, и дал мне хлеб, и согрел своим взглядом, но даже он не возжелал меня...

Горбатая Мириам захихикала, глядя в стол, и Юлька окончательно рассвирепела.

— Так. Во-первых, Обезьянки у меня нет, — сказала она. — А там, где она есть, вам ее не достать. Да и поздно, мать-настоятельница. А во-вторых...

— А во-вторых, сейчас мать Мириам пойдет отдыхать, в ее возрасте вредно так волноваться, — раздался голос от дверей, и в мастерскую вошла Таня. — А потом я отвечу на все ваши вопросы, сеньорита Морено.

— Так вы знакомы с матерью Мириам? — с любопытством спросила Таня. Юлька отложила в сторону бусины и задумалась.

— Не совсем так, — сказала наконец она. — Но с ней были знакомы моя бабушка и ее бабушка... и это было в Африке. Так что я ничего не понимаю, — она беспомощно взглянула на Таню. — Не понимаю, как такое может быть. Как она здесь оказалась?

— Никто не знает, — ответила Таня. — Одна из сестер подобрала ее, когда ездила в Ятаки за продуктами, около десяти

лет назад. Она была в тяжелом шоке и все твердила об объятиях Зверя, как сейчас. Естественно, ее место было рядом с нами. — Таня помолчала. — Душевное потрясение было слишком сильно, и бедняжка так и не оправилась, — с жалостью добавила она. — Большую часть времени она — образец ясного ума и здравого смысла, но иногда у нее случаются такие приступы... Обычно сестры, узревшие Чиморте, рано или поздно приходят в себя...

Юлька почувствовала, как по спине бегут мурашки, и усилием воли отогнала поднимающуюся со дна памяти тьму. Сестры, узревшие Чиморте... и она — одна из них?

— Не понимаю, — проговорила Юлька и, чтобы отвлечься, снова принялась нанизывать бусины.

— С тех пор, как я привезла вас в монастырь, мать Мириам была не в себе, и теперь я догадываюсь почему. Я ждала приступа, и вот... Говорите, Африка? Но вы же русская.

Юлька взглянула на Таню, пытаясь понять, можно ли ей доверять. Очень хотелось рассказать об истории своей семьи и собственных приключениях, но... Вдруг Тане тоже позарез нужна Обезьянка, или Броненосец, или какой-нибудь еще предмет?

— Думаете, можно ли говорить правду этой подозрительной индейской женщине? — насмешливо улыбнулась Таня. Юлька отрицательно качнула головой, но монахиня лишь махнула рукой. — Я знаю про Броненосца. Я же за вами ухаживала, пока вы лежали в бреду. А мать Мириам надеялась заполучить от вас другой предмет с похожими свойствами, правильно?

Юлька кивнула.

— Знаете, я единственная из сестер прочла все, что хранится в нашей библиотеке, — неожиданно сказала Таня. — Я знаю

всю историю этого монастыря, начиная с событий, которые привели к его постройке. Я очень много знаю... — Таня задумалась, покусала губу. Потом резко вскинула голову, будто что-то решив. — Не надо ничего говорить ни мне, ни тем более другим сестрам, — сказала она. — Храните предмет в тайне. Особенно от одного человека, он сейчас живет в Ятаки, но у него может хватить наглости заявиться и сюда. Его зовут Ильич Чакруна. Это из-за него я оказалась здесь. Из-за него и из-за фигурки Броненосца, о которой он мечтал... Вы неплохо рисуете, — внезапно сказала Таня, посмотрев на Юлькины наброски. — Это славно, сможете делать ретаблос для сестер...

— Я не хочу рисовать ретаблос, — сказала Юлька. — Я хочу уехать. Мне давно уже пора домой.

Таня холодно взглянула на нее и пожала плечами.

— Вы еще не поняли? Вы не можете никуда уйти. Вы теперь — невеста святого Чиморте, а он своих женщин не отпускает. Ваш дом теперь здесь.

ГЛАВА 10

ПОВСТАНЦЫ

Партизанский лагерь в Катабамбе, Конго, август 1965 года

— Так вы действительно зверолов? — разочарованно спросил Че, листая найденную Максом книгу.

Тот почти виновато развел руками. Веревки с него сняли, однако в дверях палатки стоял часовой. Но бежать из лагеря, набитого вооруженными повстанцами, Макс и не думал. Кажется, никто не собирался его расстреливать, однако видение, навязанное Броненосцем, не шло из головы. Черт знает, может, волшебный предмет вдруг поменял свойства и начал показывать будущее... или вероятное будущее, — осенило вдруг Макса.

Че Гевара хмыкнул и отложил книгу. Неожиданно цепко взглянул на пленника.

— А вот товарищ Нгеле утверждает, что вы могущественный колдун, — усмехнулся он.

Челюсть у Макса отвисла. Команданте улыбнулся, видя его растерянность.

— Товарищ Нгеле — сам колдун, и ему везде видятся коллеги. Однако он рассказал мне кое-какие подробности о вашем захвате, и...

— Понятно, — перебил Макс.

На лбу выступили капельки пота. Обострившаяся до предела интуиция подсказывала: вот она, развилка. Либо он останется жив. Либо — будет расстрелян в предрассветных джунглях, и предсказание Броненосца сбудется...

Какая ирония судьбы, подумал Макс. Когда-то он должен был отдать Броненосца генералу Беляеву, белогвардейцу, бежавшему от коммунистов, но не успел. И хранил все эти годы, оказывается, для того, чтобы передать самому известному и яростному революционеру... Одобрил бы его старый индеец Кавима? В конце концов, Че Гевара, как и Беляев, пекся о благе простых людей — только понимал его по-другому.

— Товарищ Нгеле отдал вам предмет? — спросил Макс и тут же понял, что попал в точку: команданте удивленно нахмурился. Секунду поразмыслив, он кивнул часовому. Тот выглянул из палатки и что-то пронзительно закричал.

Минуту Че Гевара и Макс провели в молчании. Команданте, попыхивая трубкой, с интересом рассматривал зверолова. Макс в свою очередь с любопытством поглядывал на знаменитого аргентинца — стараясь, впрочем, чтобы его интерес был не слишком заметен. Тишина становилась все более напряженной; Макс собирался уже разрядить ее какой-нибудь шуткой, но тут снаружи послышался шум, и в палатку вошел колдун. Не дожидаясь вопросов, он тут же визгливо закричал на суахили, тыча пальцем в Макса и брызгая слюной. Че Гевара поморщился и жестом остановил его.

— Переводчика, — бросил он. — Хочу, чтобы вы полностью понимали, о чем идет речь, — объяснил он зверолову. — Да и самому надо разобраться, а мой суахили не так уж хорош.

Макс кивнул. В палатку уже вошел молодой конголезец; на команданте он смотрел с обожанием, и Макс снова подумал — понравился бы Че Гевара Кавиме? Скорее всего, решил он.

— Итак, — заговорил Че, — что за предмет?

— Небольшая серебристая фигурка броненосца, — ответил Макс.

Че кивнул переводчику. Выслушав его, Нгеле весь скривился, полез в набедренную повязку и выудил оттуда предмет. Макс поморщился; команданте, похоже, тоже не хотелось брать фигурку в руки. Он кивнул на стол; колдун с мрачным видом положил Броненосца перед Че Геварой, отступил на шаг и снова заговорил, бурно жестикулируя и корча страшные рожи. Переводчик монотонно забубнил:

— Иногда бывают люди с разными глазами, один как небо, другой как трава. Все люди с такими глазами — злые колдуны. Я не такой, я хороший колдун, у меня глаза одинаковые и коричневые. Этот человек — плохой, злой колдун.

Колдун вытянул дрожащий палец, обвиняющее указывая на Макса, и переводчик взглянул на него с пугливым любопытством. Макс захотелось зажмуриться.

— Однако у него глаза одинаковые, карие, — заметил Че.

— Это потому что я отобрал у него источник силы, чтобы отдать вам. Я хороший, добрый колдун. Я защищаю ваших воинов от пуль и лечу раненых.

— Видел я, как вы лечите раненых, — проворчал команданте в сторону. — Каков наглец!

Переводчик наконец сообразил, о чем идет речь, и хихикнул. Единственным толковым врачом в лагере был сам Че Гевара, и все об этом знали. Но смутить колдуна было трудно. Он пожал плечами и замолчал, гордо подняв голову и сложив руки на груди.

— Товарищ Моджа утверждает, что во время вашего ареста с его отрядом произошел необъяснимый приступ

безумия, — сказал Че. — Им почудилось нападение гигантского животного. Судя по описанию — вот такого, как на обложке, — Че похлопал по «Охотникам за динозаврами». — Вы можете это объяснить?

— Могу, — охотно ответил Макс. — Этот предмет позволяет наводить галлюцинации, команданте. Но не спрашивайте как — я понятия не имею.

— И вы попытались заморочить мою группу...

— Чтобы сбежать, да, — подхватил Макс. — А что бы делали на моем месте? Спокойно сдались бы в плен?

Че Гевара нахмурился.

— Полезная вещь, — задумчиво произнес он. Макс почти видел, как напряженно работает мысль команданте. Вопящие от ужаса солдаты, разбегающиеся без единого выстрела. Летчики, поливающие пулями безлюдные пространства, тратят на воображаемого врага боеприпасы и топливо... Че Геваре эти картины определенно нравились. «Простите, генерал», — мысленно произнес Макс, а вслух сказал:

— Этот предмет достался мне не по праву, и я готов отдать его вам. Только... говорят, он не каждого слушается.

Че Гевара с брезгливой гримасой взял Броненосца в руки. Сжал в ладони, сосредоточился. Макс заглянул в глаза команданте. Они оставались карими.

— Нет, — вдруг решительно сказал Че Гевара и бросил предмет обратно на стол. — Хватит с меня мистики, — он неприязненно покосился на колдуна, так и стоявшего у порога с видом оскорбленного достоинства. — Забирайте вашего Броненосца, мне он не нужен.

Макс пожал плечами и взял фигурку. Повесил на шею — тут же зацепало под веками. Команданте внимательно взглянул на него.

— Странно, — проговорил он. — У нашей кухарки такие же глаза. Она что, тоже умеет морочить людям головы? — он усмехнулся. — Уж мужчинам так точно.

Переводчик снова хихикнул и что-то шепнул колдуну, скабрезно улыбаясь, но тот не засмеялся в ответ — сердито рявкнул и отвернулся.

— Ведьма Гумилев, — сказал переводчик, — подсыпает в пищу зелье.

Команданте отмахнулся от переводчика, и Нгеле тихо зашипел, как рассерженный кот.

— Можете идти, — сказал им Че Гевара, и, дождавшись, пока все вышли, спросил у Макса: — Как попал к вам этот предмет?

— Это длинная история...

— Ничего, у меня еще есть немного времени, — ответил Че.

Макс набрал побольше воздуха и принялся рассказывать о том, как десять лет назад индейцы принесли в дом генерала Беляева рисунок мегатерия. Линейного повествования не получилось — Че Гевара то и дело перебивал зверолова, задавал уточняющие вопросы, так что Макс сам не заметил, как выложил команданте всю историю своей жизни. Когда он добрался до монастыря и отношения монашек к мегатерия, Че Гевара нахмурился.

— До меня доходили эти слухи, — сказал он. — Жаль, я надеялся, что это не более чем легенды... Но... — он задумался.

Макс, не желая мешать, замолчал, но Че Гевара тряхнул головой и вопросительно взглянул на зверолова.

— Что же было дальше? — спросил он.

— А потом я нашел книгу и решил, что мне надо в Конго, — ответил Макс и принялся рассказывать о своей провалившейся экспедиции.

— Однако, — усмехнулся команданте, когда Макс закончил свой рассказ, — ваши бы энергию и храбрость — да на достойные цели!

— Достойная цель — это революция? — уточнил Макс. — Вы же понимаете, товарищ Гевара, — не могу. Слишком хорошо помню семейную историю.

— Да, — согласился Че Гевара, — но ваш отец, как и генерал, был контрреволюционером. Они получили по заслугам.

Макс промолчал. Еще на примере своего отца он убедился, что ввязываться в спор с фанатиками, одержимыми какой-то идеей, — дело безнадежное и бесполезное. Команданте побарабанил пальцами по столу, размышляя.

— Я вижу, что вы честный человек и не враг, но отпустить вас не могу, — сказал он наконец. — Я не думаю, что вы побежите доносить на нас, но, стоит вам оказаться в каком-нибудь крупном городе — и на вас насядет полиция. Пропавшая экспедиция — не шутка даже во время войны. А нравы здесь крутые. Из вас попросту выбьют правду, не посмотрят, что вы в этой истории — пострадавшая сторона.

— И что же делать? — спросил Макс.

— Оставайтесь в лагере под честное слово, — предложил команданте, — пока мы не доведем борьбу до логического конца. Никто не просит вас участвовать в боях, — поспешил добавить он, видя, что Макс собирается возразить. — Я понимаю, что ваши ложные ценности не позволят вам стать на сторону революции. Да и боец вы, извините, никудышный. Но в остальном... Я знаю, что вы хороший охотник, — это уже полезно. А что еще вы умеете?

— Когда-то я был неплохим автомехаником, — ответил Макс.

— Вот и прекрасно, — кивнул команданте. — Будете нашим наемным механиком. И знаете что, возьмите-ка темные очки. Я понимаю, что здесь и так темно, но будем считать, что у вас какая-то редкая болезнь глаз. Видите ли, я не хочу, чтобы наш советский консультант начал задавать вам вопросы.

Андрей Цветков сердито застонал и выплеснул на голову ковш воды. Постоял, чувствуя, как пробираются по шее ледяные капли и спадает неуместное возбуждение. К счастью, под пологом густого горного леса всегда было прохладно, и недостатка в холодной воде не было. Обливаться Андрею приходилось постоянно. Через несколько дней после появления в лагере новой кухарки Цветков с ужасом и любопытством понял, что стал жертвой приворота. Симптомы были классические, прямо из учебника с грифом «совершенно секретно», по которому он изучал методы магического воздействия перед отправкой в Конго. Андрей будто раздвоился: одна часть его личности сходила с ума от восторга и желания, стенала и готова была на все ради единственного поцелуя, а другая — холодно регистрировала происходящее, пытаясь найти закономерности и связь с действиями ведьмы Гумилев.

Сначала Андрей предположил, что Мария подсыпает что-то в пищу. Он обрадовался: магический препарат наверняка растительного происхождения, и вряд ли запасы велики — девица явилась в лагерь без вещей. Наверняка она собирает сырье прямо в окрестностях лагеря. Достаточно понаблюдать, проследить за ведьмой — и в его гербарии появится еще один образец с магическими свойствами. Однако вскоре Андрей понял, что ошибся. Мария действительно частенько добавляла различные листья и корни в скудную еду партизан, но делала это открыто и с удовольствием делилась

кулинарными знаниями. Цветков пожаловался кухарке на аллергию, и та охотно начала готовить ему отдельно — только мясо и простейшие овощи, и никаких специй. Однако идея оказалась глупая. Мало того что Андрей был вынужден есть пресное. Его аллергией заинтересовался сам команданте — то ли заподозрил что-то, то ли соскучился по своей врачебной специализации. Андрею пришлось плести с пятого на десятое, чтобы избежать осмотра.

А симптомы приворота не пропадали. Больше всего Андрея раздражало то, что Мария и не скрывала того, что она ведьма. Кухарка охотно вступала в беседы о колдовстве; видно было, что знает она многое. Андрей и не догадывался, что Мария попросту пересказывает услышанное от отца: священник серьезно изучал верования конголезцев, чтобы в битве за их души бить колдунов их же оружием, и в конце концов стал неплохим этнографом. Кое-какую информацию Цветков уже получил к тому времени от колдунов, что подвизались при симба; но некоторые сведения Марии заметно дополняли и исправляли то, что знал Андрей, а иногда и вовсе оказывались чем-то новым и неизвестным. Распухший блокнот Цветкова заполнялся все новыми и новыми зашифрованными строками и зарисовками грибов и растений, способных превратить человеческий мозг в черную дыру между мирами (чаще всего — один раз и навсегда). Но разговоров о привороте Мария избегала — и о конкретных техниках тоже умалчивала. Цветкову доставались только теория и легенды — вещи, несомненно, полезные; но не за тем он ехал в Конго, совсем не за тем...

Та часть личности Андрея, которая оставалась холодным наблюдателем и аналитиком, с каждым днем уменьшалась, таяла, голос бесстрастного ученого стихал, и Андрей все

больше превращался во влюбленного впервые в жизни мальчишку. Все чаще его посещали мысли жениться на Марии, вывезти в Советский Союз, помочь ей выучиться на врача — Мария не скрывала своей мечты. Эти мысли пугали Цветкова. Андрей уже опасался, что вскоре окончательно утратит адекватность; в панике он запросил инструкции у центра.

Он был уверен, что написал четкое, деловое, неэмоциональное сообщение. Ответ был получен скоро и полон сочувствия. Цветкову предлагали продолжать разработку; обещали помощь, если объект действительно придется вывозить в СССР (Андрей не сразу понял, что под «объектом» подразумевается ведьма Гумилев). А заодно — настойчиво спрашивали, как продвигается операция «Неуязвимый».

Прочитав сообщение, Андрей почувствовал себя инвалидом. Вот он, еще бодрый, полный сил и надежд, выходит из кабинета врача, уверенный, что проблема у него пустяковая, — а за спиной жалостливо переглядываются мастиные профессора: жаль, такой молодой, а болезнь смертельна и неизлечима. Жаль, такой перспективный кадр, а влюбился, как пацан, в черную девку, да не сам влюбился — попал под банальный приворот. Карьеры теперь не видать, до кандидатской — и то вряд ли дойдет дело, не говоря уж о званиях, но парень он славный, так что — сыграем ему, бедняге, на руку, а заодно и себе выгоду поймеем...

...Андрей раскрыл чемодан, вытащил одежду. Скромное барахло скрывало неприметный ящичек, обитый цинком. Это был крошечный холодильник, восхитительная разработка советской оборонки — на батарейках, на замке с шестнадцатизначным шифром. Под ним лежал отчет по операции «Неуязвимый». Цветков с отвращением пролистал его,

с досадой бросил на стол. О тайной задаче континентальной герильи в лагере знали только двое: он сам и Че Гевара. Рано или поздно придется посвятить в нее и третьего, — но до тех пор этого третьего нужно найти... Нгеле знал кое-что, но Цветков был уже почти уверен, что колдун — ловкий шарлатан, как и большинство его коллег. Внушать мальчишкам-симба, что ловкое движение заколдованной пальмовой ветви способно превратить пули в воду, — вот и все, на что он был способен.

Андрей вспомнил нападение на электростанцию в Бендере в конце июня и скривился от срама. Бой оказался не просто проигран — партизаны едва унесли ноги. Какой толк разрабатывать тактику, если бойцы не верят, что нужно прятаться от пуль? «Май-май!» Листья против свинца! В тот момент Че Гевара окончательно понял, что от конголезских товарищей толку не будет. Андрей подозревал, что теперь команданте удерживало в Конго только упрямство — и задание Фиделя.

«Неуязвимому» требовалось кое-что посерьезнее, чем пальмовые ветки, и операция оказалась на грани провала. Андрей мрачно перелистал отчет, снова отбросил в сторону. Фиделю мало было мистического везения: то ли он не был уверен, что случайности всегда будут работать на него, то ли знал, что удача рано или поздно закончится. («Почему? — было записано корявым почерком Андрея на полях отчета. — Каким образом он управляет обстоятельствами? Работают ритуалы сантерии — или это только прикрытие?») Кубинский лидер желал бессмертия. Ну или хотя бы способности полноценно функционировать после смерти. Жрецы сантерии или вуду с соседнего Гаити запросто могли превратить его в зомби, но Фиделя Кастро такой вариант не устраивал: любой житель Карибов прекрасно знал, что зомби полностью

подчинен своему хозяину, да и просто довольное тупое существо. А Фиделю нужно было остаться на посту.

В холодильнике хранился «биологический материал»: пробирки с физиологическими жидкостями, кусочки волос и ногтей. По слухам, когда у Фиделя потребовали клочок бороды, он пришел в ярость. Команданте предпочел бы остричься наголо, но бороду не трогать. Однако специалисты настаивали. Повод у них был один, но серьезный: незадолго до того ЦРУ разрабатывало операцию, призванную не убить Фиделя Кастро — а лишить его растительности на лице. Как и все другие покушения на Кастро, это не сработало только из-за какого-то фантастического набора случайностей. Американцы предполагали почему-то, что без бороды Фидель долго в лидерах Кубы не продержится. Идея была слишком смехотворная, чтоб ее игнорировать: в ЦРУ явно что-то знали насчет бороды Фиделя. Пришлось пожертвовать пучком начинавших сесть волос...

Идеальный исход операции Фидель представлял себе так: где-то в глубине Конго колдун под присмотром верного товарища Че и советского специалиста проводит некие магические действия, в результате которых кубинский лидер становится бессмертным — или хотя бы неуязвимым для покушений, независимо от того, удаются они или нет. Че Гевара об увиденном молчит. Советский специалист — тем более, у русских с дисциплиной всегда было получше, чем на Кубе. Колдуна, конечно, неплохо бы ликвидировать, чтоб не болтал... При невозможности провести ритуал на месте Фидель был согласен на личный контакт. Че должен был обеспечить доставку конголезского товарища на Остров Свободы. В этом случае Андрею полагалось быть на подхвате — после того как они с команданте убедятся, что перед ними не очередной жулик.

Куда уж проще! Андрей мрачно рассмеялся. Операция «Неуязвимый» — раз; материал для собственной закрытой диссертации — два. Не свихнуться среди всех этих колдунов, шарлатанов, магических грибов, людоедства, вечного сумрака и затхлости, крови и убийств, вожделения к чернокожей девке с фамилией русского поэта — три... И, судя по интонациям последнего письма, в центре считают, что с третьей задачей он не справился.

«Не дождетесь», — пробормотал Андрей, глядя на ровные ряды пробирок со слюной, мочой, кровью и спермой главного кубинского коммуниста. В провале «Неуязвимого» его никто не обвинит, в конце концов, у любой магии есть границы, и в Центре это прекрасно понимают. А вот если он упустит ведьму, что живет и действует прямо у него под носом... если позволит ей окончательно запудрить себе мозги... «Не дождетесь, — громко повторил капитан Андрей Цветков, биолог, специалист по психоактивным растениям, аспирант кафедры антропологии МГУ. — Женюсь, привезу вам эту Гумилев, и... разбирайтесь с ней сами. Побуду на подхвате — на диссер хватит. А женой Мария будет благодарной — уже неплохо». Андрей позволил себе представить, во что выльется ее благодарность, и через несколько минут, желчно улыбнувшись, снова отправился к бочке с водой — остывать.

На следующий день он увидел Марию, выходящую из палатки нового автомеханика; тело ведьмы было прикрыто лишь гимнастеркой, распахнутой на груди и едва доходившей до бедер.

(...сад полон роз, и гигантское разноцветное облако бугенвиллеи обвило белую каменную ограду, а в тени у дома на трухлявых бревнах цветут орхидеи. Мария, склонившись над

клумбой, высаживает луковицы амариллиса, рядом в коляске тихо посапывает спящий младенец, а ребенок постарше сосредоточенно подкрадывается к ящерице, пригревшейся на каменном бордюре.

Мария слышит удар мотыги о землю, оглядывается и видит Макса. Тот на мгновение перестает рыхлить землю под кустом гортензии, бросает на Марию веселый взгляд и подмигивает. Мария рассеянно улыбается в ответ. Ей жарко. Сладкий запах роз, тяжелый аромат земли, терпкий привкус апельсиновых корок кружат голову. Надо пойти в дом, попить лимонада — и принести мужу, со льдом и мятой, как он любит...)

Мария пришла в себя. Ее грудь и живот горели от жара, излучаемого худым телом Макса, а спина мерзла, прижатая к отсыревшей стенке палатки. Макс лежал, закинув руку за голову, и Мария точно знала, что он улыбается, глядя в низкий брезентовый потолок. Макс пошевелился. Чиркнула спичка, на мгновение осветив носатый индейский профиль, гладкую красновато-смуглую кожу на груди... что-то металлически блеснуло, какой-то кулон, — и свет погас, оставив лишь огонек тлеющей сигареты. Палатку наполнили клубы дыма, и Мария фыркнула.

— Что это у тебя на шее? — спросила она, мягко погладив Макса. Пальцы ощутили металлический предмет — тяжелый, гладкий, прохладный. Мария попыталась на ощупь определить его форму, но Макс накрыл ее ладонь рукой, сжал.

— А у тебя что? — спросил он, потянувшись свободной рукой. Мария хихикнула и отодвинулась.

— Талисман, — сказала она.

— И у меня — талисман, — ответил Макс. В его голосе слышалась улыбка, но было понятно, что расспрашивать

дальше бесполезно. Мария перекатилась на спину, положила голову на плечо Макса и задумалась о полном роз саде, где играли дети... ее дети.

То ли она задремала и увидела сон, то ли это было видение... в последнее время Марию часто одолевали видения — и в каждом она оказывалась женой Макса Морено. Счастливой женой любящего мужа, всем довольной домохозяйкой и матерью.

Какие розы, думала Мария, какие, к черту, орхидеи? Кажется, Макс не понимал, что происходит. Впрочем, он провел в лагере всего неделю и мог еще не понять, с кем связался, загипнотизированный энергией и благородством Тату... Зверолов понравился Марии с первого взгляда, очень понравился, и она видела, что это взаимно — без всякой Обезьянки, просто так. С Максом было легко, весело, спокойно. Но очень скоро Мария поняла, что по большому счету его не интересует никто, кроме обожаемых древних зверей. В этом он чем-то походил на Че Гевару: дело прежде всего, а все остальное — побоку.

После неудачного боя в Бендерах повстанцы покинули Лулаборг и двинулись на юг. Габриэль Бекеле не пошел с ними: он был создан, чтобы учить, а не воевать. Мария хотела остаться с ним, но тут вмешался Цветков. С шутками и прибаутками Марию уговорили остаться с партизанами. Она не хотела думать о том, что было бы, если б она не согласилась: в холодных светлых глазах русского она увидела решимость удержать ее любой ценой.

Так она оказалась в Катабамбе. Лагерь устроили в лесистом ущелье в предгорьях; пройти в него можно было только с одной стороны — и единственная тропа охранялась тщательно и скрытно.

В лагерь прибывало все больше конголезцев, большей частью — молодых мужчин, едва прошедших инициацию,

практически подростков. У всех у них были расширенные до предела зрачки, налитые кровью глаза и ритуальные шрамы на щеках; они исходили мелкой возбужденной дрожью, движения их были резкие, будто кто-то дергал за веревочки, а зубы — заостренные, нарочно подпиленные для устрашения врага... Это были не отряды — стаи, и управлять ими могли только колдуны. Тату говорил им о свободе, о справедливости, о марксизме, но Мария видела, что хотят симба одного — крови. Че Гевара, кажется, тоже это видел. Из его глаз исчезли искорки смеха, и он все реже вступал беседы с «конголезскими товарищами» — предпочитал проводить свободное время в своей палатке за книгой или дневником.

Впрочем, свободного времени становилось все меньше. Правительственные войска были уже близко; повстанцы то и дело устраивали вылазки, вступая в бои — и Че Гевара всегда оказывался где-то там, с винтовкой в руках. В лагере появились раненые, и Мария, нахватавшаяся у Тату элементарных знаний, все меньше времени проводила на кухне и все больше — в лазарете... тем более что и готовить-то было уже практически не из чего: повстанцы, отрезанные от мира, почти голодали. Мария собирала бабочек, облепивших лужицы воды в глубине леса, и тушила их в соусе из пальмовой муки и трав. Тончайшие крылышки липли к небу, в горде зудело от покрывавших тельца волосков, — но все-таки это была еда. Но как же ее мало, невозможно мало... Мария попыталась готовить отдельно Тату — но в первый же раз, когда она тайно принесла ему в палатку горшок с остатками тушеного мяса, он накричал на нее и выгнал. Мария вывалила мясо в общий котел и заплакала. С тех пор она начала бояться Че — это было испуганное благоговение перед тем, кто отверг все человеческие слабости и чувства, оставив только то, что нужно для дела.

Над палатками была раскинута маскировочная сетка, и Мария понимала, что это не зря. Иногда она с замиранием сердца слышала, как над ущельем пролетает самолет. Заметь пилот хоть что-нибудь подозрительное, хоть намек на то, что здесь может быть база повстанцев, — и ущелье будет залито свинцом и напалмом... Иногда казалась, что она видит, как пилот — тот самый кубинец, что привез ее когда-то в Лулаборг, — раздувает ноздри, принюхиваясь к воздуху; как тоненькая струйка дыма от очага Марии проникает в напряженные ноздри; пилот машет рукой, и стрелок, оскалившись, нажимает на гашетку...

Может, у нее появилась способность предвидеть будущее? Мария слышала, что такое бывает с влюбленными женщинами и еще чаще — с женщинами беременными. В последнюю неделю ее едва заметно тошнило по утрам. Она перестала использовать при готовке некоторые травы — их запах начал казаться уж слишком сильным, почти противным, — а еще смотреть на товарища Цветкова: его бледная кожа стала еще больше напоминать ей брюхо дохлой рыбы; а она-то надеялась привыкнуть! Всякий раз, когда русский приходил на кухню, чтоб поглазеть на ведьму Гумилев и прочесть ей новую порцию стихов, она немедленно находила занятие, которое требовало всего ее внимания — лишь бы был повод не поднимать на поклонника глаз. А ведь он, бедный, так старался... В какой-то момент Мария сообразила, что стихи были русские и Цветков сам переводил их, как мог. Она это помнила, но поделаться с собой ничего не могла. Смех и слова, сказанные однажды на рассвете товарищу Тату, она тоже помнила...

А утренняя тошнота становилась все сильнее, и пора было что-то решать.

— Макс, — тихо окликнула она, — Макс... я не хочу всю жизнь выращивать розы.

— Я тоже, — с улыбкой откликнулся Макс, — орхидеи намного интереснее и выгоднее.

«Они похожи на зверей, — хотел добавить он, — на редких, хрупких, опасных зверей... а мне будет не хватать охоты». Но вместо этого он спросил:

— С чего ты взяла, что я заставлю тебя выращивать розы?

— Так... подумалось, — осторожно ответила Мария. Ну не рассказывать же ему про видения! Макс затаился дымом, и в свете ярко затлевающего кончика сигареты Мария увидела, что он с трудом сдерживает хитрую улыбку.

— В Боливии можно выучиться на врача, Макс? — спросила Мария и почувствовала, как напряглось его тело. На секунду зверолов перестал дышать, и ей стало страшно. — Товарищ Тату говорит, что у меня получится, — сказала она. — Я помогала ему... Он сказал, что я должна учиться.

— В Боливии есть большие города, а в них — университеты, — медленно проговорил Макс. — Но где мы возьмем деньги? Тебе надо съездить в Советский Союз с товарищем Цветковым, — сказал он с легкомысленным смехом. — Там, говорят, всех учат бесплатно. А он тебе не откажет, а? — Макс весело ткнул ее кулаком в бок. — Ты только пальчиком пошевели — и сделает все, как ты хочешь, а? Ведьма, — он снова весело рассмеялся, довольный своей шуткой.

— Да, — тихо ответила Мария.

Мария проснулась от того, что Макс заворочался, а потом резко приподнялся на локте.

— Что за шум? — спросил он.

Мария прислушалась. Что-то происходило под кухонным навесом — оттуда доносились голоса, радостные вопли и смех симба. Потом вступили кубинцы — Мария услышала

невнятные восклицания, и в них уже не было радости — только отвращение и гнев. Шум нарастал, спор явно переходил в ссору, и тут крики перекрыл резкий голос Че Гевары.

— Неужели они ограбили склад? — ахнула Мария. Представила, как приходит на кухню и видит перевернутые ящики, вспоротые мешки...

Она схватила рубашку Макса, кое-как натянула на себя и выскочила из палатки. Краем глаза заметила Цветкова, глядевшего на нее с удивлением и негодованием, — но ей сейчас было не до него. Макс выбрался следом, попытался остановить ее, но Мария, на ходу застегивая гимнастерку, уже бежала к кухне.

Там была целая толпа. Десяток симба сноровисто разводили очаг, не обращая внимания на кубинцев. Те молча сгрудились у края навеса, с ужасом глядя на своих африканских соратников. Из-за стола доносились отвратительные звуки: там кого-то рвало. Тату стоял с краю, с поднятым пистолетом в руке, и его лицо было перекошено от гнева. Мария взглянула на очаг и поняла, что симба вовсе не грабили продуктовый склад. Наоборот, они принесли кое-какие припасы.

С разделочного стола, заваленного какими-то окровавленными свертками, на Марию глядел инженер-бельгиец. Кровь запеклась вокруг обрубка шеи черным кольцом. Лицо Поля было искажено болью и еще — удивлением, будто он совсем не ожидал, что его могут убить... словно думал, что будет жить вечно, заключать глупые пари в «Пиццерии», заигрывать с девушками, ввязываться в авантюры...

Мария тоненько завизжала и, скрючив пальцы, пошла на сбившихся в притихшую кучку, искренне удивленных симба.

ГЛАВА 11

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Монастырь на болотах, ноябрь 2010 года

Юлька вытерла о штаны бумажную пыль и с отвращением оглядела громадный франко-испанский словарь, водруженный на шаткий столик посреди библиотеки. Запах креозота, которым была пропитана деревянная мебель и сундуки, казалось, въелся в волосы и в кожу. Здесь было сумрачно и прохладно, почти холодно; каждое движение отзывалось еле слышным эхом. Юлька старалась шевелиться как можно меньше: уж больно неприятен был этот звук на грани восприятия — будто кто-то невидимый находился рядом, мерил комнату неслышными, неторопливыми шагами, нашептывал на ухо... В течение трех часов она мужественно продиралась сквозь старую запись, одолевая незнакомый язык, корявый почерк, потертости на бумаге, уничтожившие целые фразы, и желание убраться подальше от этих шорохов и шелеста. Но история аристократки из Санта-Круса семнадцатого века, которая услышала зов Чиморте во время поездки к родственникам, увлекла Юльку. Кое-как одолев текст, она схватилась

за следующую пачку бумаги — и тут ей пришлось сдаться: запись оказалась на латыни.

После разговора с Таней первым порывом Юльки было сегодня же уйти из монастыря. Она уже успела подойти к воротам, когда ее накрыло: сердце вдруг забилося как сумасшедшее; легкие судорожно хватали воздух, но все будто впустую — Юлька задыхалась, пот застилал глаза. Панический приступ был такой силы, что она не могла даже шевельнуться — хотя тело требовало бежать, скрыться, запрятаться в самый дальний угол и укрыться с головой толстым одеялом... Хрипя, она осела на плиты двора и свернулась в комок, тихо постанывая от ужаса. Так ее и нашли монахини — и, причитая, отвели назад.

Еще день Юлька сопротивлялась. Она изо всех сил уговаривала себя, что приступ — следствие болезни, что она просто еще слишком слаба для нового путешествия через сельву. Ей пришлось пролежать весь день, то и дело задремывая и проваливаясь в багрово-черную, пронизанную жадным взглядом тьму, чтобы признаться: она боится святого Чиморте, кем бы он ни был на самом деле, существует ли он или только выдуман одуревшими от болотных испарений монашками... Чиморте и его приятелей, серых демонов с замечательным чувством юмора, которые смеются, когда обглаживают пальцы своих жертв... Боится, что мегатерий лично придет за ней, принадлежащей ему женщиной, чтобы вернуть на место. И не просто боится — сама мысль о том, что это может случиться, наполняет ее парализующей, сводящей с ума паникой...

После этого она засела в библиотеке. Библиотеки она тоже боялась, холодок в позвоночнике и постоянное напряжение не проходили, как она ни уговаривала себя, что это всего лишь особенности акустики. Но надо же было что-то

делать? Двигала Юлькой привычка считать, что безвыходных ситуаций не бывает и детская вера в то, что ответы на любые вопросы можно найти в книжках (ну или в Интернете). Погуглить она не могла; воображаемый запрос «как отделаться от святого Чиморте» доставил ей несколько минут мрачного веселья — и только. Но монастырская библиотека была забита книгами и рукописями, в которых наверняка можно найти нужную информацию. Помечтав с часок о возможности подключаться к сети напрямую, через мозг, как в романах киберпанков, Юлька по уши зарылась во вполне материальную, пахучую и слегка отсыревшую бумагу.

Намек на то, что на древнего зверобога есть управа, она нашла почти сразу. Больше того, из старой индейской легенды о Звере, белом человеке и хитреце-броненосце следовало, что святой Чиморте уже несколько сотен лет как связан и пленен. Юлька на мгновение представила, что было бы, если б он вырвался на свободу, и почувствовала, как волосы шевелятся на затылке. Она догадывалась, что легенда — это отзвук каких-то реальных событий, преломление живой истории в сумрачном восприятии индейцев. Но что на самом деле произошло на этих болотах во времена конкистадоров — Юлька пока не знала. Она перечла уже тонну старой бумаги — ответа не было... И вот эта запись на латыни. Сверху дата — римскими цифрами. Юлька была уверена, что ответ у нее в руках, но расшифровать его не могла.

Она огляделась. В темных углах шелестели невидимые страницы, тени клубились под высоким потолком, и казалось, что библиотека — живое существо, древнее, мудрое и равнодушное, утратившее чувства под грузом накопленных знаний... Воровато пригнувшись, Юлька сложила рукопись и спрятала ее в карман.

Раздался дикий визг, и Юлька с воплем выскочила из-за стола. Она обернулась на звук, готовая драться, бежать, упасть и умереть на месте от открывшегося взгляду кошмара... но увидела всего лишь Таню, стоящую на пороге.

— Давно пора смазать, — сказала она, недовольно оглядев дверь. — Скрипит, как капибара в объятиях питона.

Юлька с истерическим смешком рухнула на стул.

— Я чуть не описалась, — призналась она.

— Извините, не хотела вас пугать, — небрежно ответила Таня и задумчиво перебрала несколько листков. Рукав рясы скользнул вниз, открывая браслет. Если бы не только что пережитый ужас, Юлька бы рассмеялась от радости — так ловко и естественно выглядело украшение на тонком красновато-коричневом запястье. Она внимательно вгляделась в лицо монахини. Оно, как обычно, походило на лик статуи, вырезанной несколькими точными движениями из красного песчаника, такого же, из которого были построены стены монастыря. Но теперь что-то изменилось. Юлька присмотрелась повнимательнее. Она боялась обмануть себя, выдать желаемое за действительное, но была почти уверена, что из глаз Тани исчезла ее вечная яростная тоска... Вопрос — куда, подумала вдруг Юлька, и по ее спине снова пробежал холодок.

— Нравится? — спросила она, кивнув на браслет.

Таня улыбнулась.

— Видите — ношу, — ответила она. — Ищете что-то конкретное? — Таня отложила рукопись и с любопытством взглянула на Юльку.

Та замялась. И снова думаешь, можешь ли доверять этой индейской женщине?

— Ищу, как отсюда выбраться, — сказала Юлька.

Таня тихо рассмеялась.

— Очень просто. Стоит святому Чиморте порвать цепи, сковавшие его, — и мы все отсюда выберемся... Вот только цепи крепки, и выпустить его некому. У меня вот не вышло... — по лицу монахини пробежала тень. — А у вас Броненосец, — неожиданно сказала она, и рука Юльки непроизвольно метнулась к груди. — Хитрец-броненосец, проклятый бродяга, который обманывает богов ради развлечения и ради развлечения помогает им...

Юлька опустила руку. Хитрец-бродяга — это явно не про фигурку. А она уже успела испугаться, что у нее снова начнут вымогать предмет. Таня не заметила ее смятения — она продолжала говорить, невидяще глядя в сгущающиеся тени:

— Но этого мало, нужен еще человек. А святой Эрнесто погиб, и замены ему нет... — она горестно покачала головой. — Никому не по силам встать на его место.

Усилием воли Юлька прогнала видение: Сергей у мольберта, рисующий Че Гевару в окружении выступающих из полумрака конских морд. Кольнула сердце печаль — и прошла, притаилась на глубине души, оставив лишь слабую надежду: вот выберусь...

— Не понимаю, — проговорила она. — Ведь если Чиморте освободится... — ее передернуло. — Как это поможет сестрам?

— Ну, мы же здесь для того, чтобы удерживать его своей любовью, верно? Лаской и молитвой к богу белых не давать черной душе Зверя вырваться из башни. Ой, вам забыли сказать. — Таня хихикнула. — А как он освободится — так и наше служение станет не нужно, верно?

— Не понимаю, — повторила Юлька. — Тогда почему вы просто не уйдете?

— Ну мы же любим его, — пожала плечами Таня. — И вы полюбите.

Юлька покачала головой. Монахини держат Чиморте, а Чиморте держит монахинь... «Вниз по кроличьей норе», — пробормотала она себе под нос, но Таня услышала.

— Здесь вам не Англия, — сочувственно сказала она. — Проснуться не получится. Лучше придумайте, чем займетесь в ближайшие годы.

Юлька незаметно ощупала рукопись на латыни, спрятанную в карман. Оглядела еще не разобранные сундуки. Если здесь нашелся словарь испанского — может, найдется и латинский?

— Для начала раздам всем сестрам по серьгам, — сказала она с притворным легкомыслием. — Ну или по браслетам, кулонам или что там им еще подойдет.

— Как мило, — холодно сказала Таня. Она с подозрением посмотрела на Юльку, но вид у девушки был совершенно невинный. — И матери Мириам?

— В первую очередь — матери Мириам. Жалкая замена Обезьянке, но хоть что-то, — усмехнулась Юлька.

— Очень мило, — повторила Таня и вышла.

Юлька смотрела ей вслед, сосредоточенно хмурясь. Она надеялась, что ее дар никуда не делся, и была почти уверена в том, что сестры не откажутся носить ее украшения — все-таки в монастыре слишком мало радостей, чтобы отказываться. Материалов в мастерской полно, времени — к сожалению, тоже... и если она способна была действовать по описанию и фотографии, то с живыми людьми уж как-нибудь справится. «Мозги вскипят, — пробормотала Юлька, — ну да ладно, выдержу». Она не могла внятно объяснить, зачем ей надо исподтишка осчастливить весь монастырь; из сочувствия к сестрам — да, но не совсем поэтому и даже совсем не поэтому... Какой-то выход чудился в этом Юльке, какая-то возможность спасения.

Оставалось только выяснить, как сочетаются ощущение счастья и любовь к чудовищному Зверю из болот.

Чако Бореаль, Боливия, ноябрь 2010 года

Уход из Ятаки напоминал сдержанное, хорошо организованное бегство. Авторитет шамана сдерживал индейцев, не позволяя им разделаться с подозрительным приезжим, но было заметно, что их терпение на исходе. Еще немного — и гнев в адрес художника обратится и на Ильича. Тогда сеньору Чакруна припомнят все: и папу-коммуниста, и жизнь в «большом городе» Камири, и ритуалы аяваски для американских туристов. В конце концов, он не единственный шаман на всю Боливию; найдется другой, который возьмет Ятаки под защиту и обеспечит связь с духами. Только Макс чувствовал себя более-менее в безопасности: Сергей подозревал, что индейцы считают старого зверолова кем-то вроде блаженного. Но и на него уже бросали косые взгляды.

Им позволили похоронить отца Хайме и Бу под «деревом для разговоров», тем самым, на которое забирались аборигены в тех редких случаях, когда им было необходимо сделать звонок по единственному на всю деревню мобильному телефону. Макс, запинаясь и путаясь, с помощью подсказок Сергея, прочел «Отче наш». Старик то и дело сглатывал слезы, и Сергей догадывался, что он оплакивает сейчас совсем другого человека, умершего много лет назад. Когда могилу начали засыпать землей, несколько индейцев разразились горестными криками. Сергей отстраненно подумал, что отец Хайме обрадовался бы, если б мог их услышать: старый падре утверждал, что «эти упертые язычники» до сих пор не зарезали его

только из вежливости. Почти полвека он был уверен, что проповедует в пустоту; однако индейцы по-своему любили пад-ре — жаль только, что он об этом так и не узнал... Остаться в Ятаки больше было незачем.

Собирались недолго. Сергей как попало побросал в толком не разобранный рюкзак краски и несколько влажных футболок; Макс и вовсе явился из Камири с небольшим рюкзачком, больше подходящим для коротких прогулок по городу. Удивил шаман: в Ятаки он приехал с пустыми руками, однако теперь на его плечах висел увесистый рюкзак, покрытый пятнами плесени. Шаман морщился и тревожно косился на лямки, из которых лезли подгнившие нити: видно было, что рюкзак долго хранился в каком-то сыром углу на всякий случай, который в нормальной жизни никогда бы не наступил.

Они, не сговариваясь, вышли на тропу, ведущую к монастырю. Кажется, путь выбирал шаман; Сергей бездумно следовал за остальными, не обращая внимания, куда идет. Его чувства будто заморозили: то ли потрясение, вызванное боем, то ли откат после наркотической жабьей слизи... а скорее всего, и то и другое. Даже мысль о том, что было бы, если во рту или на губах нашлась хоть крошечная ранка и яд попал в кровь, не вызвала у художника и тени эмоций. Он автоматически переставлял ноги, пока Макс не потянул его за рукав.

— Не уверен, что они все-таки не решат нас догнать, — сказал он извиняющимся тоном. — Лучше бы нам уйти подальше.

Они свернули с основной тропы в еле заметный проход между кустарниками. Теперь вел Макс, ориентируясь по каким-то только ему ведомым признакам. На этой тропе не видно было человеческих следов — ее проложили животные, ходящие на водопой. Еще с километр Сергей механически

переставлял ноги, то и дело спотыкаясь и обдирая плечами влажный кустарник. Он не замечал все более встревоженных взглядов Ильича и Макса. В конце концов шаман остановился и пихнул художника в грудь раскрытой ладонью. Сергей покачнулся, едва не рухнув на спину, и отступил на шаг. Удивленно посмотрел на шамана.

— Я тебя зачем из Ятаки вытаскивал? — резко спросил Ильич. Художник моргнул.

— Я готов делать все, что надо, — сказал он. — Только скажите что.

— Друг мой, это ты должен сказать нам, что делать, — ответил Макс.

— Но лучше уж молчи, — перебил его шаман. — Мы рассчитывали на помощь мужчины и воина, но ошиблись. Тебя первая же драка превратила в кусок унылого помета. Бедный мальчик так расстроился и испугался...

Волна гнева захлестнула Сергея, смывая апатию. Он сжал кулаки и шагнул на шамана, готовый бить по этой равнодушной круглой роже — за падре, за Бу, за себя... за то, что его втянули в эту историю.

— Эй, эй, — испуганно проговорил Макс. Ильич ухмыльнулся и подпрыгнул, по-боксерски подняв кулаки.

— Ну, давай, — сказал он и легко ткнул Сергея в челюсть.

Тот замахнулся, собираясь сокрушить плоскую переносицу, стереть гнусную ухмылку с лица, — но шаман неожиданно ловко ушел под руку. Сергей почувствовал, как какая-то неодолимая сила увлекает его вперед и вниз, и рухнул на землю. Он сразу же вскочил, дико озираясь, готовый размазать Ильича в кашу, — но не увидел шамана. Перед ним стоял один лишь Макс Морено; старик тихо смеялся в усы. Сергей отлепил от лица мокрый коричневый лист и выматерился.

— Очнулся? — спросил из-за спины Ильич. Сергей резко повернулся, и шаман испуганно отскочил обратно за дерево. — Ну хватит, хватит. Вижу, что очнулся.

— Магия! — наставительно произнес Макс.

Сергей еще раз выругался и принялся счищать с ладоней налипшую грязь.

— А как же аяваска? — спросил он.

— На вас не напасешься, — ответил Ильич.

Сергей мрачно хохотнул. Как ни странно, злость и нелепая драка с шаманом действительно привели его в чувство. Он снова мог воспринимать окружающую реальность и даже интересоваться ей. Художник огляделся, пытаясь понять, куда они забрели.

На обочине тропы краснели мохнатые листья бегоний, а стволы деревьев обвивали хрупкие на вид, но смертоносные побеги лиан. Сергей присмотрелся — спирали стеблей завивались влево. Хмыкнул, припомнив слова Ильича: сельва помечает нехорошие, странные места, и лианы, которые всегда растут слева направо, вдруг поворачивают в другую сторону...

Пахнущий прелью и грибами воздух был неподвижен и настолько насыщен влагой, что дно оврага почти расплывалось, дрожало, подернутое дымкой. У испарений был странный голубоватый отсвет; на глазах у Сергея туман сгущался, становился плотнее, будто какой-то загадочный неосязаемый ветер стягивал его в одну точку... скорее, линзу. Сергей уже видел ее: круг голубоватого, переливающегося света, вертикально зависший поперек оврага. Художник прикоснулся к плечу Ильича, привлекая его внимание, кивнул вниз.

— Что это?

Шаман взглянул в линзу, пожал плечами:

— Могу только догадываться...

— Посмотрим поближе?

— Чего там смотреть, — проворчал Макс, но Ильич перебил его.

— Надо спуститься, — сказал он. — Возможно, это именно то, что мы ищем...

Они оглядели крутой склон оврага, поросший кустарником. Кое-где виднелись рыжие глинистые проплешины, блестящие от пропитавшей их воды. Спускаться было рискованно — в лучшем случае они бы съехали вниз, обдираясь о торчавшие сучья; в худшем — полетели бы кувырком... недалеко, но сломать шею хватило бы. Сергей уже хотел найти обход, но Макс остановил его. Задрав голову, он начал высматривать что-то в кронах. Вскоре старик нашел то, что искал: из темно-зеленой массы свисал стебель лианы толщиной в кулак.

— Дотянешься? — тихо спросил Макс. Сергей подпрыгнул, хватая стебель. Сверху посыпался растительный мусор, раздался возмущенный писк какого-то зверька, но лиана держалась крепко. Стебель был покрыт серой шершавой корой; он надежно лег в руку, и Сергей вопросительно взглянул на Макса.

— Что, кино про Тарзана не видел? — ухмыльнулся старик. — Отходи от края и поджимай ноги. Только держись покрепче и отпустить вовремя не забудь.

От короткого полета сердце зашлось восторгом; Сергей хотел уже издать дикий вопль, но вовремя сдержался, вспомнив про светящуюся линзу: неизвестно было, что или кто скрывается за ней. Он думал, что придется прыгать с высоты, однако лиана вытянулась под его весом, и художник приземлился на дно оврага, пропахав коленями две борозды в палой листве. Он отпустил стебель — тот упруго взвился вверх, качнулся назад и тут же оказался в руках Макса. Вскоре старик уже был рядом. Покосился на Сергея, буркнул: «из штанов

не выпрыгни», — и медленно пошел к линзе. Художник оглянулся — Ильич уже спустился; его плоское круглое лицо было совершенно невозмутимо, и Сергей почувствовал укол детской зависти.

По дну оврага тек мелкий ручей, почти полностью скрытый опавшими листьями, — Сергей заметил его, только когда под ногами захлюпала вода. Линза висела поперек лощины, почти касаясь краями ее склонов, — непроницаемый, необъяснимый круг света. Сергей оглянулся на своих спутников. В узких глазах Ильича отражался дрожащий свет линзы, но на лице не было и тени эмоций. Макс хмурился; очевидно, что старик с удовольствием бы убрался подальше отсюда.

— Я иногда видел такие штуки издали, — сказал он Сергею, отвечая на немой вопрос. — Ближе к монастырю они встречаются довольно часто. Обычно — голубые, но бывают еще красные, желтые... я видел отблески за деревьями, но никогда не подходил. Ну их. Мало ли непонятого встречается в сельве. Особенно — в этой сельве... — он взглянул на шамана, будто ожидая объяснений.

— Хосе Увера, — проговорил Ильич, не спуская глаз с линзы. — Пришелец из прошлого. Так вот как это выглядит...

— Не верю, — громко сказал Сергей.

Переливы света завораживали и пугали его, и это злило художника. Он сбросил рюкзак прямо на мокрую землю, подобрал обломок ветки и зашагал вперед, втайне надеясь, что его остановят. Но Макс и Ильич молчали. Чувствуя спиной их взгляды, Сергей подошел к линзе вплотную. Он ожидал чего-то — жара, холода, движения воздуха, — но не почувствовал ничего, кроме слабого запаха озона и тихого, на грани восприятия потрескивания, да и те скорее всего лишь почудились ему из-за электрической, переливчатой голубизны.

«Вот сейчас и узнаем», — подумал Сергей и покосился на ветку, пропитанную влагой. Если это что-то вроде шаровой молнии — то сейчас его путешествие закончится. Сергей зачем-то сощурился, услышал, как громко втянул в себя воздух Макс, и ткнул палкой в круг света.

— Не взорвалось, — прокомментировал Ильич секунду спустя. Макс шумно выпустил воздух и закашлялся.

— Экспериментатор, — проворчал он.

Сергей отбросил ветку. Только теперь он обнаружил, что его мелко трясет, а глаза заливают потом. «Мог бы просто сунуть пальцы в розетку, не выезжая из Москвы», — подумал он. Его всегда раздражали герои фильмов, лезущие на рожон, — и вот он сам уподобился им... и, неожиданно понял он, ему это понравилось. Хотя какое-то действие — вместо реакции на действия других. Кажется, последний месяц, а то и два он только и делал, что реагировал...

— Можно что-нибудь бросить туда и посмотреть, что выйдет, — сказал Сергей и, не дожидаясь ответа, присел над рюкзаком. — Так, это мне пригодится... и это... Вот, пожалуй, — он вытащил книгу в зеленой обложке, на которой был нарисован условный, но узнаваемый силуэт тираннозавра. — Все равно, чувствую, читать будет некогда, только лишнюю тяжесть таскать.

Макс сглотнул, и его кадык прошелся вверх-вниз, натягивая сухую морщинистую кожу.

— Что за книга? — тихо спросил он.

— Так, фантастика, еще советская, — махнул рукой Сергей и осторожно приблизился к линзе, неосознанно прикрываясь книгой. — Вы бы отошли, что ли...

— Может, не...

Макс не успел договорить: Сергей тихо сказал «оп!», бросил книгу прямо в пятно переливающегося голубоватого

света и торопливо отскочил назад, едва не сбив старика с ног. Линза беззвучно поглотила томик, лишь прошла по муаровой поверхности легкая рябь. Сергей выждал с полминуты. Ступая аккуратно, будто низкая поросль бегоний была минным полем, почти вжимаясь в крутые склоны оврага, он обошел линзу и присвистнул.

— Что там?! — выкрикнул Макс дребезжащим фальцетом.

— А ничего, — откликнулся Сергей. — Ничего там нет.

Он обошел линзу кругом и наконец увидел лицо старика.

— Что с вами? Вы как будто привидение увидели...

— Может, и увидел. Что за книга? — снова спросил Макс. Ильич слегка нахмурился; у шамана был такой вид, будто он решает сложную задачу. По физике, мысленно добавил Сергей.

— «Охотники за динозаврами» Шалимова, — удивленно ответил он. — А что? Она была вам нужна? Жалко, конечно, книга старая, да и подарок... один зоолог из Питера специально по букинистическим лавкам искал. Я в детстве эти рассказы очень любил. Да что с вами такое? Я зря ее туда закинул?

Макс покачал головой.

— Кажется, не зря, — медленно проговорил он. — Ты даже не представляешь, насколько не зря. Я почти пятьдесят лет думал, что это опечатка, — добавил он с нервным смешком.

— О чем вы?

— Какой там был год издания?

— Ну вы спросили! Не помню. Конец восьмидесятых — начало девяностых.

— Девяносто первый, — сказал Макс и провел рукой по глазам. — Книга издана в девяносто первом, и я считал, что это опечатка — перевернутая шестерка.

Ильич взглянул на недоумевающего художника и расхохотался. Макс свирепо взглянул на шамана, махнул рукой и тоже улыбнулся — печально и растерянно.

— Друг мой, вы только что обеспечили мою экспедицию в Конго. И все, что из этого последовало...

— Не понимаю, — напряженно проговорил Сергей.

— Сейчас поймете, — Макс покосился на линзу, — только давайте уйдем подальше отсюда. Рядом с этой штуковиной может быть опасно.

Они прошагали еще несколько километров до того, как стало темнеть. Лагерь разбили под невысокой скалой-останцем — было приятно ощущать, что хоты бы с одной стороны их прикрывает надежная каменная стена. С темнотой пришла и прохлада, и Сергей успел подумать, что ночевать в промозглой сырости, даже ничем не укрывшись, будет очень неприятно, но тут, к его удивлению, Ильич извлек из рюкзака три древних тонких спальника. Макс уже разводил костер.

— Умеешь лазать по деревьям? — спросил он через плечо. Сергей с кривой ухмылкой кивнул: последняя его попытка залезть на дерево закончилась падением во двор борделя в Камбри. — Вон там, — Макс ткнул за скалу, — растут наши матрасы.

Обогнув останец, Сергей обнаружил несколько древовидных папоротников: прямые мохнатые стволы и шапка длинных листьев наверху — зеленых и упругих сверху, но с оборкой мертвых, обвисших — понизу. Они неприятно напомнили художнику дреды Бу, порывевшие от крови. Сергей потрянул головой, отгоняя воспоминания, и ухватился за ствол ближайшего дерева. Лазать по папоротнику оказалось легко. Вскоре художник вернулся к костру с огромной охапкой сухих листьев и — обнаружил, что Макс обдирает небольшую змею.

— Анаконда, — сказал он обомлевшему Сергею. — Совсем еще детеныш. Ты же ехал к нам за экзотикой? Я стараюсь, мог бы и спасибо сказать.

— Синьор Морено шутит, — негромко объяснил Ильич. — У нас всего три банки тушенки, и я не уверен, что она еще не протухла — запасы я делал несколько лет назад, когда собирался исследовать окрестности монастыря. Спальники почти целы — и то радость, могли и съесть...

Сергей сердито пожал плечами и снял с огня закипевший котелок. Уточнять, кто именно мог закусить синтепоном, не хотелось. Во второй посудине уже плавали в ожидании змеиного мяса какие-то листья; на всякий случай Сергей не стал к ним присматриваться.

— Калемаса рядом со спальниками, — сказал Макс.

— Ну уж нет, — буркнул Сергей, зарылся в свой рюкзак и выудил несколько чайных пакетиков. — Запивать змею мате — это уже перебор.

— Я заметил здесь рядом куст дикой коки, — вмешался шаман. Его лицо по-прежнему было неподвижно, но в глазах прыгали веселые искорки.

— Не заснем, — отрезал Сергей и бросил пакетики прямо в котелок. Макс шумно вздохнул и принялся рубить змеиную тушку на куски.

— Может, вы пока расскажете нам про книгу, Макс? — спросил Ильич. Старик шумно вздохнул, сунул нож Сергею и закурил.

— «Охотники за динозаврами», — сказал он. — Вы знаете, Ильич, я сам когда-то был охотником за динозаврами...

Суп съели — анаконда оказалась неожиданно вкусной; чай выпит; а старик все говорил. Отблески костра прыгали по лицу, отбрасывая причудливые тени; Макс то и дело принимался размахивать руками, и его лицо искажалось болью.

Сергей закурил новую сигарету — слушать старика было тяжело; воспоминания о Конго не из приятных. «Мои предки много чего повидали в Африке», — всплыли в памяти слова Юльки. Теперь Сергей понимал, что она имела в виду...

— Итак, — сказал Ильич Чакруна, выслушав рассказ Макса. — Две тысячи десятый год. Вы бросаете книгу «Охотники за динозаврами», и она исчезает. Будь это любой другой предмет — это было бы странным курьезом, и только... Но. В шестьдесят четвертом году некто Макс Морено, зверолов, — Макс насмешливо поклонился, — проезжая через здешние места, находит книгу. Вот эту самую. Возможность того, что книги просто случайно похожи, мы не рассматриваем?

— Случайно! — ядовито воскликнул Макс и скорчил рожу.

— Хорошо, книга та самая. Значит, она переместилась во времени...

— И в пространстве, — добавил Макс. — Я ее подобрал километрах в двадцати к западу отсюда...

— Значит, это линзоподобное образование позволяет... Ну надо же! — Ильич широко ухмыльнулся и хлопнул себя по колену так, что над шортами поднялось облачко пыли. — А ведь я слышал легенды о светящихся дверях в другие миры, и все искал в них метафорический смысл... и ведь находил.

— Ты слушал, что было дальше? — заволновался Макс. — Я же только из-за этой книжки потащился в Конго, так бы мне и в голову не пришло. То есть из-за тебя, — он повернулся к Сергею, — я попал в лагерь повстанцев, познакомился с Марией, обзавелся в итоге внучкой и прислал ей Броненосца... а она втянула в это дело тебя.

— Я подозревал, что сам нахожу приключения на свою задницу, — ответил Сергей. — Но не ожидал, что делаю это так замысловато.

Макс фыркнул, но Ильич без тени усмешки покачал головой.

— Да, цепь событий запустил ты, — сказал он. — Теперь понятно, почему все нити сходились на тебе. Ты запустил цепь событий, Дитер принес жертву, и понеслось... а что до странностей со временем — так в Нижнем Море его нет. С точки зрения богов и духов, совершенно все равно, что произошло раньше, а что — потом...

Ильич задумался, обхватив голову руками. Сергей потрясенно молчал. До сих пор он был уверен, что его тащит за шкуру неумолимое стечение обстоятельств, а теперь оказалось, что причиной этому был он сам. Один небрежный жест — и задвигались, заскрипели детали ткацкого станка, древнего, как эти болота, как сама вселенная... Художник прислушался к себе и с удивлением понял, что ему это нравится. Растерянность, не оставлявшая его со дня приезда в Боливию, исчезла. Ее сменили жажда действия и уверенность, что в нужный момент он сможет принять правильное решение. В конце концов, ему же с самого начала твердили, что он — именно тот человек, который может освободить Чиморте и контролировать его. Теперь Сергей в это верил.

Он поднял глаза и обнаружил, что Ильич Чакруна смотрит на него с надеждой и страхом. Он кивнул шаману, перевел взгляд на старика.

— Ну и дела. У тебя прямо лицо поменялось, — удивленно сказал Макс. — Что будем делать?

— Завтра же отправимся в монастырь, — ответил Сергей. Он чувствовал, как его несет, и не собирался останавливаться. — Пора заглянуть в берлогу Чиморте.

ГЛАВА 12

ОБМЕН

*Партизанский лагерь в Катабамбе, Конго,
сентябрь 1965 года*

— Чего тебе, Нгеле? — раздраженно спросил Цветков.

Он никак не мог свыкнуться с манерой колдуна беззвучно возникать в палатке — старикан двигался так быстро и тихо, что, казалось, просто сгущался из сумрачного лесного воздуха. Каждый раз, обнаружив его рядом, Цветков вздрагивал от неожиданности. Вот и сейчас дневниковую запись украсила длинная загогулина, оставленная дернувшейся рукой. Внушить колдуну мысль о необходимости стучаться или еще как-то давать знать о своем появлении Андрей так и не смог.

— Так что тебе? — повторил он.

Нгеле молчал и мялся, скреб ногтями морщинистую грудь, почти скрытую ожерельем из бисера и звериных зубов. Глаза с розовыми от прилившей крови белками рассеянно шарили по скудной обстановке. Казалось, он уже успел передумать и пожалеть о своем приходе — чего бы там ни хотел. Цветков не брался угадывать: колдун был совершенно непредсказуем,

он мог отмахать несколько километров сквозь лес только для того, чтобы попросить ручку или шоколад, а мог из каких-то смутных, необъяснимых соображений вдруг поделиться новым знанием — или местным суеверием, представляющим исключительно этнографический интерес, или высосанной из грязноватого морщинистого пальца байкой. Андрей с удовольствием бы послал колдуна куда подальше. Но Нгеле единственный, кто вообще соглашался разговаривать с белым человеком; а добывать информацию через чернокожих кубинских инструкторов было ненадежно и рискованно. И Цветков терпел.

— У тебя есть сладкое? — заговорил наконец Нгеле.

Цветков сердито закатил глаза и, загораживаясь плечом, зарылся в чемодан. Почему его припасы до сих пор просто не своровали оголодавшие повстанцы — он не понимал и просто тихо радовался, пока не вспоминал, что его НЗ идет в основном на взятки и задабривание Нгеле. Шоколада оставалось полплитки. Андрей отломил дольку и протянул колдуну. Тот положил лакомство в беззубый рот, почмокал.

— Вкусно, — сообщил он.

Еще б не вкусно, подумал Цветков, ощущая голодный спазм в желудке. А колдун снова принялся мяться и вздыхать. В уголке рта появился коричневая шоколадная пенка, и Нгеле медленно слизнул ее, глядя куда-то в угол. Ну же, подумал Андрей, выкладывай, рожа обезьянья, сморщенная, твою ж дивизию...

— Я знаю, как сделать, чтобы человека убивали, а он не умирал, — сказал наконец колдун, по-прежнему блуждая глазами.

От неожиданности Цветков даже не сразу понял, о чем идет речь. Несколько месяцев Нгеле юлил, вздыхал и закатывал

глаза, и Андрей успел увериться, что на самом деле колдун ничем не может помочь. И вдруг...

— Ты спрашивал, — сварливо проскрипел Нгеле, не дождавшись ответа. — Ты спрашивал. Я знаю.

— И как же? — недоверчиво спросил Цветков.

— Очень трудно. Очень опасно. Идти надо далеко, долго... Рассказать не могу, могу только сделать. Но не буду, боюсь. Духи разгневаются, очень сильно разгневаются.

Ну конечно, мысленно простонал Андрей. Здесь шоколадом не отделаешься — старый жулик знает, что эта информация нужна нам позарез, и будет торговаться до последнего.

— Может быть, гнев духов можно как-то смягчить? — осторожно спросил он. — Задобрить подарками?

— Можно, — согласился Нгеле. — Нужен совсем особенный подарок, я передам его духам, и тогда они не рассердятся.

— Большой подарок? — спросил Андрей, мысленно прикидывая, чем он располагает. Колдун может не взять деньги, в нынешнем Конго все понимают, что это — бумага; скорее всего, потребует коз или оружие, тогда все усложнится...

— Маленький подарок, — перебил колдун поток расчетов. — Маленький, но особенный.

Он замолчал и снова принялся блуждать взглядом по палатке, избегая смотреть Цветкову в глаза. «Да что ж ему нужно? — подумал Андрей. — Или это просто новая манера торговаться?»

— Так скажи же, что за подарок нужен духам, и я постараюсь...

— Скажи Тату, чтобы приказал белому охотнику отдать мне одну вещь, — сказал Нгеле. Теперь он смотрел прямо на Андрея, подавшись вперед; его скрюченные пальцы неприятно шевелились. — Он знает какую.

— Это сложно, — проговорил Цветков. — Если ты скажешь, что это за вещь, я смогу...

— Всего лишь маленький подарок для духов, — елеинным голосом объяснил колдун. — Совсем маленький подарочек. Тату знает. А я сделаю так, чтобы великий вождь из-за моря не умирал, когда его убивают.

Что же понадобилось отобрать у Макса Морено этому старому жулику? Что-то уникальное — колдун несколько месяцев делал вид, что вообще не понимает, зачем понадобился Цветкову и Че Геваре, строил из себя дурака, как только речь заходила о цели операции, и явно собирался продолжать в том же духе. А тут вдруг заговорил — не больше недели прошло. Что такое есть у охотника, чего нет ни у кого другого в лагере? Неплохо бы этим заняться...

Андрей покосился на колдуна — тот стоял с независимым, почти наглым видом; куда подевалось льстивое подобострастие? Цветков всегда знал, что за слащавыми речами Нгеле кроется презрение, звериная хитрость, возможно даже — ненависть, но не слишком огорчался: колдуну было выгодно отираться при базе партизан, и он вел себя относительно привычно. Однако теперь Нгеле готов был показать зубы: он видел, что Цветков у него на крючке.

— Пусть Тату скажет, чтобы белый охотник отдал мне предмет, — повторил он. — А ты отдашь мне шоколад, весь, что остался.

Не выдержав, Андрей расхохотался в голос. Колдун немедленно надулся, сложил руки на груди и принялся смотреть в угол. Андрей подавил неуместный смех и торжественно сказал:

— Я прослежу, чтобы ты получил нужные подарки для духов, Нгеле. А теперь расскажи мне, что надо делать.

***

— Вы по-прежнему готовы отдать мне фигурку, товарищ Морено? — спросил Че.

Макс удивленно взглянул на команданте, на товарища Цветкова, скромно сидевшего в углу с нарочито равнодушным лицом, и пожал плечами. Казалось, про Броненосца уже все забыли; за то время, которое Макс провел в лагере, ни Че Гевара, ни колдун Нгеле ни разу не упомянули о фигурке. Макс так и носил темные очки, чтобы скрыть разноглазость, — и надеялся, что больше никто не заинтересуется тихим наемным механиком. Достаточно было того, что русский, увивавшийся за Марией, смотрел на Макса волком — видимо, заметил что-то; да они особо и не прятались. Чутье подсказывало Макс, что Цветков может быть опасен; да и Че Гевара не зря просил не упоминать о Броненосце при советском консультанте. И вдруг — спрашивает о фигурке прямо при Цветкове...

Макс молча вытащил Броненосца и положил перед Че. Цветков вытянул шею, заглядывая через плечо команданте, но тот накрыл фигурку ладонью.

— Можно посмотреть? — не выдержал русский, но команданте только покачал головой.

— Спасибо, товарищ Морено, — нарочито сухо произнес он.

Макс снова пожал плечами — не отвечать же «на здоровье», в самом деле.

— Еще одно, — сказал Че Гевара. — Мы с товарищами Цветковым и Нгеле собираемся предпринять небольшую экспедицию. Продуктов у нас, сами знаете, мало, мои кубинские товарищи — плохие охотники, а конголезцы... я бы взял в отряд кого-нибудь из них, но есть возражения. — Он скривился, но быстро взял себя в руки и продолжал: — Если бы вы...

— Товарищ Гевара! — возмущенно вмешался Цветков, но Че жестом остановил его.

— Вы готовы пойти с нами? Возможно, вам, как зоологу, это будет интересно — мы собираемся исследовать довольно дикие районы.

Макс покосился на Цветкова. Тот сидел, напряженно выпрямившись и поджав губы. Ему явно очень не хотелось, чтобы в походе участвовал Макс, чем-то он мог помешать ему. Макс заколебался. С одной стороны, он засиделся в лагере, непонятное положение и косые взгляды некоторых кубинцев успели надоесть ему, а экспедиция могла оказаться интересной. С другой — Макс не нравился Цветков, и он подозревал, что в маленьком отряде рано или поздно между ними случится ссора, и неизвестно, чем она закончится.

— Ну конечно, — вдруг оживился русский, заметив колебания Макса и истолковав их по-своему. — Товарищ Гевара, — повернулся он к команданте, — а ведь он прав. Мы не можем оставить девушку без защиты после ее конфликта с симба... кубинские товарищи могли бы присмотреть за ней, но они часто покидают лагерь...

Че Гевара хмыкнул и насмешливо взглянул на Цветкова.

— Ваше благородство поразительно, — иронически заметил он. — Но нам нужен охотник.

Цветков смущенно улыбнулся и замахал руками:

— Нет-нет, товарищ Гевара! Вы меня не так поняли. Мое предложение — пусть Мария идет с нами. Она крепкая, сильная девушка... к тому же прекрасно готовит. И нашему охотнику будет лишний повод согласиться, — не удержался он от шпильки.

Команданте с изумлением взглянул на Цветкова, и тот ответил добродушной, чуть смущенной улыбкой. Однако

глаза его не улыбались. Глаза его оставались холодными, как у рыбы; взгляд давил, настаивал, будто Цветков пытался внушить Че Геваре какую-то мысль, которую не хотел произносить вслух — по крайней мере при Максе. «Так-так, — подумал зверолов, — что-то интригует наш советский товарищ...» Он взглянул на стол — фигурка Броненосца уже исчезла; видимо, Че Гевара незаметно убрал ее во время спора. Но глаза у команданте по-прежнему были карие, и Макс мимолетно удивился: зачем команданте предмет, если тот его не слушается?

— Я пойду, — сказал он. Че Гевара и Цветков разом повернулись к нему; казалось, за своим молчаливым противостоянием они успели забыть о зверолове. — Пойду с вами охотником, — напомнил Макс. — Если вы еще не передумали, конечно.

— Ни в коем случае, — ответил Че. — Я рад, товарищ Морено.

Макс посмотрел на Цветкова: тот снова сидел с выражением полного равнодушия, почти скуки, но было заметно, что он страшно чем-то доволен. Но не тем же, что удалось протащить в отряд Марию? Чему тут радоваться — неужели он не понимает, что девушка будет проводить ночи вовсе не с ним? К тому же Цветков явно был не из тех людей, которым страсть способна застит глаза. «Да что здесь происходит, черт возьми? — подумал Макс. — Впрочем, бог с ними, с этим революционерами; а разведать глухие районы Конго мне будет полезно, война-то рано или поздно закончится». Тут он вспомнил, что решил завязать со звероловством, но только пожал плечами: можно просто наблюдать, в конце концов. Жаль, фотокамера пропала в суматохе, когда на его стоянку напали симба; но глаза-то еще, к счастью, на месте, и голова пока тоже...

***

...Лулимба. На пыльной деревенской площади Че Гевара произносит горячую речь перед местными крестьянами; под его ногами роются куры, скудная тень акации ложится на лицо, как сеть, как решетка. Черные лица застыли, как маски; команданте слушают внимательно, но никак не реагируют на слова, не улыбаются в ответ на шутки. Макс провел в Конго достаточно времени, чтобы понимать — для африканцев, людей, способных создать шумную толпу из трех человек, это неестественно, неправильно; что-то не так. Он смотрит на кубинцев — те явно разделяют его мысль; пальцы крепко сжимают приклады винтовок, глаза настороженно обшаривают площадь. Че Гевара заканчивает выступление — убедительно и энергично, как всегда; по площади, как слабый ветерок, пробегает говор — и стихает. Макс смотрит на Нгеле. Колдун скалится и слегка расслабляет кулак, сжатый в течение всей речи. Солнце синим пламенем бьется в стеклах темных очков. Макс снова оглядывает площадь и вдруг понимает, что жители деревни напуганы, напуганы как никогда в жизни, и не может понять, что могло привести этих людей в такой ужас.

...Лобонджа. Старикан Нгеле так и не снимает черных очков; в сочетании с набедренной повязкой и каскадами бус они выглядят пугающе. С морщинистой физиономии не сходит сдержанная улыбка превосходства. «А что, — небрежно спрашивает Макс, — у бедняги та же болезнь глаз, которой страдал я?» Че Гевара не отвечает ему, и Макс чувствует глухое раздражение. Кому он на самом деле отдал Броненосца? Зачем? Чтобы отвлечься, Макс подолгу рассказывает Марии о тираннозаврах, которых он поймает после войны. Девушка слушает невнимательно. Глаза у нее больные, беспокойные

и испуганные, как два зверька, попавшихся в силки. Она почти не отходит от кубинцев, будто пытается спрятаться за их широкими спинами. Цветков подолгу уединяется с колдуном; возвращается он мрачнее тучи, матерясь вполголоса, и местные смотрят на него с уважением и страхом: русский мат звучит для африканцев как зловещие заклинания.

...Физи. Нгеле вдумчиво толкует с местным колдуном; оба сидят на корточках в тени, отбрасываемой стеной школы. Они походят на грифов-падальщиков; тихие фразы, которыми они обмениваются, напоминают зловещее курлыкание черных птиц, ожидающих, пока сдохнет раненое животное. Че Гевара произносит новую речь; здесь ее встречают с энтузиазмом. На лицах конголезцев — восхищенное внимание и радостная готовность хоть сейчас взяться за оружие. Двое кубинцев остаются для организации отряда. Остальным надо идти дальше. «Ты знаешь, что мы ищем? — спрашивает Мария. — Не нравится мне это». Максу нечего ей ответить. Ему не нравится улыбка колдуна. По ночам Мария плачет и детским доверчивым голосом разговаривает с кем-то на незнакомом языке; Макс не может разобрать слов, но понимает интонации: она жалуется, она просит защиты.

...Барака. Снова куры, грязь, влажная, малярная жара; козы обгладывают кору умирающих деревьев. Цветков обгорел на очередном митинге, его веснушчатая физиономия побагровела и лоснится, как задница макаки. Он снова ухаживает за Марией; к досаде Макса, она отвечает ему с неожиданным энтузиазмом. Не в силах слушать кокетливый смех девушки и новую речь команданте, Макс уходит на окраину поселка. Рассеянно подсказывает горбатой старухе, говорящей по-французски, как найти «этого человека с Кубы, который учит, как делать революцию, говорят, он святой, хоть бы

одним глазком взглянуть». Спohватившись, он понимает, что в лучшем случае Гевара счел бы его объяснения непростительной ошибкой; в худшем — расценил бы как предательство. Старуха уже целеустремленно ковыляет по пыльной улочке. «Вообще-то он не любит, когда беспокоят», — говорит Макс ей в спину. «Одним глазком», — отвечает горбунья, не оглядываясь. В конце концов, это всего лишь безобидная старуха, утешает себя Макс. Он надеется, что горбунья действительно хочет всего лишь посмотреть на «партизана Тату» — иначе ему придется выслушивать ядовитую ругань команданте.

...Мболо. Макс клюет носом: накануне ему почти не удалось поспать. Мария была страстна, как никогда, ненасытна, почти жестока, и все ласки, все усилия Макса проваливались в черную дыру страха. Под утро Мария задремала, беспокойно и поверхностно, и снова говорила детским голосом. Макс удалось разобрать имя: Мириам. Утром он спросил о ней — и теперь сидел, сонный и злой, обруганный и покинутый. Мария не захотела говорить о своем страхе. Он слышал, как она смеется шуточкам Цветкова — истерический, звенящий от напряжения смех. Что с ней? Не понять, думал Макс, никогда мне не понять этих женщин, этих людей, эту жизнь. Зачем Тату позвал с собой? Какая здесь охота, в этих деревнях? Ставить силки на деревенских кур, стрелять разрывными в отощавших зебу? Макс хмурo взглянул на возникшего перед ним кубинца.

— Команданте зовет, — сказал тот.

Штаб организовали прямо на улице, в тени единственного на весь поселок большого дерева — обычно там устраивали рынок, но сегодня почетное место было отведено приезжим. Че Гевара, Цветков, Нгеле и переводчик сидели на циновках;

чуть поодаль столпились все дети поселка — и несколько взрослых. Че Гевара что-то сказал переводчику; тот хлопнул в ладоши, закричал на зрителей — те неохотно отошли подалее и продолжили наблюдать с добродушным любопытством. Макс позавидовал им. Он ничего хорошего от этого собрания не ждал. Присев на свободный кусочек циновки рядом с переводчиком, он принялся слушать.

— Карты, конечно, нет, — говорил Че, — но товарищ Нгеле утверждает, что может найти дорогу по приметам, рассказанным его дедом. Будем надеяться, что это так. Проводника нанять не удалось, местные погрязли в суевериях и шагу боятся ступить в джунгли.

— Потому что там Черные Ю-Ю, — важно объяснил колдун. — Злые демоны, которые завораживают людей, а потом откусывают им пальцы. Кроме того, там...

Макс издал неопределенный звук, и Че Гевара цепко взглянул на него.

— Хотите что-то сказать, товарищ Морено? — спросил он. — Вы что-то об этом знаете?

Макс покачал головой, но команданте не отводил взгляда, и он решился:

— Я слышал байки о демонах, которые откусывают пальцы, в Боливии, — сказал он.

— И что?

— А ничего, — ответил Макс с прорвавшимся раздражением. — Я понятия не имею, о чем идет речь. Я собирался охотиться, а вместо этого... — он безнадежно махнул рукой.

Че Гевара на секунду задумался.

— Товарищ Цветков, я продолжаю настаивать на том, чтобы все члены экспедиции были знакомы с ее целями, — сказал он.

— Включая солдат и кухарку? — насмешливо спросил тот.

— Включая солдат и кухарку, — твердо ответил Че. — Они должны знать, куда мы идем.

— И зачем, конечно, тоже...

— Товарищ Цветков, я понимаю вашу иронию, но она сейчас неуместна. Люди должны быть готовы к опасностям. Товарищу Морено предстоит охотиться в этих джунглях, он может заметить то, что не увидим мы, и хорошо бы ему знать, что мы ищем.

— Так что мы ищем? — вмешался Макс. Цветков шумно вздохнул, закатил глаза, но все же ответил:

— Место силы. Зачем — я по-прежнему считаю, что вам знать не надо, — он коротко взглянул на Че, и тот кивнул. Макс сердито пожал плечами.

— Как оно выглядит, это место? — спросил он.

— Развалины древнего города с черной башней в центре, — ответил команданте. — Остатки древнейшей африканской цивилизации, толком никем не изученные. Товарищ Нгеле утверждает, что там очень тонка грань между мирами и это поможет ему... в его работе. Так что вы знаете о Черных Ю-Ю?

— Я знаю только о серых демонах, грис дьябло, — ответил Макс, — но, судя по одинаковым дурным привычкам, они родственники.

Че Гевара коротко рассмеялся.

— Надеюсь, ваши серые демоны не поспешат своим африканским братьям на помощь, как это сделали мы, — сказал он.

«Кроме того, там обитают гигантские чудовища, помесь крокодила и сурка, порожденные испарениями Нижнего

Мира», — хотел добавить Нгеле, но передумал, поэтому случившееся позже стало полной неожиданностью для всех — даже для Макса. На ночь выставляли часовых на случай, если партизан выследили солдаты правительства — или, чем черт не шутит, конкуренты колдуна. Но лишь Мария всерьез боялась погони. Ей не с кем было поделиться своим страхом, некого предупредить: стоило признаться, что ее отслеживают, и пришлось бы рассказывать все, а Марии было проще погибнуть, чем рассказать кому-то из спутников про Обезьянку. Ей оставалось только жаться поближе к костру и надеяться, что Горбатая Мириам снова сбилась со следа. Днем ей удавалось убедить себя, что опасность миновала; но ночью каждый древесный корень, каждая тень оборачивалась силуэтом проклятой старухи.

Мболо был последним поселком на их пути; вскоре отряд покинул хоженные дороги и углубился в покрытые джунглями предгорья. Казалось, они вернулись в Лулаборг: вокруг снова царили вечные сумерки. Перед ними без края тянулись колонны древесных стволов; землю покрывал толстый ковер листьев, глушивших шаги, глотавших любые звуки. Здесь не могло выжить ни одно растение, и лишь россыпи поганок самых причудливых форм и оттенков покрывали трухлявые пни. Эти грибы, внушающие Максу отвращение и ужас, вызывали у Цветкова бурный восторг: каждый вечер он склонялся над блокнотом, чтобы сделать зарисовки экземпляров. Некоторые из рисунков снабжались обширными примечаниями: среди поганок попадались сильные психоделики, и Нгеле неохотно, но подробно описывал их свойства. В джунглях колдун притих, старался держаться поближе к Цветкову и почти заискивал перед ним: то ли проникся уважением к холодной деловитости ученого, на которого почти

не действовала угнетающая обстановка джунглей, то ли рассчитывал, что тот каким-то образом сможет защитить его от Черных Ю-Ю.

Чтобы сориентироваться в пространстве, иногда приходилось забираться на гигантские деревья — так высоко, что голос дозорного едва доносился до спутников. Лезть по голым, лишенным ветвей стволам было опасно — но наградой становился дневной свет, так что желающие всегда находились. Через несколько дней пути, когда всем уже начало казаться, что джунгли — бесконечны, а солнце — всего лишь сон, один из древолазов сообщил, что видит озеро.

Озеро было главным ориентиром, указателем на то, что цель похода близка. В этот день дальше идти не стали — заночевали на месте, не сговариваясь; даже Че Геваре без всяких обсуждений было понятно, что развалины древнего города, места силы, и ночь — это плохое сочетание. Судьба операции «Неуязвимый» должна решиться завтра.

Макс вынырнул из крон, как из-под воды, и зажмурился от непривычно яркого света. Но вскоре глаза привыкли, и он смог оглядеться. Близился закат, и в лучах низкого солнца поверхность озера отливала медью. Макс чувствовал слабые запахи чистой воды и цветов, но воздух был неподвижный, тяжелый и густой — похоже, близилась гроза. Часть берега была заболочена и поросла тростниками; в них виднелись ходы, и почва у кромки воды была истоптана множеством ног — это места водопоя. Макс долго щурился в бинокль, пытаясь рассмотреть отдельные следы во взрытой, бликующей на солнце влажной грязи. Быстро темнело; в джунглях у озера замерцали призрачные огни — то ли огромные гнилушки, то ли скопления статического электричества; а может, странные

образования вроде того, рядом с которым была найдена книга...

На берегах озера уже скопились густые тени, и Макс оставил свои попытки разглядеть следы. Спустившись с дерева, он отправился искать Че. Заодно проверил, на месте ли ящик удивительно знакомого вида, который кубинцы, надрываясь, тащили от самой базы. Ящик был на месте, и Макс ласково похлопал его по занозистому боку, покрытому синими татуировками штампов. Команданте обнаружился в палатке — хмуро писал что-то в дневник.

— Товарищ Тату, — тихо окликнул Макс. Че Гевара поднял голову и недовольно поглядел на зверолова. Дышал он тяжело и шумно — видимо, близился новый приступ астмы. — Распорядитесь, чтоб мне выдали винтовку самого крупного калибра и разрывные патроны.

Команданте задумчиво прищурился.

— Вы полагаете, они понадобятся? — спросил он.

— Полагаю, — кивнул Макс. — И точно знаю, что они у вас есть. Я узнал ящики, — объяснил он в ответ на насмешливый взгляд команданте. — Это снаряжение охотников, а не солдат. Мое снаряжение.

— Вы еще свои грузовики назад потребуйте, — проворчал Че Гевара и закашлялся. — Собственник...

— Мне нужны разрывные, — повторил Макс. — Вы сами завтра будете рады...

Че дернул плечом и быстро нацарапал записку.

— Вот, отдайте товарищу Моджа, — сказал он, протягивая листок бумаги. — Что-то еще?

Макс помялся.

— Эти Черные Ю-Ю, — сказал он. — Не стоит ночевать завтра у озера. Лучше оставить лагерь здесь.

— Не думаю, — ответил Че Гевара и снова взялся за ручку. — Можете идти, товарищ Морено.

Двумя часами раньше Мария, не выдержав давления выпитой за день воды, отошла от лагеря. Идти пришлось далеко — редкие, голые стволы не давали укрытия, и лишь метров через пятьдесят Мария нашла толстую корягу с растопыренными корнями, за которой можно было присесть. Она едва успела задрать подол, как за спиной раздалось тихое, вкрадчивое хихикание. Мария застыла; горло перехватило — ни крикнуть, ни даже застонать... Со стыдом и ужасом она почувствовала, как по ноге льется горячая струя — организм не выдержал ожидания и страха. Кто-то снова засмеялся, и волосы вдоль хребта встали дыбом. Гиена? Черный Ю-Ю? Мария не слышала шагов, толстый слой опавших листьев глушил любые звуки, и подкрасться к ней мог кто угодно. Тихо хрустнула ветка; Мария почувствовала на шее дыхание, пахнущее пылью и старостью; почувствовала, что уже может кричать, и вздохнула, но тут между лопатками ткнулось что-то твердое и очень холодное.

— Не кричи, деточка, — прошелестел знакомый голос, и Мария с шумом выпустила воздух. Она могла видеть, как между деревьями мелькают спины кубинцев, разбивающих лагерь, как бледными бабочками летают руки Цветкова, что-то объясняющего колдуну. Стоило русскому оглянуться — и он увидел бы Марию, застывшую с задраным подолом, и Горбатую Мириам у нее за спиной. Горячие слезы потекли по лицу.

— Умница, деточка, — прошептала старуха и сильнее вдавила железо в спину девушки. — Отпусти юбку, не позорься. И тихо-тихо поворачивайся...

Мария наконец оторвала руки от подола и развернулась. Горбатой Мириам она не увидела — старуха все время оставалась сзади, не отнимая железа от спины девушки. «Иди», — шепнула она, и Мария послушно побрела прочь от лагеря.

Они двигались в сторону озера. Сумрак стремительно сменялся непроницаемой темнотой, подсвеченной невиданными, мертвенными огнями. Мерцали стволы деревьев, палые, гнилые листья переливались холодным зеленоватым светом, и на них перемигивались светляки. Края грибных шляпок сияли пурпуром, золотом и синевой. Свет отделялся от предметов и сгущался — краем глаза Мария заметила ярко-алый круг, висящий прямо в воздухе, потом — желтый... Когда впереди замерцала синева, Горбатая Мириам решила, что они ушли достаточно далеко.

Давление на спину ослабло, а потом вовсе исчезло. Мария развернулась, почувствовав, как движение воздуха обдало холодом мокрую от пота спину. Горбатая Мириам стояла, по-обезьяньи свесив кисти, и оружия в руках не было. Голубые блики плыли по морщинистому лицу, углубляли тени, превращая его в резную маску колдуна. За пятном света виднелись какие-то нагромождения камней — то ли скалы-останцы, то ли развалины гигантских зданий, гибнущих под грузом растений... Мария не стала к ним присматриваться.

— Ты слишком много времени проводишь с мужчинами, деточка, — укоризненно проговорила старуха. — Ты заразилась их верой в оружие и силу. Глупо. Ты же женщина, тебе это не к лицу.

Она наставительно подняла указательным палец, и Мария поняла: то, что она приняла за дуло пистолета, было всего лишь длинным желтым ногтем старухи. Мария выпрямилась. Ее глаза загорелись гневом.

— Ты не получишь Обезьянку, старая дрянь, — сказала она. — Оставь меня в покое — ты никогда не получишь ее.

Отпихнув старуху с дороги, она пошла назад, но успела сделать лишь несколько шагов.

— Белый охотник тебя любит, — сказала Горбатая Мириам ей в спину, и девушка остановилась. Предчувствие беды охватило ее. — Но он мальчишка, он бросит тебя. А человек с волосами как у сурка хочет забрать тебя с собой. Он готов заботиться о тебе всю жизнь, лишь бы узнать природу твоего колдовства.

— Ну и прекрасно, — ответила Мария и сделала еще один шаг — но так медленно, будто к ногам было привязано ядро. Она ждала удара в спину — и он был нанесен.

— Что будет, если я расскажу русскому про Обезьянку? — спросила Горбатая Мириам и тихо рассмеялась. — О, тогда я не получу ее. Он заберет ее у тебя и увезет в Москву. А ты останешься здесь.

Мария медленно повернулась. Старуха заливалась беззвучным хохотом; она подмигивала и причмокивала, страшно довольная своей хитростью. Она сгибалась пополам и хлопала себя по тощим коленям, таким острым, что, казалось, они готовы порвать грубую ткань мешковатого черного платья. Мария сделала крошечный шаг к старухе. Та утерла рукой слезящиеся глаза, высморкалась и весело посмотрела на Марию.

— Увезет одну обезьяну вместо другой, — еле выговорила Горбатая Мириам. — А какую — решать тебе, — и она снова зашлась в хохоте. Круг голубого света за спиной становился все ярче, и старуха корчилась на его фоне, как тень от сгорающего на холодном огне листа. Сгорающего в пепел, в мельчайшую золу, что развеется по ветру... Мария сделала еще один

шаг, схватила старуху за плечи и изо всех сил толкнула в голубое марево. На лице Горбатой Мириам проступило изумление; мелькнули похожие на когтистые лапы руки — и она исчезла, растворившись в холодном пламени линзы.

В этот вечер Макс Морено долго сидел у костра, вслушиваясь в почти беззвучные шаги и смех, доносящийся из глубины джунглей: то ли бродили там гиены, то ли Черные Ю-Ю веселились, предвкушая добычу. Марии рядом с ним не было. Ее смех Макс тоже слышал, и доносился он из палатки Цветкова. Нехороший, тоскливый хохот, в котором сквозили нотки безумия. Макс обхватил колени руками и слушал. Его наполняла уверенность, что предсказание из найденной книги сбудется и последними будут смеяться гиены.

ГЛАВА 13

ЮЛЬКА ВСТУПАЕТ В ИГРУ

Монастырь на болотах, ноябрь 2010 года

Юлька не вылезала из мастерской. Она выполнила обещание, данное Тане, и действительно засела за украшения для каждой из сестер. Уже пара десятков бус, браслетов, колечек и сережек красовались на монахинях, а Юлька и не собиралась останавливаться. Она уже видела, что ее дар не потерян, украшения работают как надо — во внешней жизни сестер ничего не менялось, но внутренняя... Юлька знала, что происходит внутри, — она своими руками, сама не зная как, вкладывала это в каждую бусину, шнурочек, мазок кистью: светлый покой, веселый интерес к жизни. И с каждым днем, с каждой новой вещицей в монастыре становилось все более шумно. Звончее звучали голоса монахинь, громче — смех, чаще — пение. Ярче разгорались тусклые прежде, несчастные глаза.

Но это было внешнее. Не только голоса монахинь заполняли древние стены. Громче скрипели балки, стонали деревянные ступени, и тревожно перешептывались тени в углах сумрачных келий. Юлька чувствовала в воздухе смутную

угрозу. Как будто убрали громоотвод, и теперь электричество, наполняющее предгрозовую воздух, не уходило в землю, а скапливалось в стенах монастыря. То есть раньше оно уходило не в землю, сообразила Юлька, а в души монахинь. Вся ярость Чиморте, вся его тоска, его отчаяние и бессилие — все сливалось на сестер... а Юлька своими незамысловатыми украшениями каким-то образом перекрыла этот поток. И теперь электричество копилось, оно уже было почти видимо, словно огни святого Эльма, а что будет дальше? «Рванет, ой, рванет», — бормотала Юлька, а руки раскрашивали, нанизывали, изгибали проволоку... Остановиться она не могла, будто что-то подстегивало ее, гнало вперед и вперед.

В одном она обманула Таню: мать Мириам не получила ничего ни в первую, ни во вторую, ни в десятую очередь. Юлька много раз пыталась сосредоточиться на украшении для настоятельницы, но та ускользала, протекала между пальцами. Юлька никак не могла понять: действует ли застарелая вражда — или это особенность самой Горбатой Мириам. Они не встречались с тех пор, как настоятельница, впад в полубезумие, потребовала у Юльки фигурку Обезьянки. Таня говорила, что мать Мириам больна, почти не выходит из кельи, что ее нельзя беспокоить, — но Юлька подозревала, что монахиня сама старается, чтобы настоятельница и Юлька больше не встречались. Интересно почему, думала Юлька. Вряд ли из миролюбия...

По вечерам она сидела в библиотеке. Чем глубже Юлька зарывалась в сундуки, тем больше встречалось документов на латыни, да и с теми, что были на испанском, современный словарь становился бесполезен. То, что она все-таки могла разобрать, читалось как сказка. Серые демоны и ходы между мирами, зов Чиморте и биография Че Гевары, куча

материалов по палеонтологии — в одной из рукописей Юлька узнала почерк деда и на какое-то время была ошарашена нахлынувшими противоречивыми чувствами. Но выхода все эти тексты не подсказывали, и Юлька разочарованно засыпала, а утром — снова шла в мастерскую. В конце концов, думала она, если эти старые стены взорвутся, разрушенные потоком эмоций зверобого, — то, может быть, ей удастся выбраться из-под обломков и наконец-то вернуться домой...

С Горбатой Мириам она столкнулась в монастырском дворе, в котором отдыхала от тяжелого запаха масляной краски. Когда из дверей вышла настоятельница, Юлька хотела юркнуть в одну из ниш, чтобы избежать встречи — уж больно мрачно выглядела старуха. Но Юльку уже заметили; лицо Горбатой Мириам расколола хищная улыбка, и она с поразительной скоростью устремилась к Юльке.

— Я знаю, что ты делаешь, — прошипела она, — но тебе не удастся. Сестры легкомысленны и слабы в вере, но я не позволю... Я остановлю...

— Не понимаю, о чем вы, — проговорила Юлька, обшаривая глазами двор в поисках пути к отступлению.

— Отдай мне Обезьяну, — сказала Горбатая Мириам. — Отдай, и я одна удержу его своей любовью...

— Да нет у меня! — крикнула Юлька в отчаянии, едва не плача. — Ну что вы прицепились ко мне? Нет у меня Обезьяны и никогда не было.

— Ты — Гумилев, — произнесла настоятельница. — Ты — Гумилев, и я знаю эти глаза...

— И что с того? — заорала Юлька, срываясь на визг. — Обезьяна у моей бабки, в Москве, и фиг вы до нее дотянетесь!

— Ты врешь! — прошипела Мириам, схватила Юльку за руку, потянула к себе. Ногти впились в предплечье, царапая кожу. — Ты врешь!

Юлька закрутилась, безнадежно дергая рукой и упираясь в плечо старухи, которая, казалось, хотела втоптать ее в свои мертвенные объятия. Где же Таня? Или любая другая из сестер? Ну не драться же ей...

— Послушайте, — проговорила она, чуть не плача. — Послушайте и постарайтесь понять. У меня...

Она замолчала, прислушиваясь к звукам, несущимся из-за стен. Нарастал какой-то рокошующий рев, пока не стал оглушительным — и вдруг стих. Что-то странное происходило снаружи — там, откуда Юлька привыкла слышать лишь вздохи и бурчание трясины. От неожиданности Юлька перестала давить на плечо настоятельницы, и та, оскалившись, потянула ее к себе. Юлька принялась отпихиваться, пытаясь в то же время понять, что происходит снаружи. Она так долго проторчала за стенами, что почти забыла о мире, живущем за их пределами... Снова раздался приглушенный грохот — будто сыпали горох на лист жести. Потом кто-то крикнул: «Не стрелять!» — и Юлька ахнула, узнав голос Алекса. Она вырвалась из цепкой хватки настоятельницы, оставив под ее ногтями несколько лоскутков кожи, и бросилась к воротам.

Алекс нарушил приказ — но его это не слишком волновало. Родригес четко сказал — ни под каким видом не соваться к монастырю, пока в руках не будет Броненосца и художник не согласится на сотрудничество — если понадобится, то хоть под гипнозом, но — согласится. Но что Алексу оставалось делать, если предмет уже был на месте? К тому же он обещал Хосе Увера доставить его к монастырю, а Алекс привык

выполнять свои обещания, данные информаторам, — это оккупалось сторицей. С шефом он связываться не стал — не хотел терять время на препирательства. В конце концов, если монахини когда-то обломали Родригеса — это не значит, что то же самое случится и с ним, Алексом Сорокиным, Орнитологом, специалистом по цыпочкам. Монахини ведь тоже женщины, верно? Нормальные женщины, а не сумасшедшие дуры вроде этой Гумилевой-Морено.

Появление художника не стало для него неожиданностью — Алекс догадывался, что тот рано или поздно окажется в монастыре. После Ятаки стало понятно, что по-хорошему договориться не удастся — шаман и старый псих Морено совсем запудрили парню мозги. Троицу накрыли на пустоши перед холмом — они уже ушли слишком далеко от кромки леса, чтобы успеть спрятаться. Едва вертолет приземлился, рейнджеры открыли огонь.

Алекс не ожидал сопротивления — здесь не Ятаки, за кустами не сидят вооруженные ядовитыми стрелами индейцы. Он даже не успел удивиться, когда рядом просвистела пуля. Только когда из-под ног взвился фонтанчик мокрой земли, Алекс сообразил укрыться за вертолетом. Трое приятелей залегли в чахлой ржавой травке, покрывающей болотистую поляну, и отстреливались. Вооружены были только шаман и Морено — художник валялся в луже за компанию, и это вызвало у Алекса ядовитую улыбку. Что ж, с этими двоими его рейнджеры разберутся быстро. После Ятаки ребята злы и так и мечтают кого-нибудь подстрелить. Алекс взглянул на монастырь и едва не захлопал в ладоши.

Ворота были распахнуты; Юлька сломя голову неслась к своему возлюбленному, что-то истошно вопя. Идущую серпантинном дорогу она проигнорировала и спускалась

напрямик, то и дело проезжаясь на заднице. На футболке болтался Броненосец — Алекс не мог разглядеть фигурки, но блеск металла на солнце был заметен издали.

— Ах, ты ж моя птичка, — радостно проговорил Орнитолог.

Что ж, ему будет о чем доложить Родригесу. Операция, считай, закончена — если девчонка не сломает шею, то попадет под случайную пулю. Хорошо бы под дедовскую — тогда Броненосца можно будем забрать совершенно спокойно. Трагическая случайность; Алексу останется просто подобрать предмет. Он с холодной ухмылкой отвернулся от Юльки. Однако ребята развоевались — того и гляди, пришьют художника, а это в план совершенно точно не входит...

— Мужика брать живьем! — заорал Алекс. — Шамана с дедом уберите, художника не трогать.

Внезапно сержант рейнджеров выкатил глаза и медленно поднял дрожащую руку, указывая куда-то за спину Алекса. Тот оглянулся и понял, что сошел с ума.

(...темнота сельвы больше не была неподвижной. Там что-то шуршало, двигалось, ползло... ползло на маленький отряд, окружало неуклонно, неотвратно, беспощадно. Алекс заорал, приказывая укрыться, стрелять, бежать, делать хоть что-нибудь. Девка с Броненосцем подождет. Художник — поклонник проклятого Гевары — подождет. Алекс найдет их позже — если выживет в этом зеленом аду, если сельва не поглотит их... Первая лиана обвилась вокруг ноги рейнджера, впиваясь в прочный ботинок, прорастая в ткань крепких брюк, и Алекс с ужасом увидел, как зелень стебля коричневает, а потом становится красной, наливается кровью... Он начал стрелять — пули пробивали листья, выбивали клочья коры,

змеящиеся побеги брызгали соком и кровью, но сельве было нипочем, сельва наступала, горячая, влажная, хищная, и удушью запах зелени захлестывал, как трясина...)

Никто не заметил, как в приоткрытые ворота проскользнул Хосе Увера и скрылся в лабиринте монастырских стен.

Из вертолета выскочил пилот и сломя голову понесся на Сергея. Тот встретил его ударом кулака в челюсть. Юлька возмущенно крикнула, пытаясь остановить второй удар, — но пилот уже успел увернуться. Со стен монастыря донесся радостный визг. Юлька подняла глаза и увидела, что практически все сестры столпились вдоль парапета, испуганные и любопытные. «Врежь ему между глаз!» — азартно прокричал кто-то сочным контральто, и Юлька узнала Таню. Пилот как будто не заметил ни Сергея, ни нанесенного удара. Не глядя по сторонам, он потерял ушибленную челюсть и рванул на помощь к остальным, на ходу выдирая из кобуры пистолет.

— В кого они стреляют? — спросил Сергей, и Юлька покраснела.

— В стаю плотоядных растений-вампиров, — ответила она, пряча глаза. Сергей заржал, но тут же оборвал себя и завертел головой по сторонам, ища укрытие.

— Сюда! — раздался крик из кабины вертолета. Сергей с изумлением увидел, что на месте пилота сидит Ильич. Шаман снова замахал рукой: — Быстрее!

Сергей дернул Юльку за руку и потащил к машине. Макс уже запрыгивал в кабину; штаны на его тощем заду были порваны — то ли кустами, то ли пулей. Подбежав к вертолету, художник впихнул в него Юльку и вскочил следом. Машина тут же поднялась в воздух.

Сергей перевел дух, глядя, как внизу отряд рейнджеров палит по воображаемому врагу — видимо, серьезному и многочисленному. Он взглянул на Юльку, показал большой палец — та просияла, глядя на него огромными влюбленными глазами. Смутьившись, Сергей повернулся к Ильичу. От вида шамана за штурвалом вертолета он почувствовал короткое головокружение.

— И куда теперь? — проорал он. Ильич не оглянулся; Макс прикоснулся к плечу художника и сунул ему в руки наушники. Вторую пару он вручил Юльке.

— Куда летим? — спросил Сергей.

— Недалеко, — весело ответил Ильич, — посмотри, там парашюты...

Макс уже застегивал многочисленные ремни и пряжки.

— А вертолет? — спросил Сергей, уже догадываясь об ответе.

— Полетит дальше и упадет где-нибудь в сельве, — радостно ответил шаман. — Если повезет — жители Ятаки поживятся металлоломом.

— Отлично, — ответил Сергей, и тут ему на глаза попалась Юлька. Девушка стояла, зажавшись в угол; лицо у нее было бледно-зеленое, а глаза — как тарелки. — Только не говори, что ты боишься высоты, — сказал он.

— Хорошо, не буду говорить, — буркнула Юлька и судорожно сглотнула.

— Будешь прыгать со мной, — торопливо сказал Макс, проследив взгляд художника. — Ты же не побоишься? Я же твой дедушка... — умильно добавил он.

Голос у него был неумело-ласковый, а вид такой, будто старик собирается погладить милого щенка, да боится, что тот испугается и убежит. Юлька истерически хихикнула.

— С парашютом? С дедушкой? Которых первый раз в жизни вижу? Да запросто!

Ильич заложил круг, так что приземлились они неподалеку от монастыря — но в стороне от троп, на поросшей мягкой травой болотистой прогалине. Очутившись на твердой почве, Юлька довольно долго сидела, трясясь и судорожно затягиваясь сигаретой, — но все-таки пришла в себя и даже смогла выдавить улыбку в ответ на беспокойные расспросы испуганного и счастливого Макса. Вертолет, деловито урча, полетел дальше — оставалось только надеяться, что машина не рухнет кому-нибудь на голову. Проводив машину взглядами, они забросали парашюты тростником и нырнули под защиту деревьев.

На небольшом костерке закипала вода под кофе. Юлька грызла шоколадку, подsunутую Сергеем, и слушала, как он рассказывает о своих приключениях в Боливии. Горячка битвы прошла, и теперь ее охватывала неловкость. Ну и компания! Бывший возлюбленный, сбежавший от слишком бурных Юлькиных эмоций. Родной дедушка, которого она видит впервые в жизни — да что там, с которым даже ее мама не была знакома. И индейский шаман, который тем не менее умеет водить вертолет...

— Такие дела, — закончил Сергей. — Веселую жизнь ты мне устроила, ничего не скажешь.

На смуглых щеках Юльки проступил румянец, и она смущенно отвела глаза. Шаман тихо кашлянул.

— Веселую жизнь ты устроил себе сам не далее как вчера, — напомнил он. — Однако теперь сеньорита с нами и Броненосец тоже, я прав? — Юлька испуганно кивнула, и Ильич успокоительно добавил: — Нет-нет, я считаю, что он должен

быть у вас. Попытки отобрать его у уважаемого Сергея были ребячеством, я действовал торопливо и необдуманно.

— А сейчас мы действуем обдуманно, — желчно объяснил Юльке Сергей. — Обдуманно, разумно и неторопливо.

Юлька хихикнула.

— А план бы нам пригодился, — уныло проговорил Макс. — Рейнджеры рано или поздно разберутся с мороком, найдут вертолет, и тогда... неплохо бы нам к тому времени что-то решить. А еще лучше — сделать.

Все дружно уставились на шамана, но тот пожал плечами.

— Я считаю, что мы можем использовать линзы, чтобы проникнуть в прошлое, в те времена, когда Чиморте был пленен, и Броненосца, чтобы... — Ильич поморщился, пошевелил пальцами. — Все усложнилось, когда сеньорита Морено оказалась в монастыре. От Чиморте уйти не так просто... извините, Хулия, но вы должны это знать.

— Я, кажется, выучила это уже наизусть, — мрачно ответила Юлька и грустно улыбнулась Сергею. — Я бы предпочла изредка встречаться с тобой, чем быть официальной невестой гигантского ленивца... Вот уж не повезло.

— Ничего, я думаю, мы еще повстречаемся, — ответил Сергей и обернулся к шаману. — Так это наш план? Отправляемся в прошлое? Да запросто! — он подмигнул Юльке, и та хихикнула.

— Мне надо еще подумать. Возможно, посоветоваться с духами...

Юлька удивленно взглянула на него — она еще не привыкла к мысли, что перед ней настоящий шаман, для которого путешествия между мирами — часть повседневной работы. Девушка уже открыла рот, чтобы спросить, как духи могут помочь ему, но тут ее перебили.

— Надоело, — проговорил Сергей и резко поднялся. — Давай сюда Броненосца, — сказал он Юльке.

— Что? — спросила та севшим голосом.

— Давай Броненосца, — повторил Сергей. Его охватило какое-то лихорадочное возбуждение. — Я возьму предмет, заморочу рейнджеров, пройду в монастырь и вытащу зверушку — Ильич сейчас расскажет, как именно. Обряд на контроль ведь простой, правильно? Если его мог потянуть Че — вытяну и я.

Юлька ядовито фыркнула. Шаман молчал — смотрел на Сергея, не моргая, и на лице его читались любопытство и обреченность — как будто Ильич уже знал, чем все кончится, но не был уверен, как именно они придут к финалу. Но Макс Морено отмалчиваться не стал. Он сердито встопорщил усы и задиристо спросил:

— И что дальше?

— Тот, кто контролирует Чиморте, контролирует и все остальное, правильно? — ответил Сергей. — Вот я и займусь контролем. Разгребу этот бардак. Американцев, раз уж они вам так не нравятся, попрем...

— Ты свихнулся, — тихо сказала Юлька.

— Да ну? — иронически процедил Сергей и обрушился на Ильича: — Сеньор Чакруна, а вы какого черта молчите? Уже вторые сутки ни мычите, ни телитесь! Вы шаман или кто?

— Шаман, — кивнул Ильич. — Потому и молчу. Знаю, что слушать ты сейчас не станешь.

— Чего слушать... — заорал было Сергей, но Макс визгливо перебил его:

— Значит, банановый диктатор в масштабе континента? Совсем рехнулся? И как ты собираешься действовать дальше? Ты же здесь чужак, тебе же...

— Назначу тебя консультантом, раз ты такой умный.

— Не смешно.

— А я и не шучу! — рявкнул Сергей. — Короче, давай Броненосца, Юлька. Ну же! — сердито прикрикнул он, когда Юлька прикрыла фигурку рукой и попятилась. — Он должен быть у меня!

— Моя прелес-с-сть, — прокомментировала Юлька вполголоса. Сергей бешено взглянул на нее.

— Есть другие предложения? — процедил он. Юлька сердито пожала плечами и отвернулась.

— Друг мой, — увещающим тоном заговорил Макс, — мы же много раз обсуждали эту проблему... ну право — подумайте, что случится, когда...

Слушать дальше Юлька не стала. Невыносимо было смотреть на землисто-серую физиономию Сергея, изуродованную жадностью: художник внезапно стал мучительно похож на Алекса, и от этого сходства Юльке казалось, что земля под ногами становится зыбкой и ненадежной. Невыносимо смотреть и на растерянного старика, который очень старался быть дедом. И на неподвижное лицо шамана... Неприятно... и страшновато. Ильич Чакруна как будто ждал чего-то неизбежного — и все споры и ссоры обходили его стороной, обтекали, как вода корягу.

Юлька уходила все дальше, вниз по влажной узкой тропке, местами взрытой крепкими копытами и рылами — тапиры, проложившие эту дорогу, выкапывали здесь какие-то особенно вкусные корни. Впереди что-то мерцало — поначалу Юлька не обращала на отсветы внимания, поглощенная яростью, разочарованием и обидой. Но чем дальше она уходила, тем ярче становился свет — и вскоре не замечать его стало невозможно.

— Ух ты, — проговорила Юлька, заворуженно глядя на отливающую синим линзу. В реальности зрелище было куда как чудеснее, чем в описании. Юлька вспомнила готические строки, попорченные временем: «А те, что светятся голубым, появляются и исчезают по воле Божией в любое время, и куда ведут — предсказать нельзя; куда попадет человек, шагнувший в голубой пламень, — определяют лишь нити судьбы, чье сплетение людям познать не дано». Может, прыгнуть в нее, подумала Юлька. По крайней мере тогда Сергей не сможет вытащить Чиморте — уже неплохо. Но что будет с ней самой? Куда ее занесет? Юлька неуверенно топталась перед кругом света. Что перед ней — выход или дверь в еще более сложный лабиринт?

Тихий, кудачущий смех донесся из-за спины. Юлька резко оглянулась. Она знала этот голос, эти интонации — но память будто раздвоилась, подсовывая то гулкие коридоры монастыря, то кошмарную поляну, на которой оборвался ее побег от цэрэушников. «Мириам? — тихо окликнула она и попятилась. — У меня нет Обезьянки, Мириам!» В зарослях снова засмеялись, мелькнула серая сгорбленная тень. «Не двигайся, — вкрадчиво прошелестел голос в голове. — Не шевелись, не беги... иди ко мне... отдай...» Юлька почувствовала, как суставы превращаются в мягкую, горячую резину. Это была не Горбатая Мириам. Уже — не Горбатая Мириам. Ряд посеревших, искаженных безумной жадой лиц промелькнул перед глазами. Внезапно Юлька поняла, откуда берутся серые демоны, стерегущие башни, и это знание наполнило ее черным ужасом.

Одолевая паралич, она сделала еще шаг назад, боковым зрением заметив, как опасно приблизилось голубоватое мерцание линзы — она переливалась прямо за спиной. Голос

в голове уговаривал, настаивал, шептал почти нежно, и уже хотелось лечь на землю, закрыть глаза и ждать... и, наверное, она заснет, погрузится в небытие до того, как острые зубы с чавканьем вопьются в плоть, выедая подушечки пальцев, а потом — сами кисти, а потом... «Нет», — прошептала Юлька.

В кустах снова захихикали, зашелестела белесая листва, и сторбленная тень с болтающимися руками появилась перед Юлькой, — мать Мириам, жаждущая предмета, серый демон, сторож Башни. «Нет», — повторила Юлька немеющими губами, но влажный густой воздух проглотил звук. Она не могла больше пошевелиться, только упасть. И последним усилием воли — постаралась упасть назад.

ГЛАВА 14

TIRANNOSAURUS REX

Верхнее Конго, сентябрь 1965 года

Винтовка висела у Макса за спиной — огромная, неуклюжая, тяжелая. Надежная. Было приятно ощущать ее вес, оттягивающий плечи. Макс не мог поклясться, что увиденное на водопое не почудилось ему из-за игры света, но хотел быть готов. Он не обращал внимания на целеустремленно-сосредоточенного Че Гевару, возбужденного, потирающего руки Цветкова, чрезвычайно довольно собой, но изрядно напуганного Нгеле. Даже на Марию, которая выглядела тяжело больной и едва переставляла ноги, он не обращал внимания. Он понимал, что должно произойти, а может, и уже произошло что-то чрезвычайно для всех важное, но это знание оставалось на краю восприятия, почти не осознаваемое. Макс был сосредоточен на своем: на отпечатках гигантских ящеричьих лап у водопоя и чешуйчатой шкуре, мелькнувшей в тростниках. Он готов был расцеловать команданте за возможность участвовать в этом походе, но сначала хотел убедиться, что ему не почудилось, что это не иллюзии, вызванные усталостью и надеждой... или наведенные Броненосцем.

Поначалу Максу казалось, что джунгли редуют — он то и дело замечал за стволами отсветы, яркие блики, которые поначалу принимал за солнечные. Но потом он понял, что оттенки у этого света слишком яркие и насыщенные — не белые и не зеленоватые, как у солнечных лучей, пробившихся сквозь листву, а — желтые, красные, голубые... Макс понял, что эти места не зря ассоциировались у него с окрестностями монастыря в Боливии. А значит, стоило ожидать и появления серых демонов — те предпочитали выходить на охоту ночью, но могли появиться и днем... Не серых демонов — Черных Ю-Ю, поправил себя Макс. Здесь они называются Черными Ю-Ю, но манеры у них те же... Макс непроизвольно огладил приклад винтовки и снова порадовался ее увесистой надежности.

— Однако! — раздался впереди возглас команданте. Кто-то из кубинцев протяжно присвистнул. Макс протолкался между спинами и раскрыл рот: то, что он принял за поросшую кустарником каменистую прогалину, оказалось развалинами какого-то циклопического здания. Стены практически рухнули под напором растений, крыша давно провалилась, но размеры и форма по-прежнему впечатляли. Макс попытался представить, как это выглядело тысячи лет назад: стены из черных каменных плит вздымаются в небо, колонны спорят стройностью со стволами деревьев, и багровым жаром светятся глазницы окон...

— Жаль, что вы зверолов, а не археолог, — сказал Че, заметив краем глаза Макса. — Вот где открытия... Останки какой-то великой цивилизации, о которой мы даже не слышали...

Макс молча подошел к одной из колонн. Время и корни лиан давно раскололи ее пополам, и из земли торчал лишь высокий обломок, заросший мхом. Рукавом Макс счистил зеленый

налет — и у него вырвался возглас удивления и восхищения. Камень был сплошь покрыт резьбой; камень — скорее всего, базальт — оказался настолько тверд, что прошедшие тысячелетия оказались не в силах уничтожить рисунок. Макс провел дрожащими пальцами по барельефу, изображающему охоту на носорога, и отступил, освобождая место Че Геваре и Цветкову. Отошел к соседней колонне, снял слой мха и замер.

— Зверолову тут тоже есть чем поживиться, — проговорил он. — Смотри! — он с улыбкой обернулся к Марии — уже привык делиться с ней мечтами и радостями, и теперь первым его порывом стало показать рисунок девушке. Но глаза Марии были пусты, а на лице застыла скорбь. Она не отрываясь смотрела под ноги; Макс проследил за ее взглядом — земля там была взрыта, и наметанный глаз мог заметить отпечатки женских ног. Двух пар женских ног, неожиданно понял Макс. Он растерянно моргнул, пожал плечами и снова уткнулся в барельеф, разглядывая удивительно реалистичное изображение тираннозавра.

— Как только в Конго наступит мир, мы приведем сюда археологов, — говорил Че, возбужденно блестя глазами. — Соберем сильнейших ученых со всего мира, дадим им лучшее оборудование... Это же открытие масштаба Шлимана! Даже если внутри здания ничего не сохранилось...

Макс перестал слушать и снова задумался о Марии. Ее следы он узнал бы из тысячи; вторые же принадлежали пожилой женщине, слабой и немощной. Но откуда она могла здесь взяться? И что случилось вчера рядом с древними развалинами, почему Мария так напугана и несчастна? Макс обошел двух кубинцев, приблизился к девушке и коснулся ее руки.

— Почему ты грустишь? — спросил он. — И зачем ты вчера пошла к русскому? Я шутил... Нет, я не ревную, но все-таки...

— Еще бы ты ревновал, — холодно ответила Мария. — Какое тебе дело, я же для тебя — просто развлечение...

— Нет, — тихо сказал Макс и попытался взять ее за руку, но Мария сердито отстранилась. — Слушай. Я уже почти уверен, что здесь водятся тираннозавры. Понимаешь? Я все-таки не зря приехал в Конго. Я добуду... ну не знаю, живой экземпляр, конечно, не получится, но хотя бы голову или зуб... — он поймал презрительный взгляд Марии и замолк.

— Динозавры и шутки, — горько проговорила Мария. — Динозавры и шутки. А что делать мне, пока ты гоняешься за зверьем?

— Но потом я смогу забрать тебя... — неуверенно добавил он.

— Откуда? Когда? Когда ты набегаешься по джунглям? Ты можешь забыть о своем зверье хоть на время?

— Как это? — опешил Макс. — Если я найду тираннозавра — я стану знаменитым, и у меня будет много денег. И тогда... ну, мы что-нибудь придумаем. Чуть попозже.

— А ребенок у меня уже сейчас, — ответила Мария и ускорила шаг, догоняя Цветкова.

Макс растерянно отстал. Ребенок? У Марии — ребенок? Макс представил себе домишко в Камири, пеленки, плач. О саде придется забыть — не хватит денег, и о вылазках в сельву — тоже. Нет, он любит ее и постарается позаботиться, но... А ведь до Боливии еще надо добраться. Хотя бы зуб найти, подумал Макс. А еще лучше — череп, под череп дадут денег на новую экспедицию, а симба к тому времени либо победят, либо проиграют, не важно, главное, что по Конго рано или поздно перестанут рыскать стаи бандитов...

***

Довольно скоро они вышли к озеру. Джунгли здесь отступали, и между опушкой и водой лежала широкая поляна, поросшая золотистой травой, — маленький кусочек саванны, будто перенесенный в эти глухие горные леса каким-то волшебством. У берега из травы выступал черный камень. Его покрывала резьба, похожая на ту, что партизаны увидели на древнем здании, — но никакого мха на ней не было; поверхность камня оказалась чистой и блестящей, будто отполированной.

— Вместилище духов, — торжественно объявил Нгеле, указывая на камень. — Я знал о нем от деда. Здесь мы сделаем то, о чем вы просили.

Цветков, недоверчиво улыбаясь, двинулся к алтарю. Че оглянулся на небольшой отряд, оглядел джунгли.

— Разобьем лагерь здесь, — сказал он. — Товарищ Морено, раздобудьте нам какого-нибудь мяса, здесь ведь должна быть хорошая охота, правильно я понимаю? Моджа, займись с товарищами палатками. Мария... на вас очаг и завтрак. Товарищ Цветков... — Команданте поискал взглядом русского консультанта и усмехнулся: тот уже сидел на корточках рядом с Нгеле. Перед ними стоял оцинкованный ящичек с пробирками и пакетиками — тем самым «биологическим материалом», который Цветков так долго хранил в ожидании дня, когда операция «Неуязвимый» наконец-то придет к финалу. Нгеле трогал морщинистым пальцем ледяные пробирки, издавая тихие довольные возгласы, — чудо техники произвело на колдуна впечатление. В глазах старика мелькала досада: знал бы — попросил бы в уплату волшебный ящик вместо давно съеденного шоколада. Белый колдун не отказал бы, он не жадный... Нгеле с сомнением взглянул на Цветкова.

— Хорошая вещь, — сказал он. — Волшебная вещь. Хочу.
— Закончим — получишь, — добродушно ответил Цветков. — Так что из этого барахла нам нужно?

Колдун просиял, потом слегка нахмурился.

— Волосы — хорошо, — сказал он, задумался на мгновение. — У белого вождя растут волосы на лице?

— Еще как, — радостно откликнулся Цветков и вытащил один из пакетиков.

— Совсем хорошо, — кивнул Нгеле. Обернулся, опасливо поглядел на алтарь. Сморщился от какой-то внутренней борьбы.

— Ну что еще? — настороженно спросил Цветков.

— Очень опасно, — ответил колдун. — Может быть, пусть белый вождь поживет столько, сколько ему дадут боги?

— Так, — рывкнул Че Гевара. Колдун съежился и втянул голову в плечи.

— Духи будут очень сердиться, — жалобно сказал он.

— Ничего страшного, пусть сердятся, — отрезал Че Гевара и размашисто зашагал к алтарю.

Нгеле шумно вздохнул и с надеждой покосился на Цветкова, но лицо белого колдуна излучало неумолимость. Он был очень странный человек, этот русский, — знал очень многое, но ничего не понимал. Нгеле презирал его и боялся. Больше того — он знал, что Цветков презирает и боится его. Русский хотел разобрать колдовство, как тушку вареной птицы, — съесть мясо, а кости с потрохами выкинуть. И Нгеле никак не мог объяснить, что птиц без костей и потрохов не существует и что кости могут оказаться острыми и поранить небо, что потроха бывают налиты ядовитой желчью... Нгеле исполнит ритуал, который в последний раз проводили много поколений назад, и бородатый белый вождь из-за моря не будет умирать, когда его убивают, но плата за это падет и на него,

и на его землю, и на многих, многих людей... и, конечно, на самого Нгеле. Правда, тут колдун надеялся выкрутиться: пусть духи берут кровь этого русского, а его оставят в покое. В конце концов, его заставили.

Нгеле хитро ухмыльнулся и потрогал Броненосца, подвешенного на шнурок из кожи окапи, самого редкого и чудного животного, чьи волшебные свойства усиливали любую магию и защищали того, кто ею пользуется. Он хитрый, он сумеет заморочить злых духов так, чтобы они перепутали его с белым колдуном. И Нгеле станет первым колдуном, который избежит расплаты за вмешательство в судьбу. Станет самым сильным колдуном в Конго, а то и во всей Африке. А заодно получит волшебный ящичек, который что угодно может сделать восхитительно холодным, как чистая вода, взятая ночью из тайного родника.

Никаких животных у водопоя сейчас не было — лишь в отдалении от берега лежали в мутноватой воде неподвижными мокрыми бревнами несколько крокодилов, ожидая, когда придет их еда. Это было идеальное место для засады. Макс же, животное сухопутное, выбрал себе место на берегу — там, где тростники слегка отступали от берега, на вытопанной многочисленным зверьем узкой полоске взрытой глины. Набросав на землю сухих стеблей, Макс уселся поудобнее и приготовился ждать.

Он почти задремал, убаюканный гудением moskitов, солнечными зайчиками, отражающимися от воды, запахами нагретой солнцем травы и навоза. С поляны доносился монотонный рокот барабана, к которому добавлялся иногда низкий, горловой напев колдуна. Откуда-то издалека доносились глухие удары — будто какой-то гигант из тех, кто

построил древний город, бил по земле набитым мешком. Удары приближались, к ним добавился отдаленный треск ломающихся растений — но Макс не осознавал этого, воспринимая звуки как часть ритуала. Голос Нгеле вплетался в барабанный бой все чаще, просительные, успокаивающие ноты исчезали, — это уже была не просьба, а требование, приказ. Барабан смолк. Колдун заговорил повелительно и резко; в его голосе звучало торжество. Еще один удар о землю — и тростники затрещали совсем близко... Макс поднял голову, приходя в себя. Колдун произнес длинную фразу, в которой звенела исступленная, яростная радость, и замолчал. Грохнул барабан, сливаясь со звуком... прыжка, сообразил Макс. Кто-то гигантский передвигался прыжками, неуклонно приближаясь к поляне...

Макс вскочил на ноги, и внезапно Нгеле заверещал, как попавшая под колеса дворняга. Секунду зверолов стоял, прислушиваясь, пытаясь понять, что происходит — нападение? Часть ритуала? Или беседа с духами вышла из-под контроля? Протяжно закричал кто-то из кубинцев, воздух прорезала автоматная очередь. Макс сорвал с плеча винтовку и, оскальзываясь, бросился на шум, слепо ломаясь сквозь заросли.

Последние стебли тростника загораживали обзор; Макс видел только блеск чешуйчатой, коричнево-зеленой пятнистой шкуры, которая, казалось, заполнила собой весь мир. Время загустело, воздух стал шершавым, и Макс чувствовал, как трется о него кожа на мучительно медленно поднимающихся руках. Он попытался отбросить лист, который мешал прицелиться, — медленно, мучительно медленно. Увидел взмах хвоста, увидел, как мягко, будто тряпичная кукла, падает забежавший за спину ящера Цветков. Нгеле воздел руки; тираннозавр сделал последний прыжок, кошмарные челюсти

обрушились на колдуна, и в этот момент Макс наконец продрался сквозь пустоту и выстрелил.

Отдача едва не сломала ему ключицу, но почувствовал боль он только через несколько часов. Пуля попала в мощное бедро тираннозавра, в бронированное сплетение огромных мышц и сухожилий. Будто в замедленной съемке, Макс увидел, как на блестящей плотной шкуре ящера появляется кровавая воронка; выплеснулись фонтанчики крови, какие-то ошметки, куски; тираннозавр дернулся, и Макс готов был поклясться, что на кошмарной морде проступили недоумение и обида. Рев ящера обрушился на мир, раздирая реальность в клочья.

На шкуре тираннозавра проступали кровавые пятна — видимо, кубинцы продолжали палить из автоматов, и ящер кричал от ярости и боли, а Макс все никак не мог перезарядить винтовку, но продолжал бороться с заевшим магазином, оглушенный, почти ослепленный этим жутким воем, ужасным запахом тухлого мяса из разинутой пасти, усеянной темными зубами, гневным взглядом крошечных, упрятанных в складках сухой кожи, налитых кровью глаз, — пока до его сознания не дошли глухие удары и громкий всплеск.

Забыв о винтовке, он смотрел, как уплывает раненый тираннозавр. Его тираннозавр, его надежда на будущее. Чудовище, живущее, чтобы убивать и есть...

Макс очнулся и с ужасом оглядел поляну, готовый завывать, подражая улизнувшему ящеру, — но кубинцы уже бежали к нему. А над телом Нгеле стоял бледный, но спокойный Че Гевара с уже ненужной колдуну медицинской сумкой на плече. Мария, всхлипывая, трясла за плечи Цветкова — и по ее лицу было видно, что русский жив, что если и ранен — то не смертельно, и все обошлось... Не повезло колдуну, подумал Макс почти весело. Не зря он боялся гнева духов.

Цветков вдруг со стоном поднял голову и слабо схватил Марию за руку, останавливая тряску. Безумным взглядом обвел поляну, сфокусировался на команданте. Спросил:

— Он успел?

— Кажется, успел, — ответил Че. — Надеюсь...

— Надо срочно послать курьера к Фиделю.

— Для начала надо выбраться отсюда, пока наш ископаемый приятель не вернулся и не привел друзей, — отрезал Че. — Разрывные его не берут, я правильно понял?

— Я промахнулся, — ответил Макс. — Может быть, если бы в голову...

Команданте рассеянно кивнул. Объяснения Макса были ему не слишком интересны — Че внимательно и настороженно оглядывал своих кубинских товарищей. Но те уже пришли в себя и шумно делились пережитым, хлопая друг друга по плечам и размахивая руками. Беспольные автоматы лежали под ногами. Никто из них не был даже ранен; Че Гевара перевел дух и нахмурился, увидев, как кубинцы обошлись с оружием. Но с выговором можно было и подождать.

— Успел, — проговорил Цветков и безвольно обмяк на руках у Марии.

Она снова расплакалась. Одной рукой Мария смывала с лица Цветкова кровь, другой — аккуратно поддерживала голову. По ее щекам текли крупные слезы, но черты были совершенно спокойны и неподвижны — будто не с раненым она возилась, а с огромной и едкой луковицей. Внезапно Цветков приподнялся и пристально уставился на Марию. В его глазах плескалось горячее веселье.

— Из большой экспедиции в Верхнее Конго до сих пор ни один не вернулся назад, — с чувством процитировал он на

русском. — Вернешься со мной, Мария? Буду звать тебя Машка, а морду перекрасим, чтоб детей не пугать.

Мария недоуменно моргнула и обернулась к Максусу.

— Товарищ Цветков, похоже, сейчас способен говорить только на родном языке, — объяснил он. — Хочешь, переведу?

Мария уже набрала воздух, чтобы ответить что-то желчное, но осеклась: по лицу Макса она вдруг поняла, что перевести он может и перевод ей не понравится. Несколько секунд она внимательно смотрела в глаза зверолова, потом покачала головой.

— Я знаю, что он звал меня с собой, — сказала она. — Так?

Макс с кривой усмешкой кивнул:

— Ты догадлива, ведьма. Но...

— А больше мне знать не надо, — жестко ответила Мария и повернулась к Цветкову. Тот уже снова потерял сознание — лежал, приткнувшись затылком в ее ладонь, неподвижный, землисто-бледный.

— Как хочешь, — сухо ответил Макс и отошел.

— Не думаю, что об этом стоит рассказывать кому попало, — твердо сказал команданте. Макс с сожалением оглядел гигантские трехпалые следы — единственное свидетельство того, что тираннозавры по-прежнему существуют.

— Под кем попало вы имеете в виду моих коллег-зоологов? — мрачно спросил он и тоскливо оглянулся на Марию. — Не стану: кто ж поверит... Напомните мне, команданте, чтобы я на досуге рассказал вам о мегатерии из Боливии. С ним мне тоже здорово не повезло.

— Напомню, — кивнул Че. — Мне это намного интереснее, чем вы думаете.

Совсем рядом раздался визгливый хохот, хохот маньяка-идиота, только что лишившегося остатков разума. Макс оглянулся. В десятке метров от него появилась из зарослей пятнистая слюнявая морда и тут же скрылась — гиены пришли на кровь, но еще опасались приближаться к непонятным двуногим животным крупнее себя. Оставалось еще одно дело. Макс вяло кивнул команданте и двинулся туда, где уже кружили грифы и мелькали в высокой траве тени каких-то мелких зверьков. Животные покрупнее боялись людей, но мелкие падальщики уже готовы были пировать.

Чудовищный удар сорвал с Нгеле очки и вдавил их в лоб. Теперь Макс мог видеть тусклые, но все еще разноцветные глаза. От Нгеле мало что осталось, но главное было на месте. Под сбившимся набок массивным ожерельем скромно поблескивала фигурка Броненосца. Макс наклонился и, стараясь не смотреть на кошмарное месиво из мяса и костей, разрезал кожаный шнурок. Серебристый металл был испачкан кровью; особенно много ее было на мордочке фигурки — будто Броненосец только что поедал кровавое мясо. От этой мысли Максу стало нехорошо. Вздрагивая от отвращения, он вытер фигурку платком; отбросил испачканную тряпку в траву и прятал Броненосца в карман. Тут же зачесались глаза.

Макс взглянул на команданте и хмуро сказал:

— Нгеле как минимум дважды заморачивал людей, которые приходили послушать вас, просто из желания проверить действие Броненосца, вы знаете об этом? И неизвестно, что именно они видели и что из этого выйдет. В следующий раз, когда вам понадобится этот предмет, скажите мне, что надо с ним делать, а не действуйте через кого-то еще.

— Договорились, — ответил Че и протянул Максу темные очки.

ГЛАВА 15

ПОХИЩЕНИЕ

Ла-Игера, Боливия, октябрь 1967 года

Здесь была ночь — но луна стояла высоко в чистом небе, яркая, огромная, синеватая, — будто еще один ход в совсем уж иные пространства. Юльке даже не понадобилось включать фонарик, чтобы осмотреться. Линза выкинула ее в банановую рощу. Длинные, изрезанные по краям листья отбрасывали иссиня-черные тени; они слабо шевелились то ли от незаметного ветерка, то ли сами по себе. Гроздьба плодов казались тушами гигантских чешуйчатых броненосцев, свернувшихся в клубки и повисших на ветвях. Но единственными звуками, которые слышала Юлька, был шелест листьев и дружный, налетающий волнами звон цикад.

Несколько минут Юлька сидела, обхватив себя руками, все еще парализованная страхом. Потом паралич сменила дрожь, озноб, от которого стучали зубы и ходили ходуном колени. И только потом наконец пришли слезы.

Юлька не знала точно, сколько она провела времени, сидя на теплой твердой земле и рыдая в колени. Брюки промокли

от слез и соплей, горло болело, глаза опухли и чесались — но когда слезы иссякли, Юлька поняла, что ужас отступил. Она снова была собой — невыносимый груз знания и воспоминаний спрятался в глубине мозга, окутанный плотным коконом. Все еще всхлипывая, Юлька выкурила несколько сигарет подряд, сердито втаптывая окурки в сухие земляные комья. Рот наполнился горечью от смолы, никотин, казалось, капал из ушей — но теперь она готова была жить дальше.

Первым делом хотелось понять, куда ее занесло. Между банановыми деревьями вилась узкая тропка, и Юлька пошла по ней, не задумываясь особо о том, что делает. Вскоре она оказалась на грунтовой дороге, довольно ровной, но покрытой толстым слоем мягкой пыли, которая взвивалась из-под ног призрачными фонтанчиками. Дорога вилась между полями и огородами, на которых иногда стояли хижины на высоких сваях, крытые пальмовыми листьями. Было довольно прохладно, но посеревшая, жесткая трава у обочины, запах сухой пыли, тепло, идущее от плотно укатанной земли, — все говорило о том, что днем здесь царит жара. Участки при хижинах становились все меньше, а сами они — больше, сваи сменили каменные фундаменты, дорога окончательно превратилась в улицу, и Юлька поняла, что входит в какой-то поселок.

Вскоре она увидела на обочине жестяную табличку с надписью: «Ла-Игера». Название отчетливо ассоциировалось у Юльки с Боливией; она была уверена, что где-то уже его слышала. Недалеко же ее забросило. Она-то надеялась очутиться в другой стране, а лучше — на другом континенте. В идеале — где-нибудь в Подмоскowie, например. Хотя... неплохо бы узнать, переместилась ли она во времени — оказаться в Подмоскowie двадцатых, например, да еще посреди зимы было бы очень неприятно.

Юлька прошла еще немного; у обочины стоял грузовичок, и она облегченно вздохнула: если ее и занесло в прошлое или будущее, то не слишком далеко. Присмотревшись к машине повнимательнее, она решила, что, скорее всего, попала в прошлое: формы у грузовичка были округлые и замысловатые, и его морда напоминала самодовольного, но симпатичного жука с большими круглыми глазами-фарами. Впрочем, это еще ни о чем не говорило: бог знает какие автомобильные ископаемые могли сохраниться в боливийских деревнях.

Поселок оказался небольшой; минут через десять Юлька уже вышла на площадь, которая по всем признакам была его центром: небольшая церковь с одной стороны, бар — с другой, а посередине — пыльный квадрат утоптанной земли с несколькими чахлыми деревцами, изображавшими сквер. По левую руку — беленое здание, лишенное всяких изысков: просто одноэтажный параллелепипед с дверью и рядом узких окон. У дверей стояли двое в форме; увидав их, Юлька на цыпочках отступила и прижалась к стене. После стычки у монастыря вооруженные люди в форме ей совершенно не нравились. Мелькнула даже сумасшедшая мысль, что это Алекс каким-то образом вычислил, куда она попадет, и прислал своих людей.

Юлька присмотрелась и увидела еще несколько человек — часовые стояли по всему периметру здания. Надо уходить, подумала она. Кого бы там ни сторожили — появление из темноты девицы солдат не обрадует. В лучшем случае ей начнут задавать неудобные вопросы. Не сводя глаз со здания, Юлька сделала осторожный шаг назад. Под ногу подвернулось что-то мягкое, и тут же раздалось истошное мяуканье; Юлька взвизгнула от неожиданности и оглянулась. Крупный кот с шумом и возмущенными воплями карабкался

по водосточной трубе; потом шум превратился в грохот, водосток заходил ходуном. Юлька успела удивиться тому, что один несчастный кот способен на такой разгром; щеку обдало ветром, в жестяной трубе появилось несколько дырочек, и она с грохотом обрушилась на землю. Только теперь до Юльки дошло, что в нее стреляют. Она на четвереньках поползла к углу здания, всхлипывая от страха. Вслед раздалось еще несколько выстрелов, а потом начальственный голос совсем рядом проорал:

— Что происходит?

— Там кто-то есть, сеньор Родригес, — отозвался дрожащий басок одного из солдат.

— И этот кто-то мяукает, идиоты! Все по местам! Проверьте объект.

— На месте, — отозвались после секундной паузы. — Лежит.

— Еще одна ложная тревога — и ляжете рядом, — проворчал Родригес. Совсем рядом грохнула дверь, и обладатель начальственного голоса вошел в дом, по стене которого распласталась Юлька. Послышались невнятные голоса. Юлька прислушалась — говорили на английском.

— Похоже, у наших храбрых боливийцев сдают нервы, — услышала она. — Стреляют по кошкам. Видно, боятся, что кто-то придет ему на выручку ...

— Ставлю десятку, что будет пятьсот-шестьсот, — ответил второй голос.

— Сдурел? — проворчал первый. — Он нам нужен живым. Так что попрощайся со своей десяткой — будет пятьсот-семьсот.

Юлька недоуменно потрясла головой. Разговор напомнил ей о чем-то, вместе с названием городка — о чем-то жутком и печальном... Что за цифры? Кто нужен живым? Какого

черта по ней стреляли, кого ждут? Юлька прислушалась снова, но голоса теперь бубнили в отдалении — видимо, собеседники отошли от окна.

Внезапно Юлька тихо ахнула. Все-таки она не зря просиживала штаны в монастырской библиотеке: среди рукописей и старых книг нашла и биография Че Гевары. Юлька прочла ее из-за Сергея — ей казалось, что так она сохраняет хоть какую-то связь с художником. И теперь она вспомнила: Ла-Игера — место казни команданте; пятьсот-шестьсот — шифр, означающий приказ о расстреле команданте... Какой сегодня день? В какое время она попала?

Едва дыша, Юлька тихо выпрямилась и заглянула в окно. Комната была пуста. На стене висела карта Боливии, утыканная флажками; на ободранном столе — пепельница, в которой еще дымился огрызок сигары, кружка с остатками кофе и газета. Газета, свернутая пополам, так что Юльке видно было только нижнюю часть листа. Она нервно рассмеялась — в кино газета обязательно лежала бы датой кверху. Однако Юлька уже поняла, что делать. Оставалось надеяться, что жители Ла-Игеры не настолько бедны, чтобы не выбрасывать ни единого клочка бумаги...

От мусорного бачка, найденного на заднем дворе, несло так, что слезились глаза. Стараясь не дышать и давя позывы к тошноте, Юлька заглянула внутрь. Вот здесь ей повезло — газетный сверток лежал на самом верху, покрытый жирными пятнами. От него дико несло тухлятиной, и Юлька поняла, что не может заставить себя притронуться к нему руками. Оглядевшись, она подобрала обломок ветки и попыталась поддеть газету. Промокшая бумага расползлась, запах стал еще сильнее, и из-под мусора суетливо поползли какие-то жучки. Юлька со стоном отвращения отшатнулась, но ветку

из руки не выпустила — к ней прилип кусочек бумаги с ровным краем, и оставалось только надеяться, что это верх листа. Дыша ртом и держа ветку на вытянутой руке, Юлька подошла к пятачку света, падающего из окна. На этот раз ей повезло — сквозь жирные пятна отчетливо проступала дата. Пятое октября, шестьдесят седьмой год. Вряд ли газету выкинули в тот же день, значит, сегодня, скорее всего, седьмое или восьмое... Ночь с седьмого на восьмое, поняла Юлька. Че Гевара ранен, взят в плен и находится в здании школы. Утром придет приказ о расстреле... Вот уж прыгнула так прыгнула!

Дальше Юлька не рассуждала. Школа наверняка находится в центре поселка — наверное, то самое здание, похожее на оштукатуренную коробку. Ее хорошо охраняют — но что ей сделают часовые, замороченные Броненосцем? Зудящая жажда действия охватила Юльку. Она проберется к Че и поговорит с ним... нет, еще лучше: она через линзу вытащит Че Гевару в безопасное место и там поговорит. В конце концов, это из-за его плена она попала в такую заварушку. Дед собирался отдать Броненосца команданте — и совсем чуть-чуть не успел... успел бы — все вышло бы по-другому, и Юлька спокойно бы клепала сейчас талисманчики и амулетики в Москве, а не шаталась бы по боливийской деревне шестьдесят седьмого года, набитой готовыми стрелять во все, что шевелится, солдатами.

— Прошу сюда, леди, — сказал часовой и открыл дверь в полутемный пустой класс.

Здесь все еще пахло мелом и чернилами, но мирные школьные запахи перебивали другие — тяжелые и пугающие. На грязном полу лежали трое, и на мгновение Юлька растерялась — пока не вспомнила, что в плен в ущелье дель

Юре взяли не только Че Гевару. Юлька покосилась на солдата. Глаза у него были пустые, и весь вид демонстрировал равнодушие и готовность подчиняться. На боку у него висел пистолет. Не сводя глаз с каменной физиономии охранника, Юлька протянула руку и вытащила оружие из кобуры. Со страхом ощутила его смертельный, убедительный вес. Солдат никак не реагировал, и Юлька торопливо запихала пистолет в сумку, от всей души надеясь, что тот стоит на предохранителе. Как проверить это, она не представляла.

— Спасибо, — надменно сказала она солдату. — Можете идти.

Часовой замялся, и Юлька нахмурилась:

— Идите же! Мне не нужна помощь, с раненым я как-нибудь справлюсь.

Подождав, пока часовой выйдет, она быстро подошла к Че Геваре. Тот с трудом приподнялся на локте, с презрением посмотрел на девушку. В его глазах стояли слезы.

— Вы опоздали, — сказал он, — они уже мертвы. А мне хватит и таблетки аспирина.

— Я не врач, — тихо ответила Юлька на французском.

— Мадмуазель француженка? Вас послал товарищ Дебре? Но я слышал, что его самого взяли в плен.

— Мадмуазель русская, и меня никто не посылал, — проворчала Юлька. Глаза Че сузились.

— Вы из КГБ?

— Говорю же... а, черт, и не объяснишь ведь. Хотите слить? — Че Гевара пожал плечами, но Юлька не обратила на это внимания. — Ну конечно, хотите. Охрана заморочена. Давайте, обопритесь об меня — и уходим отсюда.

Презрение в глазах команданте пугало, и Юлька впервые усомнилась в своих планах. Так ли хорошо ее импульсивное

решение? Че Гевара выглядел так, как будто вот-вот потеряет сознание. Юлька вдруг сообразила, что у него — простреленная нога, потеря крови, постоянные приступы астмы и, скорее всего, малярия. Ему же больно, поняла вдруг она. Ему страшно, дико больно, он всю ночь пролежал между трупами своих товарищей... возможно, близких друзей... И вряд ли он способен идти. На улице заржали над чем-то солдаты, и Юлька решилась. Она судорожно полезла в карман и облегченно вздохнула: привычка таскать с собой несколько кусочков пластыря и анальгин не подвела и на этот раз. Юлька вытащила таблетки, огляделась в поисках воды, но школьный класс был пуст.

— Возьмите, — сказала она, — съешьте штуки три, разжуйте... запивать все равно нечем, а так подействует быстрее. Ну же! А то у нас вообще ничего не получится...

Че Гевара, не спуская с нее глаз, медленно разжевал таблетки. Слегка поморщился от горечи. Заморочить, мельком подумала Юлька. Пусть думает, что у него ничего не болит. Но получится ли у нее навести морок на Че, не освободив при этом охрану? Проверять она не собиралась.

— Это очень, очень сильное обезболивающее, которое действует практически мгновенно, — веско сказала Юлька, надеясь, что эффект внушения сработает. — Сейчас вам станет легче, и мы уйдем.

Че удивленно вскинул брови.

— И как вы собираетесь отсюда выйти?

— Говорю же, охрана заморочена, — с досадой повторила Юлька и, видя непонимание в глазах команданте, торопливо вытащила из-под футболки Броненосца. — Вот, видите? Вы же знаете, как он работает?

— Снова Броненосец? — задумчиво спросил команданте. — Значит, Макс все-таки...

— Ну как бы да, — Юлька страдальчески почесала нос. — Послушайте, я вам потом все объясню. Вставайте же! — она схватила команданте за руку и потянула вверх. — Команданте, в одиннадцать утра придет приказ о вашем расстреле. В два часа дня вас убьют, черт возьми!

Че Гевара встал, опираясь на Юльку, и она мимолетно удивилась тому, какой он легкий. Вдохнула запах пота, пороха и крови, запах отчаяния и смерти. Услышала сдавленный, едва слышный стон боли.

— Откуда у вас эти сведения? — спросил Че сквозь зубы. — Насчет расстрела?

— Потом, потом... — Юльку трясло. — Скорее же!

— Почему товарищ Морено прислал вас, а не пришел сам? Я же вижу, вы отчаянно трусите.

— Вы даже не представляете, насколько я трушу, — огрызнулась Юлька. — Я как-то все не привыкну, что в меня стреляют.

Они доковыляли до дверей. Юлька выскользнула из-под руки Че — тот тяжело привалился к стене — и подкралась к двери. Осторожно выглянула наружу. Солдаты толпились вокруг пустого пяточка пыльной улицы; на лицах у них застыли восторг и подобострастие. Они внимали пустоте. Кивали, многозначительно переглядывались, иногда — снова начинали ржать, радостно хлопая друг друга по плечам. Их внимание было полностью поглощено воображаемой беседой — Юлька не стала задумываться, с кем именно. Она скрестила пальцы и оглянулась на команданте.

— Идемте, — прошептала она и подставила плечо.

Юлька с ужасом понимала, что неправильно рассчитала время: она попросту не подумала о том, как стремительно светает в этих широтах — так же, как и темнеет. Она сжимала

Броненосца так крепко, что края фигурки врезались в ладонь. Предрассветный сумрак стремительно таял, небо уже наливалось синевой, и на пустынных улочках Ла-Игеры вот-вот должны были появиться люди — здесь вставали до рассвета, предпочитая отоспаться потом, во время дневной сиесты. Пока везло, но в любой момент их могли обнаружить. Юлька едва не подпрыгивала, пытаясь приладиться к медленным шагам тяжело хромавшего Че Гевары, — ноги требовали бежать, и бежать как можно быстрее. Она сама не заметила, как начала сдавленно попискивать.

— Вы можете уйти, — шепотом сказал Че. — Меня, скорее всего, обнаружат, но попытка побега мне уже не повредит. Тем более если ваши сведения о расстреле верны.

— Еще чего, — буркнула Юлька. — Сведения верны, поэтому мы сейчас потихоньку, медленно пойдем...

— Вы знаете надежное укрытие? Я думал, что теперь это невозможно. Джунгли кишат солдатами и рейнджерами, как муравейник.

— Там они до нас не доберутся, — ответила Юлька.

Внутренний голос, голос разумной и послушной девочки, вопил и заходилась от ужаса. Что она делает? А если линза исчезла? А если она не исчезла — Че Гевара уйдет, история изменится, и что тогда? Как это повлияет на время, в котором живет Юлька? Останется ли там хоть что-нибудь привычное или все пойдет наперекосяк? Будет ли там место для нее? Для ее семьи? Зачем она тащит этого пугающего человека и куда? Что случается с теми, кто лезет поперек судьбы?

Юлька приостановилась, вытерла заливающий глаза пот и буркнула:

— Немного осталось. Вот за этим домом...

Договорить она не успела. Из-за заборчика выглянул крестьянин — видимо, решил по утреннему холодку повозиться на огороде и вот теперь выпрямился, чтобы дать отдых усталой спине. Вовремя, ничего не скажешь. Крестьянин и Юлька ошалело уставились друг на друга. Юлька судорожно воображала, пытаясь по виду этого человека определить, чего от него ждать. Посеревшая от старости рубашка с распахнутым воротником, костюмные брюки, обрезанные по колено, толстые волосатые ноги, резиновые сапоги. Бедняк — наверное, из тех, кто называет Че святым Эрнесто. Юлька перевела дух и заговорщицки улыбнулась ему.

Крестьянин несколько секунд смотрел на прохожих. Потом его глаза широко открылись, и он заорал:

— Это же Гевара!

— Тихо, — рявкнул команданте. Крестьянин попятился, не сводя с него глаз.

— Гевара! Где солдаты? — он завертел головой. — Это же Гевара, арестуйте его!

— Что там, Тулькан? — донесся из дома сонный женский голос. — Что ты шумишь? Ты перебудишь детей.

— Вот и борись за таких, — проговорил команданте. — Замолчи же, несчастный!

Рука команданте привычно потянулась к поясу, но наткнулась на пустоту. Поняв, что он никак не может заткнуть этого человека, Че Гевара выпрямился во весь рост, с вызовом глядя на крестьянина. Юлька задохнулась от ужаса: изображение уже рисовало ей бегущих к проулку солдат. Она зажмурилась, сосредотачиваясь изо всех сил. Почувствовала, как задержал дыхание Че.

— Следы, — растерянно ответил крестьянин, глядя сквозь команданте. — Я видел следы партизан позавчера, когда

ходил на охоту, и никому ничего не сказал. А теперь уже поздно, его арестовали. Надо было рассказать солдатам! Нам бы хорошо заплатили, а теперь...

«Подлец», — пробормотала Юлька и снова сжала фигурку.

— Или не надо было? — с сомнением проговорил Тулькан. — Все-таки, говорят, он хороший человек... но нам бы заплатили... но...

Че иронически улыбнулся и осторожно двинулся вперед. Юлька перевела дух; ладонь свело от напряжения, и резкая боль отрезвила ее.

— Туда, — шепнула она, кивая на тропинку, уходящую в кусты.

— А вы знаете, что Броненосец показывает то, что могло бы быть, но не случилось? — неожиданно спросил Че Гевара. — Поэтому предмет опасен для людей отчаявшихся или перенесших потерю... По крайней мере так утверждает товарищ Морено, и я склонен ему верить.

— Я не знала, — сказала Юлька. — Ну, догадывалась, наверное. Но не знала.

— Человек, который провел вас в здание школы, был уверен, что вы крупная шишка из ЦРУ.

Юлька даже остановилась от неожиданности и обиды.

— Чушь какая! — воскликнула она. — Никогда ничем подобным не занималась!

— А чем вы занимались? — тут же спросил Че. Он шел все легче, синюшная бледность уходила с лица, и Юлька мимолетно порадовалась: то ли анальгин подействовал, то ли вера в «сильнейшее обезболивающее» — но команданте явно чувствовал себя лучше.

— Я украшения делала, — проворчала Юлька и надулась, слушая, как смеется Че.

— Тогда почему...

— Слушайте, я обещала вам все рассказать и расскажу, — оборвала его Юлька. — Просто это трудно, понимаете?

— Вы очень похожи на товарища Морено, — заметил Че и замолчал.

Тропинка была узкая и сырая — не тропинка даже, а скорее, мелкая канавка. Че Гевара оскальзывался, наваливаясь на Юльку, и рычал от боли. Адреналин постепенно уходил из крови, и Юльку снова начинали мучить неразрешимые вопросы. Может, не стоит в линзу? Ведь где-то в сельве бродят остатки партизан; может, помочь команданте добраться к своим — а дальше будь что будет? Или это тоже вмешательство в историю? Или он обречен, что бы она ни делала? И почему часовые так охотно приняли ее за начальство из Америки? Нет, Че Гевара что-то путает, никогда Юлька не стремилась ни к политике, ни к интригам...

— Это и есть ваше надежное укрытие? — спросил Че.

Юлька подняла голову. Ну что ж, один вопрос отпал: линза была на месте. Она переливалась и подмигивала, будто ждала их. Будто приглашала: шагайте, ступайте в другие миры, а что до парадоксов времени... «В мире духов нет времени», — шепнул чей-то голос, и за банановыми зарослями сгустилась в ожидании гигантская тень... Команданте вздрогнул, будто от холода, и огляделся; и Юлька готова была поклясться, что высматривает он не солдат и не рейнджеров.

— Это ход в надежное укрытие, — сказала Юлька. — Но где мы окажемся — я понятия не имею. И когда — тоже, — добавила она тихо, но Че не услышал — или не понял.

— Надеюсь, нас не поджидает там отряд с заряженными винтовками наготове, — пожал плечами Че. — Что, туда надо просто войти?

— Угу, — сказала Юлька и сложила пальцы крестиком.

Где-то, когда-то

Здесь было темно, а воздух — сухой и холодный. Казалось, он шелестит в легких, как сожженная солнцем трава; слабо пахло листьями эвкалипта, дымом и шкурами диких зверей. Юлька попыталась вздохнуть поглубже. Голова закружилась; сердце бешено застучало, яростно гоняя кровь. Рядом сухо раскашлялся команданте. Юлька положила руку на его плечо и изо всех сил напрягла зрение, пытаясь рассмотреть во тьме хоть что-нибудь. Она была уверена, что они с команданте здесь не одни; кто-то еще находился рядом — кто-то живой. Юльке казалось, что она слышит чье-то дыхание, чьи-то легчайшие шаги.

— Кто здесь? — спросила Юлька темноту, но тьма молчала. — Где мы?

— Где-то очень высоко, — прохрипел Че Гевара. — Чувствуете, какой разреженный воздух?

Юлька кивнула.

— Здесь кто-то есть, — проговорила она. Собственный голос показался ей слабым и тонким; он будто таял в пустоте, едва заполненной воздухом.

— У вас есть оружие? — прошептал команданте в самое ухо.

Стараясь не шуметь, Юлька вытащила украденный пистолет и попыталась вложить в руку Че. Тот отстранился.

— Я потерял много крови и не смогу прицелиться, — сказал он. — Оставьте у себя. И если на нас нападут — стреляйте, не бойтесь.

КАРИНА ШАИНЯН

Родилась 14 сентября 1976 года в городе Грозном. Биография автора укладывается в треугольник, подминающий под себя практически всю страну,— жизнь Карины прошла между городами Грозный, Оха (Сахалин) и Москва.

Представительница славной династии: родители — геологи, дед — геолог, бабушка — инженер-нефтяник, папина сестра и мамин брат — геологи. Положение, как говорится, обязывает, поэтому геологом пыталась стать неоднократно, три года подряд поступая в Губкинскую академию нефти и газа, на геофак МГУ и еще раз на геофак МГУ. В итоге закончила психфак МГУ. Работала школьным психологом, но сбежала после того, как одна девочка начала ловить агентов Скалли и Малдера у нее в кабинете. В данный момент учится на сценарном факультете ВГИКа.

Помимо учебы играла на скрипке, рисовала, отработала сезон с геологической партией на полуострове Шмидта (самый север Сахалина) — по ее словам, «на должности «за козленка», она же «мальчик за все». Была вокалисткой панк-рок-группы, немного поработала в журналистике. С детства увлекается лошадьми, каждое лето проводит на Алтае — водит инструктором туристов в конные походы. Профессионально занимается изготовлением дизайнерских украшений. Еще одна страсть — поездки в экзотические страны. Путешествовала по Эквадору, Индонезии и Малайзии, поднималась на Килиманджаро, основательно изучила нетуристические места Камбоджи и Таиланда.

Писать начала в 2001 году, активно публикуется с 2002 года. Считается одним из самых перспективных авторов нового поколения российских фантастов. В 2010 году вышел дебютный роман Марины Шаинян «Долгий путь на Бимины». Карина — лауреат премий им. В. Савченко «Открытие себя», «Мраморный фавн», «Золотой кадуцей», «Бронзовый Роскон» и «Золотой Роскон».

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	
ПОБЕГ	11
ГЛАВА 2	
ЧЕРНЫЙ ПЕТУХ	24
ГЛАВА 3	
СКВОЗЬ ДЕБРИ ЧАКО	38
ГЛАВА 4	
ПРОКЛЯТЬЕ ФАТИН	50
ГЛАВА 5	
ПРИШЕЛЕЦ ИЗ ПРОШЛОГО	70
ГЛАВА 6	
ЗВЕРОЛОВ И СВЯЩЕННИК	86
ГЛАВА 7	
БОЙ В ЯТАКИ	105
ГЛАВА 8	
ОХОТНИК ЗА ДИНОЗАВРАМИ	120
ГЛАВА 9	
НЕВЕСТЫ ЧИМОРТЕ	136
ГЛАВА 10	
ПОВСТАНЦЫ	155

ГЛАВА 11	
ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ	173
ГЛАВА 12	
ОБМЕН.....	191
ГЛАВА 13	
ЮЛЬКА ВСТУПАЕТ В ИГРУ	210
ГЛАВА 14	
TIRANNOSAURUS REX.....	224
ГЛАВА 15	
ПОХИЩЕНИЕ.....	236

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **БУКВА**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул.Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пražский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т.(499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шарицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т.(495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т.(495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Карина Шаинян

Че Гевара 2
Книга вторая
Невесты Чиморте

Автор идеи Константин Рыков
Главный редактор Кирилл Бенедиктов
Редактор Вадим Нестеров
Литературный редактор Лариса Гудиева
Корректор Наталья Витько
Выпускающий редактор Дмитрий Гусев
Арт-директор Алексей Гонтов
Арт-концепт Алексей Маслов
Художник Антон Семакин
Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин
Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,
Сергей Пименов
Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»
Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д. 4, стр. 1,
тел./факс: +7 (495) 668-37-40 (41)
www.etnogenez.ru

Подписано в печать 19.10.11 г. Формат 164x215
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12,5 pt
Условных печатных листов — 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:
123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»
или на сайте www.shop.avanta.ru
Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ
www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10
zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14
тел: (8422) 41-11-07
факс: (8422) 41-11-32